

Муслим Магомаев

ВЕЛИКИЙ
ЛАНЦА

Муслим Магомаев

ВЕЛИКИЙ
ЛАНЦА

У этого парня голос прекрасней,
 чем у Карузо.
 Это величайший голос XX века.
 Артуро Тосканини

ОТ АВТОРА

Отчего так рано уходят гении? По крайней мере, большинство из них. Счет ли времени определен для них? Кажется, что их раннее дарование с жадностью поглощает в мгновение то, что у простых смертных тянется целую жизнь.

Вундеркинд подобен метеору - этой падающей и сгорающей в плотных слоях жизни звезде.

Или так: Богу не нужно соперников? Его дерзкие избранники подняли планку совершенства на невозможную высоту... А хочется еще выше. И уже нельзя остановиться. Но дальше... Дальше никому не дозволено. Ибо там, за пределами земного, уже Его чертоги.

Что было бы, если бы Моцарт продолжал совершенствоваться в музыке, а Пушкин - в поэзии? Они уже были гениями... А дальше? Как бы мы называли их потом? Богами?

Вот тогда встает железной стеной жизнь... Этот человек в черном, нашептывающий: «Остановись, не то мы все погибли...»

Как они жили? Кто возьмет на себя смелость сказать об этом с уверенностью? Их жизнь обростала легендами, как снежный ком, катящийся с горы. А каждый большой художник имеет право на справедливый портрет.

Как было бы просто, если бы машина времени была не только чудесной фантазией человека. Страшно было бы отправиться на ней в будущее... туда, за край бездны, неведения, за которым, возможно, уже ничто. Хочется в прошлое. Так надежней. Хочется вернуть то, что ушло невозвратно. Чтобы оно вновь ожило, обрело плоть и дух, снова страдало и радовалось, металось между ошибками и прозрениями и несло сломя голову за своей несбывшейся сумасшедшей мечтой; „Остановись, мгновение!"

Нет ничего фантастичней, чем просто постучать в его дверь и

услышать в ответ: «Come in, it's open... Войдите, открыто».

И наяву удивиться ласкающему бархату его божественного голоса. И крепко пожать руку, и начать неспешную дружескую беседу о жизни, о музыке, о радостях и невзгодах...

Но, увы, это лишь фантазия. Пора опуститься на землю. Машины времени нет и пока не предвидится...

Но есть книги о нем, есть газеты, сохранились документы... А главное, есть люди — почитатели Марио Ланца, верные и ревнивые хранители его памяти, хроникеры жизни и творчества великого певца.

Его помнят, его любят, его боготворят!

А может, любовь и память и есть машина времени, сводящая на нет дистанцию между прошлым, настоящим и будущим? А все это, наверное, и есть бессмертие.

Первыми штрихами к портрету Марио Ланца пусть будут наше восхищение и волнение. Чувства, знакомые миллионам его почитателей. Но затем — правда. Не нужно ничего придумывать. Да и каким воображением придумаешь такой голос, такое сердце, такие песни—плоть от плоти его. Как не придумать и его судьбы.

Так пусть ведут нас на этом пути познания жизни и творчества художника любовь к нему, человеческое сочувствие к его трагической и прекрасной доле. И не забудем заручиться в этом деле поддержкой тех, кому выпало счастье быть рядом с Марио Ланца в счастливые и горестные дни его краткой жизни: его верного друга Терри Робинсона, концертмейстера Константине Каллиникоса и других, кто оставил о певце искренние страницы воспоминаний.

Ни одна книга о великих людях, какой бы обстоятельной и искренней она ни была, не ставит точку в оценке их судеб.

Просто автору, как, очевидно, и многим, страстно захотелось попытаться оживить любимый с детства образ художника и по возможности приблизить его к тем, для кого певец был (а для кого-то еще будет) символом красоты и совершенства.

ПРОЛОГ

Марио взбешен. Марио подавлен. Марио не находит себе места. Льва, отмахавшего не одну милю по вольной саванне, возбужденного, азартного, в пылу охоты, вдруг... в клетку. Странное дело. Кажется, полный упадок сил, нервы на пределе, а голос... Голос словно живет отдельно от хозяина. Обычно певец о заболевании прежде всего узнает по голосу. Болезнь еще наступит через день-другой, но уже сегодня связки рыхлые, дыхание не держит, в горле ком... У Марио не так. Голос и теперь звучит, даже лучше, чем прежде. И, как никогда, неутолимая жажда петь. Петь много, записываться на пластинки, сниматься в новых фильмах, выступать на оперной сцене... Но, черт возьми, именно сейчас он вынужден прозябать в этой клинике «Valle Giulia» (*«Долина Джулия» ит.). И почему только этим далеко не романтичным заведениям в Италии дают красивые женские имена?

Невольно возник образ художника Каварадосси - его любимого героя из оперы «Тоска». Обреченный, приговоренный к расстрелу... В голове Марио навязчиво звучит его ария «E pop ho amato mai tanto la vita» (*«Никогда я так не жаждал жизни» ит.).

Флебит, подагра, давление. Что еще? Ему все это не в новость. Правда, на недавнем концерте от боли в ноге Марио готов был забраться на люстру. Да и не скрыть хромоты от любопытных, привыкших пялить глаза на знаменитости. Конечно, лечиться нужно. Но, честно говоря, надоело. Уколы, режим, диета, похудения... А тут еще другое. Неприятным, незнакомым ощущением отзывался в нем новый недуг, видно, унаследованный от деда Сальваторе. Диабет... Признаки заболевания замечены врачами. А если это так, то снова строжайшая диета, лечение, уколы инсулина - Марио терпеть не мог иголок, даже самых маленьких. Короче, незавидное положение.

В который раз он задерживал взгляд на букете красных роз, принесенных Бетти, глядел рассеянно в проем окна. Глаза, какие-то отчужденные, потерянные, как бы расфокусированные (так смотрят глаза человека, сидящего вспомнить о чем-то важном), говорили о том, что Ланца слишком далек от всего того, что окружало его здесь, сейчас...

Ему-тридцать семь. Он чувствует расцвет своих певческих возможностей. Он просто сильно устал. Нужно немного отдохнуть. И тогда Марио снова будет готов ринуться в бой. А там уж начнет лечить работа. Работа на износ (иначе он не мог и не хотел). И, дай-то Бог, все пойдет, как в лучшие годы...

В самые трудные свои дни Марио Ланца верил в доброту Бога. Нет, он не был слепым приверженцем религии. Слишком он был стихийной, бунтарской натурой, чтобы в тихом благоговении просить защиты и милостыни у Всевышнего. Просто Марио верил в доброту своего Бога.

-Бог вложил в меня этот голос. И только он один может отнять его у меня. Я твердо верю, что Господь не оставит меня в беде...

В эти дни его все чаще одолевала какая-то странная мысль: не оттого ли все напасти, что слишком высоко посмел он взлететь!.. И тогда, чтобы хоть как-то отвлечься, забыться от этих назойливых дум, он начинал петь. Сначала чуть слышно, как бы про себя, потом все крепче и увлеченней. Голос был, голос звучал. И Марио воспринимал это как добрый знак: что ж, Бог все еще милостив к нему. Помогало и другое, отвлекавшее от физических и особенно от душевных недугов... Воспоминания. В общем-то, редкое в его суматошной жизни артиста благо. Разное случалось в прошедшей жизни. Но память его отчего-то высвечивала только светлые дни. И сейчас она опять возвращала его туда, в далекую и безоблачную родину детства, которую отделяет теперь от него целый океан и которая отсюда, из Италии, видится ему чудесным островом счастья.

Глава 1 **«МАЛАЯ ИТАЛИЯ»**

Великий гражданин и основатель Филадельфии сэра Уильям Пенн, чей памятник на центральной площади - безусловное украшение здешних мест, очень удивился бы, узрев, во что развернулось ныне его любимое детище. Прос-торный, этакий сквозной разлет авеню, многоэтажные дома, огненные потоки реклам, площади с античной роскошью фонтанов, клумб, мраморных баллюстрад. Что стало сегодня с «Городом братской любви», как окрестил его некогда основатель? Филадельфия (город живет с 1862 года), как и десятилетия спустя, остается хранителем богатого европейского прошлого. Долго Филадельфия удерживала первенство среди крупнейших городов «колониальной Америки», покуда со временем ее не потеснили такие «столпы американского процветания», как Нью-Йорк, Чикаго, Лос-Анджелес.

И все-таки отец города Уильям Пенн остался бы доволен, увидев, что его «зеленый город» по-прежнему верен духу братства: сюда шли и продолжают идти - в одиночку и семьями - иммигранты из многих стран.

Что влекло их сюда? Мягкий субтропический климат, река Миссисипи, по признанию многих иммигрантов напоминавшая реки оставленной родины? Но иммигрантские реки так и не слились в единое филадельфийское море наций. Пришельцы оседали группами, сбивались в целые национальные кварталы, старались чтить и сохранять этнические признаки, образ жизни, привычки своего народа, нравы предков.

Район, где поселились предки Марио Ланца, с годами все больше превращался в окраину. Промышленный и строительный бум оттеснял этот довольно-таки колоритный уголок Южной Филадельфии, но почти не нарушал его уюта. Этот квартал, издавна заселенный выходцами из Италии, не мудрствуя, да и в утешение ностальгического

чувства, нарекли «Малой Италией». Район этот буквально дышал родиной. Всюду звучала итальянская речь, а стало быть, и летали, мелькали вокруг говорящих, как шпаги на дуэли, темпераментные, красноречивые жесты; допоздна распевались народные итальянские песни под мандолину или аккордеон. Вкусно, сочно, терпко благоухали ресторанчики «а ля итальяно», где по всем правилам готовили спагетти и пиццу; в продуктовых рядах и лавках лукавые и разговорчивые хозяева выкладывали ветчинные окорока, итальянские колбасы, различные сыры, бутылки вина. Скороговоркой летели окрест названия этих «божьих даров»: «прошюто крудо», «саяме», «гор-гондзола», «кианти»...

Еще пуще шумела «Малая Италия» по праздникам. Из распахнутых окон неслись зажигательные и необычайно мелодичные напевы, а во дворах и по улицам затевались озорные пляски-настоящие «тарантеллы»...

Но грустью отдавало от этого веселья. Ибо ничто не могло заменить блудным сынам здесь, на чужбине, их покинутой родины. Не смогли они взять с собой главного: души и сердца Италии - частицы ее солнца, неба, земли, моря.

Антонио Кокоцца был выходцем из Южной Италии, из Филеттино. В Америку приехал он с родителями, когда ему исполнилось двенадцать лет. В юности Антонио увлекался спортом. Он считался лучшим велогонщиком Филадельфии. На его счету была крупная победа в известной многодневной велогонке тех лет Филадельфия - Нью-Йорк - Медисон-Гарден. По обычаю новой родины Антонио пришлось попробовать не одну профессию. Работал он в радиокорпорации, в локомотивном депо на токарном станке, менял место работы чаще, чем оковки на ботинках.

Короче, был Антонио простым человеком, но в то же время не лишенным романтики и чувственности. Страстно любил музыку, пение, даже играл на французском рожке. Особое пристрастие испытывал к итальянской опере.

Владел единственным, по его словам, богатством: дюжиной-другой грампластинок с записью голосов знаменитых соотечественников - тенора Карузо и баритона Руффо.

В первую мировую войну Антонио Кокоцца тяжело ранили: разрывной пулей изуродована кисть правой руки. В беспамятстве контузии попал он в немецкий плен. Из плена не раз пытался бежать. Во время одного неудачного побега получил еще одно ранение - на этот раз в спину... Потом была газовая камера... Вернулся домой героем войны, но инвалидом. Как инвалиду ему была назначена небольшая пенсия...

Вот краткое изложение того, что произошло с Антонио Кокоцца, будущим отцом Марио Ланца, до встречи с Марией Ланца, будущей его матерью.

Теперь об этой встрече.

Было это в двадцатом году. Тони Кокоцца, уже немного окрепший после ранений, зашел как-то в продуктовый магазинчик, что на пересечении Седьмой улицы и Кристиан-стрит, чтобы купить немного саламе. Держал магазин Сальваторе Ланца. За прилавком Тони увидел молоденькую и очень хорошенькую девушку. Это была шестнадцатилетняя дочь хозяина лавки.

О чем говорят молодые люди в подобных случаях?.. Красота, нежность, очарование юной продавщицы сразили выдавшего виды бравого вояку. Он забыл не то что об итальянской колбасе, обо всем на свете.

Оценила Антонио и Мария. Приглянулся ей широкоплечий, осанистый молодой человек в армейской форме, а особенно улыбка его: открытая, доверчивая... Как видите, любовь с первого взгляда случается не только в кино.

Не прошло и двух месяцев, как Антонио Кокоцца и Мария Ланца стали мужем и женой.

Глава 2 «КРЕПЫШ ФРЕДДИ»

Жизнь нашего героя началась с «чистого листа недели» - в понедельник. Утро выдалось зябким. Не переставая хлестал дождь. Ветер бил в окна, гремел рамами. Антонио не спал всю ночь. На душе было тревожно, но, как это часто бывает, тревогу и какую-то зябкость души, под стать этой зимней погоде, сменила вдруг буйная радость... Весть буквально подняла Антонио над землей. Он - отец! Мария, его семнадцатилетняя жена, подарила ему сына. На календаре -31 января. На часах-9.45...

Мальчика называли Альфредо Арнольд. Стало быть, на американский манер - просто Фредди. Говорят, что крестил новорожденного священник по имени Каруэо. Если так, то факт замечательный. Не просто факт - предзнаменование.

В доме отца Марии Сальваторе Ланца становится еще более тесно и шумно. Представьте себе семейку, где умудряются сосуществовать Сальваторе со своим характером, чета Кокоцца с младенцем Фредди, пять тетушек, два дядюшки. Мало того, дверь дома то и дело хлопала, встречая и провожая близких и дальних родичей или просто знакомых, заглянувших посудачить о том о сем.

Вообразите себе, скажем, обычный вечер.

В столовой на втором этаже дома усаживается вокруг стола все семейство старого Сальваторе, крепко «разбавленное» гостями. Гомон, детский плач, смех, звяканье посуды. Многоликий шум ходит волнами. А за столом всего лишь мирные разговоры; правда, со стороны они напоминают скандал, а мелькание жестов - откровенное рукоприкладство. Но на то они и итальянцы, чтобы жить так, как хочется, как требует нрав, и не замечать житейских неудобств.

Дом на Кристиан-стрит небольшой. Его купил синьор Сальваторе на деньги, вырученные от торговли овощами с

повозки на центральной улице Филадельфии - Мэйн Лайн. Торговал Сальваторе преимущественно калифорнийскими апельсинами и лимонами. Дохода от одной лишь бакалейно-фруктовой лавки Сальваторе явно недостаточно для такого количества ртов. Да и конкуренция ощутимо наступает на пятки мелкому торговцу. Приходится все время что-то предпринимать, дабы не прогореть в пух и прах. От этих забот глава дома часто угрюм и нелюдим. Не забывали, как бы случайно, совать свой нос в дела Сальваторе и местные мафиози. После каждого их «визита вежливости» в хозяйском кармане ни цента...

Здесь, мне кажется, уместно рассказать о случае, коснувшемся семейства синьора Ланца. Марио запомнит его на всю жизнь.

Как-то Фредди возвращался домой. Крыльцо его дома обступила возбужденная толпа. То, что Фредди увидел, подойдя ближе, бросило его в жар. Нехорошо, резко застучало в голове, к горлу подступила тошнота... В луже крови лежал обезображенный труп его родного дяди Винициана Кокоцца. Почерк преступления ясен: вендетта гангстеров. Наглое, у всех на виду убийство, как всегда, осталось загадочным - любопытная толпа рассеялась, вместе с ней и свидетели преступления. Разумеется, оказалось, что никто ничего не видел и не слышал.

Так юный Кокоцца впервые в жизни воочию убедился в том, что жестокость мафии - не только выдумка полицейских фильмов.

Повлиял ли этот трагический случай или то, что жить у деда Сальваторе становилось все неудобнее, несвободней, но тем не менее в 1930 году семейство Кокоцца переезжает в маленький угловой дом на пересечении Мерси-стрит и Двенадцатой стрит, один из многих, что неброско лепились по обе стороны этих южнофиладельфийских улиц.

Фредди было жалко расставаться с домом деда. Нет, с Сальваторе он будет видеться часто, да и новые друзья еще будут. Неподалеку от дома деда был музыкальный

магазинчик Фрэнка Янарелла, их соседа. Вот с этой «музыкальной шкатулкой» Фредди совсем не хотелось расставаться.

А в общем-то переезд мало что изменил в жизни нашего героя. По-прежнему стихией его была улица. Как ураган, вздымая пыль, носился по ней этот сущий дьяволенок с темно-жгучими, маслинными глазами, открытой и белозубой улыбкой, вьющимися густыми волосами, говорящими о южном характере.

На первый взгляд, что можно было увидеть в тогдашнем сорванце возвышенного и одухотворенного, присущего будущему артисту, великому таланту? Окрестную шпану он быстро прибрал к своим рукам, верховодил всеми, руководил уличными подвигами. Голова Фредди кипела от затей: то он «химичил» над дымовой шашкой, то тянул через улицу невидимую и жгущую, как крапива, как молния, стальную струну, чтобы поквитаться с «одним очень неприятным типом», то другому «очень приятному типчику» забивал замок опилками.

Но не только дерзостью и час от часу крепчающей силой брал Фредди, а и ловкостью, умением, смекалкой. Оттого «ломовая» его силушка часто втекала в русло, именуемое спортом. Вот где Фредди блистал славой. Лучше всех он играл в американский футбол, мог огорошить противников и болельщиков неожиданными финтами и уловками: ужом выскальзывал из-под регбистов и мчал, как гепард, к воротам; отличался и в бейсбольных баталиях, и в баскетболе, в штанге, в боксе. Спортивные увлечения чередовались с уличными потасовками. Дрался Фредди азартно, но никогда не зло. Быстро отходил, первый протягивал противнику руку примирения и тут же в обнимку с недавним смертельным врагом шел прогуляться по городу. Короче, был крепыш Фредди заводилой, «бардацца», как называют подобных сорванцов, озорников и непосед итальянцы. К тому же с ранних лет Фредди уже

ухлестывал за местными девчонками-„принцессами". А «принцессы» не без удовольствия отвечали взаимностью «рыцарю улицы».

Но не вся энергия нашего героя уходила в спорт или дворовые забавы. Не забывал Фредди помогать в лавке деду Сальваторе. Грузил тяжелые ящики с продуктами, мог взвалить на плечи мешок фруктов фунтов в двести и при этом кинуть его легко, без особого напряжения, с улыбкой на лице и частенько под какую-нибудь песню. Иногда он вставал за прилавок, выражение лица и манеры становились соответствующими хозяину, и тогда Фредди уже ничем не отличался от заправского бывалого торговца «колониальным товаром». Правда, после такого обслуживания дед недосчитывался в кассе пары долларов... Впрочем, великий певец так никогда и не научился считать деньги.

И все-таки через взбалмошную, переменчивую, неумную натуру Фредди, в которого вселялся то дьявол, то ангел, проглядывали доброта и романтичность. Никогда он не под-нимал руку на слабого. Если родители одаривали его деньгами – «гуляла» вся окрестная ребятня.

Похоже на то, что задумчивым, серьезным и мечтательным Фредди становился только в одиночестве. Позже Ланца вспоминал, как когда-то в юности часами разглядывал он свою любимую коллекцию фотографий и рисунков с изображением лошадей. Насколько он себя помнил, он всегда обожал этих благороднейших из животных, вырезал картинки с ними из журналов и газет и как драгоценность хранил «лошадиную коллекцию» под кроватью в трех больших коробках.

Еще любил он, проснувшись, смотреть из окна на черное фиговое дерево. Кто-то давно привез его сюда из Италии. И вот теперь, одинокое и печальное, маячило оно во дворе дома Антонио Кокоцца как напоминание о далекой родине предков. К нему тянулись соседи, как будто это было не дерево, а родник. Приходили просто посидеть под его кроной, поговорить или помолчать. Когда фиги созревали,

почти все жители Мерси-стрит спешили к дому Антонио, чтобы получить свою долю от дерева родины.

Было еще одно увлечение, которое более сильно, чем снимки лошадей или фиговое дерево за окном, погружало Фредди в мир сладких грез. Музыка... Но об этом чуть позже. Новая, самостоятельная жизнь четы Кокоцца также не отличалась особым достатком. Как и прежде, мать Фредди, Мария, вертелась «как заведенная». С рождением сына матери не пришлось полностью отдать себя воспитанию своего ребенка. Напротив, она была вынуждена искать и другие заработки. Больше, чем мог, ее отец Сальваторе дать им был уже не в состоянии. Пенсия Антонио весьма скромна. Так что пришлось Марии впрягаться в ляжки новых забот. Работала она швеей (теперь пришлось рукодельничать на дому), помогала отцу в лавке на Кристиан-стрит и еще успевала работать официанткой - подавать мороженое в салоне.

Дед Сальваторе понимал, что молодой семье, выбравшейся наконец из его «вавилонского» дома, самое время начать собственное дело. Для этой цели Сальваторе и решил дать зятю Антонио субсидию, чтобы тот смог по соседству с его магазином наладить небольшое кондитерское дельце.

Затея лопнула. Бизнес не ответил взаимностью инвалиду первой мировой. А вообще-то немудреной была работа. И товар вроде бы шел. Вот только у предобрейшего Антонио Кокоцца рука никак не поднималась брать деньги у покупателей, потому что в основном его покупателями были дети. Антонио не продавал сладости и мороженое - дарил. С усердием помогал отцу обанкротиться и Фредди. Из его лавки он, бывало, выбегал с туго набитыми карманами. За ним хвостом тянулась местная ребятня. По улице, по окрестным дворам ветер гнал, как палую листву, пестрые фантики. Это было очень красиво.

Но лавку пришлось прикрыть. Тесть негодовал. Это он умел. Недаром текла в нем вперемешку с итальянской

испанская кровь. А вот зятя Антонио с этой его преурацкой добротой даже и ему не переделать. С ней, видно, он, чудак-человек, родился, с ней и в могилу уйдет.

Глава 3
**МАЛЕНЬКИЙ ПОКЛОННИК
ВЕЛИКОГО КАРУЗО**

Трудно подчас бывает уловить, когда именно приходит к человеку прекраснейшее из увлечений - любовь к музыке. Лет четырех Фредди мог час-другой сидеть в глубокой задумчивости на крыльце дедовой бакалейной лавки и слушать пластинки. Звучали они из музыкального магазинчика Френка Янарелла (о нем мы уже упоминали), разместившегося по соседству с домом Сальваторе. Музыка была разной. Чаще же звучали популярные арии из опер и итальянские песни.

Ну а еще раньше, конечно, слух Фредди узнал голос матери. У Марии был прелестный голос. Вообще она отличалась природной музыкальностью. Недурно играла на фортепиано, мечтала стать оперной певицей. Но на этом ее пути встал отец, Сальваторе Ланца.

-Послушай, Мария. Выбей дурь из головы. Певица!.. Что за блажь?! Сцена, моя дорогая, не место для замужней женщины.

Да, упрямства отца не переломишь. Сальваторе был испанцем старой закваски. Жизнь слишком серьезная штука, и тратить силы на музыку... Нет, пустое дело. И в его, Сальваторе, доме ему не бывать. К тому же весьма незавидное положение мужа Марии, инвалида, и заботы, связанные с рождением и воспитанием сына, вовсе похоронили ее возвышенную девичью мечту. Что ж, оставалось петь для сына. Так что именно голос Марии, ее колыбельные песни, видимо, и были первыми музыкальными впечатлениями Фредди.

Лет с пяти Фредди стал привлекать отцовский граммофон. Привезли его родители из далекой Италии. Мало-помалу собрались у Антонио пластинки с голосами Каруэо и Руффо. Теперь их было десятка два.

Год от года музыка все настойчивей входила в жизнь юного Фредди Кокоцца. И это уже не было просто детским любопытством к черным блестящим дискам или к колоритному на вид отцовскому граммофону с огромной трубой, в зев которой всегда так хотелось заглянуть, чтобы узнать, откуда берутся эти волшебные звуки, эти живые голоса. Фредди уже привлекали не атрибуты, не средства музыки, а сама музыка. Марию радовало новое увлечение сына. По крайней мере, для „обретения возвышенности“, чего дерзкому и непослушному Фредди явно не хватало, музыка была бы весьма кстати.

Мария, с болезненной пристальностью следящая за каждым шагом сына, часто думала о том, кем же он у нее будет. Если судить по тому, что Фредди вытворял на улице, - быть ему боксером или бейсболистом. Мария закрывала глаза, и тут же ее воображению рисовался изуродованный лик сына - шрамы и синяки, свернутая скула, распухший нос, выбитые зубы... Мурашки пробежали по спине от такой страшной картины, и она спешила перевести свои раздумья на другой путь.

Правда, в натуре сына были и другие качества, из которых Мария словно за ниточку пыталась вытянуть профессию поблагородней да понадежней. Фредди умел убежденно и напористо вести спор. И не кулаками - на словах. И теперь размечтавшейся Марии ее сын виделся уже адвокатом, защищавшим простых людей, таких же, как они, Кокоцца и Ланца...

Но будущее Фредди виделось Марии все еще зыбко, а покуда, чтобы на практике заняться воспитанием в сыне „высоких и светлых ощущений“, она решает пристроить Фредди алтарным служкой в церковь Святой Магдалины де Пацци.

Фредди явно не подошел для этой „ангельской вакансии". Добрейший, усердный и долготерпеливый монах-настоятель и тот не выдержал. Не помогли ни его увещевания, ни его кротость, ни тонко подобранные цитаты из Священного писания, ни даже в минуты отчаяния - прости его, Господи! - крепкие, по-простонародному, собеседования с дерзким служкой. Конец был плачевным - Фредди „изгнали из храма".

Мы говорили уже о том, с какой грустью наш герой расставался с музыкальным салоном синьора Янарелла, когда семейство Кокоцца поменяло жилье. Судьба подыграла Фредди: неподалеку от нового их пристанища находился довольно-таки солидный магазин грампластинок. Хозяином его был синьор Петрелла - человек на редкость приветливый и добродушный. С удовольствием заметил он в своем новом юном друге необычайную любовь к музыке. Потому-то и позволял ему частенько оставаться в лавке и крутить пластинки на свой вкус и выбор. А выбирать было из чего. На стеллажах музыкального салона красовались конверты строгого и веселого вида, магнитом притягивающие глаз. Пластинки были самые разные: оперы, симфонии, джаз, нашумевшие шлягеры года...

Забегая вперед, замечу: не отсюда, не из салона ли синьора Петреллы будущая певческая разносторонность Марио Ланца, творческий его размах, охватывающий в равной мере и строгость классики, и чуткость народной песни, и напо-ристость рок-н-ролла?

В доме чаще стал заводиться граммофон. Часами в уединении слушал Фредди голос Энрико Карузо. Чудесный, властно захватывающий, волшебный и непостижимый голос великого соотечественника, который с первых звуков зачаровал его, стал кумиром, идолом, образцом не только поклонения, но и подражания.

Уже сам Фредди просил мать что-нибудь спеть ему. С редкой душевностью пела Мария неаполитанские песни. Сколько их она знала!..

Когда голос матери уставал, Фредди смотрел на нее восхищенно и виновато. Его глаза словно говорили: „Мам, ты извини меня, я мучаю тебя своими просьбами, но твои песни-это так здорово!"

Мария отвечала бесконечно любимому сыну нежным, все понимающим взглядом: „Подожди, я отдохну немного, сынок, и снова напою тебе наши чудесные мелодии..."

Мария всю жизнь оставалась для Альфредо божеством. Пожалуй, только ей одной он свято поклонялся до последнего часа. В своей не знавшей меры любви к сыну Мария часто не видела в нем (да и не хотела видеть) недостатки. Его бесконечные драки и беспричинные стычки со сверстниками она объясняла просто: Фредди должен расти мужчиной. Она поощряла его увлечение боксом, хотя в тайне всегда боялась, что в этом „деле только для мужчин", так же как и в этом дьявольском американском футболе, ее любимца сильно покалечат.

- Никогда не позволяй, чтобы тебя обижали, - говорила сыну Мария.-Умей дать сдачи. Не допускай того, чтобы тобой помыкали. Будь сильным и справедливым. Будь мужчиной...

Впрочем, и без подобных, по существу риторических, наставлений матушки Фредди крепчал и мужал, и даже до такой степени, что разница в возрасте между матерью и сыном казалась все менее заметной. Мария оставалась моложавой, стройной и привлекательной. Фредди день ото дня накачивал мышцы, рос и вверх, и ширирь.

Когда вместе с матерью он гулял или шел в магазин, их невозможно было признать за мать и сына...

Однажды возле аптеки один мальчишка бросил вслед Марии какую-то сальность. Альфредо, сказав матери: „Ты иди, я сейчас..." - подбежал к остролесу и сбил его с ног коротким ударом по челюсти. „Запомни - это моя мать... Я тебя предупредил... В следующий раз убью!.."

Такой у него был норов. Хотя, справедливости ради, еще раз скажем, что главным в характере Фредди было

добродушие. И вывести его из себя мог только исключительный -по подлости, хамству - случай. И тогда уж (берегись, обидчик!) он становился стихией.

Но вернемся к нашему повествованию.

Итак, в жизнь Фредди властно входила музыка. Теперь она все больше, так сказать, материализовывалась в одном - в чудо-голосе Каруэо. Маленький поклонник великого Каруэо уже знал наизусть каждую его арию, романс или песню, что звучали с черных увесистых дисков из скромной коллекции Антонио Кокоцца. Знал до нюанса, до последней черточки, как рисунок на собственной ладони. Он не только слушал -неволью пытался вторить знаменитому тенору. Ему со временем стало казаться, что их голоса из одной породы. Конечно, Фредди и думать не смел о том, что и он певец. Просто дуэт с великим магом бельканто увлекал его до самозабвения.

Фредди, сам того не замечая, стал на улице, в кругу знакомых парней что-то напевать. Вряд ли могли оценить по достоинству новое увлечение уличного вождя, важничающего какой-то там „нафталиновой" музыкой. К лицу ли такое „бардацца", „супермену"? Куда бы ни шло, если бы насвистывал он себе под нос свежий шлягер - с таким лоском небрежности...

Но Фредди уже было наплевать на мнение улицы.

Интуиция Марии, стало быть, не подвела. Альфредо музыка явно преображала. И теперь это было подмечено не только Марией. Антонио ничего подобного не видел прежде в сыне. Не то чтобы Фредди стал другим, разве что чуть задумчивей, мечтательней, затаенней. Как влюбленный...

И вскоре на семейном совете принимается решение: раз музыка, стало быть, время приобретать музыкальный инструмент. Только вот какой? Может, начать со скрипки? Вещь очень даже достойная. На и можно выбрать по карману...

Так в руках Фредди появилась скрипка.

Здесь я позволю себе небольшое отступление личного характера.

Я хорошо знаю, что такое скрипка для начинающего учиться музыке ребенка. Скрипка - не фортепиано. Этот инструмент в неумелых руках не родит так называемый конкретный звук. Бессмысленное, на ощупь вождение смычком по струнам отзовется лишь раздражающими душу звуками, о которых говорят „тянуть kota за хвост“.

В нашем доме скрипка осталась в наследство от моего деда. Мои родители, подумав: „Что добру пропадать?“ - решили приучить меня к ней... Звуки этого волшебного инструмента в моей интерпретации стали невыносимыми и для меня, и для всего дома... С детства я отличался любознательностью, и поняв, что так со скрипкой ничего не выйдет, разобрал ее на части - „на предмет технического познания“. По ходу дела стало ясно, что и Страдивари из меня не получится. В конце концов из всех деталей и принадлежностей скрипки пригодилась одна-смычок. Неплохая вышла из него шпага для дворовых мушкетерских поединков...

Альфредо, мой „единомышленник по части любви к скрипке“, обошелся с ней еще более неэлегантно: он просто-напросто выбросил беднягу в окошко. Мария на следующий день нашла ее останки под сенью фигового дерева и... Впрочем, сцена эта, очевидно, столь неприятная, что, пожалуй, опустим ее...

Родители Фредди проявили терпение и настойчивость. Потому что следующий инструмент был покрупнее и подороже. Пианино, ослепительно сияя лаком и бронзой подсвечников, въехало в дом Кокоцца. Вот с этим инструментом у Фредди все было иначе. Ну, хотя бы вот так: на граммофоне пластинка. Прослушав ее, Фредди шарит пальцами по черно-белому полю клавиш. А это очень увлекательно - подбирать по слуху только что прозвучавшую мелодию.

И все-таки больше всего увлекало Фредди пение вместе с голосом Карузо, звучащим с пластинки. Чаще других крутил Фредди ариозо Канио. Раз двадцать пять подряд, не меньше, пел Карузо тоску и боль паяца. А Фредди и этого мало... Ему кажется, что это не Карузо, а он - Канио - поет этот плач: "Ridi pagliaccio..." (*«Смейся, паяц» ит.) Уже слышав ариозо, отец Антонио начинал добродушно ворчать: „Сынок, смени пластинку, не то скоро будет дырка“.

Фредди возвращается на землю. Но ненадолго. Так не хочется отвлекаться от этого занятия. Теперь он все чаще в отсутствие родителей пытается петь в унисон с голосом Карузо, копируя его манеру пения, интонации, произношение фраз. Это не так просто. У Карузо такой живой, мощный, подвижный, какой-то неземной неуловимый голос. А Фредди все еще мешают робость. Смущает блеклость и бесцветность собственного звучания.

Но вновь из трубы граммофона льется чудо. Снова крепнувший и приобретающий краски голос юноши вторит своему „Богу пения"... В искусстве имитации Фредди делал заметные успехи. В доме к этому относились с умилением. Но не более того. Увлеченность подобным пением еще ни о чем не говорит. Даже мать, страстно любившая музыку, по-прежнему видела сына в будущем не артистом, а непременно адвокатом. Вот что у него настоящее, думала она, так это дар убеждения. Как он ловко-то напором логики, то неожиданным аргументом - умеет положить спорщика на обе лопатки. Да и в школе он позволял себе вступать в полемику с учителями. Козырем его были познания в музыкальной литературе. И когда, где удалось ему так поднатореть по части оперы? Учительнице музыки частенько приходилось признавать себя побежденной. Однокашники были в восторге. Вот вам и „Фредди-бардацца“!

Итак, что касается его будущей профессии - адвокатской или еще какой, - так это только мечта его

матушки. Сам Фредди думает иначе... Выбор сделан. К нему он пришел не сразу, не за одну бессонную ночь. Он хочет, он решил стать музыкантом, артистом.

И теперь этого не скроешь. Да он и не хочет ничего скрывать. Он, правда, еще не знает, какие трудности и лишения ждут вступивших на этот путь. А покуда и он сам, и его мать Мария, и отец Антонио (если, разумеется, они встанут на его сторону) знают, что последнее слово будет за дедом Сальваторе. А синьора Сальваторе с его патриархальными убеждениями уломать совсем не просто. Слишком глубоки корни стародавних семейных традиций у итальянцев.

Дед, как всегда, рубил с плеча.

- Музыка - не профессия. Еще неизвестно, какой из него певец, а вот работник... работник он отменный. Видал я не раз, какие мешки он бросает играючи... Играючи и пару тарелок спагетти умнет. Парню уже девятнадцать. Ему нужна мужская профессия. Пора и себя содержать, и деньги в семью приносить...

Кто возразит старейшине рода? Отец воды в рот набрал, насупился; Мария сидела низко опустив голову: похожий разговор уже был в ее жизни. Не осмеливался перечить деду и сам Фредди. Дед был строг с внуком, но это не мешало ему необычайно любить мальчика. Да и Фредди души не чаял в старике. Но он хорошо знал, что такое его кремень-характер. Ничего не поделаешь, сегодня право на стороне деда.

Фредди оставалось помогать деду в лавке.

Изнурительный, а главное, однообразный труд хоть и был в тягость, все-таки не мог отвлечь Фредди от музыки. Пел он каждую свободную минуту. Пел и продолжал слушать любимые пластинки Карузо. Пел для себя и для других. Поначалу, правда, что-то удерживало его от публичного пения. Он все еще чувствовал себя как бы привязанным к голосу Карузо, как ребенок к матери. Но

исподволь, преодолевая робость, Фредди Кокоцца все больше доверяет собственному голосу.

Позже мы поговорим о том, когда и при каких обстоятельствах по-настоящему открыли талант Альфредо. Но думается, первое (и, может быть, самое важное) открытие делает хозяин собственного голоса. Конечно, вряд ли мог юноша по достоинству оценить то, чем он владел. Но то, что у него голос, и голос этот не просто звучит - поет, об этом Фредди догадался первым.

Жизнь нашего героя наконец-то начинала обретать какую-то осмысленность и целесообразность. Причин для беспокойства, кажется, нет. Но надо знать мать Марию. Спокойной она была редко. Будущее сына по-прежнему виделось ей столь же призрачно, как и недавно, когда Фредди еще не работал... Образование сына тревожило ее. Для Марии, для ее натуры, тонко чувствующей и неизменно, вопреки всяческим преградам, стремящейся к лучшему, высшему, учение сына всегда было истинной мукой. Не то чтобы он плохо учился или не имел способностей. Зубрежку Фредди ненавидел до тошноты. Был чертовски неусидчив. Но даже и не в этом дело. Неусидчивых бездна. Фредди отличала сти-хийность характера. Это был чистый порыв. Настроение его менялось, как погода у моря. Живость натуры, взрывной характер, бескомпромиссность, особенно когда дело касалось достоинства и чести. Да, с такими качествами подчиняться кому-то и чему-то нелегко.

Из школы Фредди „с треском" выгнали. Учитель обозвал его „итальяшкой". Фредди коршуном кинулся на него и... О, пресвятая дева Мария!.. Никакие просьбы родителей не помогли. Прощай, Пенсильванская средняя школа!.. Пришлось переводиться в Линкольнскую подготовительную.

В этой школе, кстати сказать, был хор. Фредди пел с хором по праздникам, но никогда, правда, не пел соло и даже не запевал.

Линкольнская пригготовительная школа не давала аттестата зрелости. А Мария все еще лелеяла мечту видеть своего обожаемого Фредди с дипломом высшей школы. Пришлось обратиться к услугам частного филиладельфийского колледжа. Учеба началась. Но желания учиться у Фредди вовсе не было. Мечта совсем о другой карьере делала его нетерпимым. Фредди решил ускорить учебный процесс. Обогнать, так сказать, и время, и события. С этой целью он явился к одному из служебных лиц колледжа и сказал, что хочет сдать экзамены экстерном и все сразу. И выложил на стол деньги...

Фредди помогли открыть дверь и что-то сказали на прощание...

А теперь давайте, как в кино, открутим ленту событий немного вспять. Нам очень важно услышать один разговор матери с сыном.

Итак, последний шанс исправить дела по части образования Фредди. На дворе весна. В комнате мать и сын.

Мария, вздыхая:

-Фредди, скоро выпуск, ты уже подумал, чем ты будешь заниматься после школы? Может быть, продолжишь образование и пойдешь в колледж?

Фредди, подумав и усмехнувшись:

-Мам, профессия, которую я себе выберу, стоит больших денег. Может, даже больших, чем учеба в колледже.

Мария, оценив честолюбивое признание сына:

-Что же это за профессия?

Альфредо, взволнованно и твердо:

-Я буду певцом!

Глава 4
**«Я ЖДУ, ЧТОБЫ МЕНЯ
КТО-НИБУДЬ ОТКРЫЛ»**

И теперь все как будто встало на свои места. Фредди исповедался. И сделал это так страстно и так нетерпеливо, что Марии пришлось тут же, пока только себе, признаться: выходит, она совершенно не знала своего сына. Короче, Мария растерялась. Но ненадолго. Безответ Фредди был осторожным и расплывчатым: „Хорошо... Надо как следует об этом подумать...“

Разумеется, своими новыми чувствами Мария не замедлила поделиться с Антонио. Антонио возгордился. И на то у него были причины. Втайне он всегда лелеял мечту о будущей звонкой карьере сына. Ему нравился его крепнувший день ото дня голос. Но всему свой срок. И Антонио терпеливо, с тайной надеждой, ждал этого звездного часа своего дорогого Фредди. А сейчас он радовался, что об этом можно говорить открыто.

Столь категоричное заявление Фредди дошло до деда Сальваторе и привело его в замешательство. Но не в натуре деда было долго оставаться в неведении относительно того или иного жизненного вопроса. Конечно, он был неизменно строг, крут, решителен. Свое слово держал крепко. Что поделаешь, таким он был всегда. Но тут что-то произошло с ним. Возможно, мудрость и доброта одержали верх над его патриархальной повелительностью. Недавнее дедово „железное решение“ по поводу карьеры Альфредо дало трещину. Лед тронулся. Более того, сам Сальваторе, к вящей неожиданности всего семейства, решительно принял сторону любимого чада.

Дедово благословение добавило надежды нашему герою.

Теперь о своей мечте можно рассказать всем. Да и не в характере Фредди скрытность. Они с дедом Сальваторе сделаны из одного теста.

Сейчас же время взглянуть на Фредди той счастливой и возбужденной поры глазами современника. Ну, хотя бы синьора Эль де Пальма (**Эль де Пальма - владелец магазинчика на Вайн-стрит в Филадельфии. Получил в народе титул «Король хогиз» - депальмовский вариант популярного итальянского сэкндвича*)

Он вспоминает:

-Лет с шестнадцати Фредди был клиентом моего скромного заведения. Обычно он приходил в магазинчик, чтобы отведать моих фирменных сэндвичей (аппетит у него был отменным) и послушать пластинки на собственном патефоне... Помню один из вечеров. Если мне не изменяет память, было это в тридцать девятом году. В Филадельфии разыгрался настоящий буран. Город завалило снегом. Все белым-бело. Я скучаю за стойкой. На посетителей не надеюсь... А тут дверь отворяется; гляжу и глазам своим не верю: мой юный друг Альфредо Кокоцца собственной персоной. Весь в снегу, из-под которого едва проглядывает синяя морская шляпа и синий свитер. В руках у Фредди сверток. Ни слова не говоря, прошел он в глубь ресторанчика, устроился в самом теплом его уголке и стал крутить пластинки с Каруэо и Руффо... То, что я увидел, меня удивило: Фредди плакал, слушая музыку... Так он сидел долго. Примерно около двенадцати ночи я осторожно окликнул Фредди: дескать, время закрывать магазин. Фредди не слышал меня, и я пошел спать. Вернулся утром, Фредди на том же месте. Оказывается, всю ночь он слушал пластинки... Позднее я спросил у Фредди о той ночи. Он смущенно улыбнулся и сказал: „Синьор де Пальма, мне было очень грустно. А у вас так уютно...“

Я никогда не забуду этого случая. Мне все это показалось тогда таким странным. Ведь всегдашний Фредди Кокоцца, насколько мне помнится, был совсем другим: шутилым, затейливым. Вечно он совершал

*„подвиги“. Мы звали его за это Джесси Джеймс (*Джесс Джеймс – американский вариант Робин Гуда. Легендарный герой, народный мститель). В магазинчик он врывался, будто сквозняк. Если ему что-то было нужно, он не говорил, а пропевал просьбу... Как-то он пришел... Мне показалось, что Фредди чем-то сильно встревожен. Как всегда, пропел свою просьбу. Я бросил ему стаканчик с мороженым. Фредди подхватил его на лету и на шустрый манер пропел: „Если ты - Король хогиз, то я собираюсь стать Королем певцов!“*

„Малая Италия“ вроде общего дома или двора. Новости и сплетни облетают ее мгновенно. Об увлечении Фредди узнали все. Но вряд ли еще придавали этому серьезное значение. Итальянцев пением не удивишь. Видывали они на своем веку всяких „соловьев“... И все-таки повод для разговора был. Теперь, встречая Фредди, его друзья или просто соседи с глубокомысленным выражением на физиономии спешили завести речь об искусстве пения. Каждый, само собой, на свой лад понимал это загадочное занятие. Одни имели в виду сумасшедшую славу, другие - шальные гонорары, третьи... третьи - совсем другое. Один из друзей Фредди, кажется, ближе всех оказался к истине, когда спросил у него:

- Почему бы тебе не поступить в музыкальную школу?

-Я жду, чтобы меня кто-нибудь открыл...

Подобные ответы Фредди, конечно, были шутивными. Но, как говорится, в каждой шутке... И все-таки он ждал. Ждал, пряча желание в закоулках души (оттого и шутил, как бы защищая это свое, сокровенное), чтобы и в самом деле его открыли. Чтобы не только он один знал, что сейчас живет, бурлит в нем, но и все остальные... И дед Сальваторе в первую очередь, и отец с матерью, и друзья, и вся его любимая „Малая Италия“.

Кто первым услышал и по достоинству оценил голос Альфредо Кокоцца? С уверенностью сказать не берусь. Ибо, как говорится, возможны варианты. Да и не в этом дело.

Дело в том, что просто-напросто пробил его час. Голос - это чудо природы, этот подарок не только небес, но и родителей - словно родник из недр земли вырвался наружу, к свету, на людской суд, на счастье иль беду.

Да и не стоит гадать, кто же первый открыл дар Фредди. Естественно, первым сделал это он сам. И мы уже об этом говорили. А затем... А затем уж и все остальные...

Привычными стали в доме Кокоцца звуки граммофона. Альфредо день и ночь проводил возле него, как кабальеро у балкона дамы сердца. Мария и Антонио уже знали наизусть содержание пластинок... Сегодня обычный вечер. В доме звучит голос Карузо. Он исполняет итальянские и неаполитанские песни. Потом наступает черед арий из опер... Чаще других Фредди крутит вот эти... „*Che gelida manina*“ (*«Холодная ручонка» ит.), „*Ridi pagliaccio*“ (*«Смейся, паяц»). А вот отзвучала лукавая и очень чувствительная песенка Герцога „*La donna è mobile*“ (*«Сердце красавицы»). Мария сидит задумчиво на кухне. Вдруг слышит... Что это с граммофоном? Голос Карузо раздвоился. Теперь на весь дом звучат два голоса. Да это настоящий дуэт. Он поет ариозо Джонсона... Это из оперы Пуччини „Девушка с Запада"... Чей же это голос? Кто так упоенно вторит великому тенору, наслаждаясь собственным пением? Мягкий и в то же время какой-то терпкий и густой, как красное вино, голос... соревновался с великим певцом... Мария крикнула Антонио. И вместе они бросились в соседнюю комнату... У граммофона в позе заправского артиста, с высоко поднятой головой и с вытянутой вперед правой рукой стоял Фредди. Это он вторил Карузо. Его голос проснулся. Какой голос!.. Они обняли сына.

Как мне понятна и близка такая сцена неожиданного открытия.

У меня голос появился в 14 лет. До того времени я скрепя сердце высиживал положенное время у рояля за ненавистными мне гаммами и „ганонами". Мои дядюшка и тетушка (заменившие мне мать и отца) хотели олицетворить во мне имя моего деда Муслима Магомаева (старшего), выдающегося азербайджанского композитора. В то время мечты и надежды родителей я не слишком разделял - очень скучны были повседневные занятия. Но вот судьба подарила мне голос! Этот подарок я долго скрывал от домашних, тренируя свой голос в школьных классах. Я „обрастал" репертуаром: пел неаполитанские песни, арии для всех голо-сов. Слушал пластинки Карузо, Руффо, Джильи... Голос Ланца я тогда еще не знал.

Однажды я выдал свой секрет. Выдал от отчаяния.

В доме собрались гости. После плотного ужина решили предаться музыке и попросили меня сыграть Баха или Моцарта.

„Смотрите, не поломайте от восторга стулья", - иронически изрек дядюшка.

Я разозлился и запел каватину Фигаро из „Севильского цирюльника", аккомпанируя себе на рояле...

Последовала немая сцена из „Ревизора" Гоголя.

Но книга не обо мне.

Вернемся к Фредди Кокоцца.

Теперь в семье только и разговоров о том, что Антонио с Марией услышали в один из вечеров. Да, у Фредди чудесный голос... К голосу, к такому голосу нужен особый талант. Не так ли? Одно дело подражать кому-то, другое - петь самому. Знаете, это как в учении плаванию. Тебя поддерживают-плывешь, отпустили... Мария через знакомых отыскала преподавателя, известного баритона Антонио Скардуццо. Он давал уроки пения как раз в нашей Южной Филадельфии. Родителям хотелось знать мнение

специалиста. Какой толк тратить деньги, если у Фредди нет таланта. Увлечение оперой и ловкое подражание Карузо-это еще далеко не все.

Синьор Скадруцио согласился послушать сына.

„Да, он талантлив, чертовски талантлив, но он еще слишком молод, чтобы заниматься пением. Рано. Нужно немного подождать. Но время терять не стоит. Пусть пока займется языками, пусть осваивает премудрости сольфеджио и научится играть на фортепиано“.

Это был один из самых счастливых дней в семействе Кокоцца. Голос Фредди, словно это был не голос, а новый человек, ворвался в их жизнь. Мария вполне серьезно заговорила с сыном о его „совсем другой профессии“. Будущее Фредди вдруг стало зависеть не от юридического образования, не от умения вести споры или от чего-то такого, что все эти годы Мария пыталась высмотреть в сыне. Нет, будущее Фредди зависело только от его голоса. Вроде бы как теперь все стало просто. И в то же время это так неожиданно и так странно.

Мария все эти дни была предельно взволнованна.

- Фредди, мой мальчик, ты будешь учиться. Ты будешь упорно трудиться. У тебя будет то, о чем я сама когда-то мечтала. Ты будешь у нас в семье первым певцом!

Чуть ли не за каждым стоящим делом спешит увязаться, как тень, нечто, о чем в приличных кругах почему-то распространяться не принято. Деньги!.. Что поделаешь, жизнь -это жизнь. По американской земле шагу не ступишь без доллара, без того, что называют одним емким и довольно-таки жестким, как удар хлыста, словом „бизнес“. И неважно - большой бизнес, малый... Для Америки - сие воздух, горючее, да что хотите... Итальянские иммигранты хорошо знают об этом. Таланту нужна почва. Крепкая и надежная. Чувства - это, конечно, очень хорошо. Но на одних эмоциях далеко не уедешь. И педагогов-репетиторов ими уж точно не накормишь.

Дед Сальваторе, окончательно сдавшийся перед фактическим подтверждением певческого таланта любимого внука, готов был раскошелиться. Но этого мало. Пришлось Марии наниматься официанткой в один ресторанчик; это еще увеличило ее физические нагрузки, а вернее сказать, перегрузки.

Да и сам виновник семейного переполоха Альфредо Ко-коцца решил не оставаться в стороне - стал вечерами петь в кафе „Виктор“, резко увеличив тем самым число его посетителей. О новом юном даровании уже знала вся колония. Многочисленные тетушки Фредди срочно окунулись в составление всяческих полезных советов начинающему певцу.

Дома Сальваторе и Кокоцца стали похожи на растревоженный муравейник.

Глава 5

ЭТА НЕЛЕГКАЯ ПРОФЕССИЯ – ПЕВЕЦ

Общими усилиями семьи собрали деньги для занятий. Первым учителем Альфредо стал некто Джованни ди Сабато. Ему было за восемьдесят. Он взялся обучать Фредди музыкальной грамоте и сольфеджио. Когда этот весьма дряхлый синьор возникал в дверном проеме, вся семья спешила ему на помощь - сам он взойти на второй этаж был не в силах. Может, надобно было нанять педагога помоложе да порасторопней, но для Фредди что старый учитель, что молодой... Учиться он по-прежнему страшно ленился. Числился за ним такой грешок. Но природные память и смекалка позволяли Фредди все хватать на лету.

Потому-то без особого труда юноша вскоре довольно прилично усвоил нотную грамоту и неплохо читал с листа.

Памятуя о совете синьора Скардушо, наняли для Фредди педагога, которому надлежало преподавать будущему

певцу азы чтения по-французски и по-немецки. Звали его Марио Пеллицоне. Сама Мария занималась с сыном неаполитанским диалектом.

Учащийся, похоже, стал „закипать“ от такого интеллектуального напора. Тратить время и деньги на всю эту ученую тягомотину, стало быть, откладывать главное - пение. Конечно, Фредди понимал, что учиться нужно. Но жажда немедленно окунуться в новую профессию была неутолимой. Поэтому каждый случай публично попеть был для Фредди чем-то равнозначным празднику...

Друг семьи Кокоцца Эрл Дэнни приехал неожиданно. Он был довольно-таки известным руководителем оркестра на востоке Штатов. Нередко дирижировал и в церквах.

Сели за стол. Эрл попросил Фредди сесть возле него.
-Тебе знакома „Аве, Мария“ Баха-Гуно?

Фредди кивнул. Он прекрасно знал это произведение. Более того, оно было в числе самых его любимых.

Дэнни сел за пианино и попросил Фредди спеть. Наш герой сделал это незамедлительно и спел превосходно. Тогда маэстро Дэнни решил объяснить цель своего приезда. Он спросил у Антонио разрешить Фредди спеть „Аве, Мария“ в местной церкви Святой Марии Магдалины де Пацци на рождественской заутрене. Родители дали согласие. Фредди был на седьмом небе. Еще бы, это вам, леди и джентльмены, не какие-то там скучные уроки сольфеджио, а первое в его жизни настоящее выступление! Да и не где-нибудь, а в божьем храме, откуда его так непочтительно изгнали.

О предстоящем, скажем так, дебюте Фредди оповещены друзья и знакомые. Через час-другой весть облетела всю „Малую Италию“...

В то рождественское утро по-особому - маняще и таинственно - мерцали церковные свечи. В церкви было тесно и душно. Всем места не хватило. Толпа шлейфом протянулась от входа, заполнила паперть и текла дальше, до самой ограды. Фредди, не чуя под собою ног, взошел на хоры вместе с маэстро Дэнни и пятью музыкантами. Стало

тихо. Хрупо затеплились звуки этой божественной музыки. И вот чистым и звонким эхом взлетел под своды храма молодой голос. Прихожане подняли головы. Каждому хотелось разглядеть того, кто даровал им это чудо.

Фредди пел, забыв обо всем на свете. Да что там пел - счастливый юноша витал в облаках своей светлой мечты, которая сейчас, здесь, в этом переполненном сумрачном божьем храме, нагретом от свечей и людского дыхания, как никогда приблизилась к нашему герою.

Это был чудесный сон. Фредди не забудет его никогда. Еще где-то там, далеко-далеко, в зыбкой мгле, наподобие этой курящейся дымки в церкви, - венки и тернии, кручи и пропасти на пути к славе. Что ждет его за горизонтом? Что сулит ему эта нелегкая профессия? Все это там, впереди, потом... А теперь только музыка, которая будто оправа нежно и прочно держала драгоценный камешек его голоса. Только музыка и голос, кроткая и страстная мольба: „Аве, Мария“.

Но все кончается в этом мире. Уходят праздники. Растаял чудный сон Фредди. Отошел в чертоги памяти. За окном - черед будней. Дела и заботы. Снова учение, к которому Фредди после столь успешного дебюта в церкви стал относиться еще более неприязненно... А родители настаивали на том, чтобы именно сейчас он начал заниматься с опытным педагогом вокала, который бы умело и осторожно направлял в нужное русло его молодой и весьма податливый голос.

Через свою сестру Агнессу, школьную учительницу, Мария узнала об Айрин Уильяме, преподавательнице пения в Южной Филадельфии, в прошлом известной оперной певице. На семейном совете принято решение начать с ней переговоры после того, как спадет летняя жара и семейства Ланца и Кокоцца возвратятся из Уайлвуда (**Уайлвуд – курортный центр в штате Нью-Джерси. Расположен неподалёку от атлантик-Сити, в 90 милях от Филадельфии*), где они обычно проводят летние месяцы.

В Уайлвуде произошло событие, которому вряд ли кто-нибудь из близких Фредди придал тогда особое значение. Увлеченные своим „будущим гением“, родители нашего героя критически взглянули на его имя. Не то чтобы оно было хуже других. Нет, разумеется. Но для сцены, для всеобщего, так сказать, слуха почитателей, для афиш и прочего нужен какой-нибудь звонкий артистический псевдоним.

А начался разговор об этом так. Одна весьма почтенная дама, приятельница Марии, сказала Фредди:

-Почему бы тебе не взять имя своей матери? Вслушайся, как красиво: Мария Ланца!..

Было действительно очень красиво и очень звучно. Спорить тут нечего. Но...

Кто-то, поспешил предложить варианты:

-Фредди, а если так: Фред Ланца или Эл Ланца?

Тут уже Фредди не понравилось. Не понравилось и Марии.

А та пожилая дама снова берет слово и предлагает:

-Фредди, а почему бы не переделать Мария на Марио. И звучно, и все-таки близко к имени матери. Вслушайтесь, как теперь это будет звучать: Марио Ланца...

Мария была в восторге. Она сияющими глазами взглянула на Фредди. Не только она-все устались в ожидании на юного певца. Ведь ему носить новое имя... Фредди поднял руки в знак согласия. Пусть так и будет: Марио Ланца.

Вернувшись из Уайлвуда, Мария позвонила Айрин Уильяме. Условились о встрече. К педагогу отправились чуть ли не всей семьей: матушка Мария, отец Антонио, тетка Агнесса, ее муж Эл... Во главе процессии, как паровоз впереди поезда, шествовал сам Фредди Кокоцца (в скобках замечу: новое имя он припрятал „про запас“, до лучших времен). Мадам Уильяме открыла дверь и, похоже, испугалась: в глазах запестрило от стольких гостей. Нестройным хором, взхлеб родители Фредди „запели“ о новоиспеченном юном гении, о „своем бесценном

сокровище", что Айрин Уильяме, наученная опытом, по-видимому, встретила безо всякого энтузиазма. В конце концов, возможно подумала она, каждая мать, а тем более неаполитанка, склонна видеть в своем чаде полубога. Но послушать Фредди бывшая оперная примадонна согласилась.

Усевшись поудобней в кресло, мадам Уильяме спросила:

- А что же нам споеет юное дарование?

А юное дарование встало в позу великого Карузо, вздохнуло широкой грудью и начало петь любимую арию „Re-condita armonia" из „Тоски".

Комнату заполнил голос Фредди - прекрасный, чистый, какого-то обволакивающего и ласкающего тембра, поставленный самой природой. Казалось, он не знает преград. Пение до предела эмоционально, выразительно, раскованно. „Грамофонная школа Карузо", которой с лихвой вкусил наш герой, давала возможность без ошибки назвать его первого учителя пения: в манере исполнения и даже в окраске голоса Альф-редо Кокоцца слышался Энрико Карузо, неподражаемый неаполитанец, „король всех теноров".

Фредди завершил арию свободным, звонким, искрящимся си-бемолем. Мадам Уильяме вздрогнула, как от испуга. Ей показалось, что она ослышалась... Она попросила спеть что-нибудь еще. Фредди, хоть и был весь в плену восторга и вдохновения, каждой своей клеточкой чувствовал, что очень понравился Айрин Уильяме... Начал он петь ариозо Канио из „Паяцев" Леонкавалло. Его огненный темперамент, его ярко выраженное природное дарование скрывали отсутствие школы. Кажется, ему уже никто и ничто больше не понадобится. Юноше нужна только сцена.

Айрин Уильяме, попав под магическую силу его чудесного пения, сразу поняла, что вряд ли своей школой она сможет многое добавить к тому, чем так щедро одарила

юного певца природа. Что ж, мадам Уильяме с радостью берется заниматься с Фредди („У него такой талант!" - только и могла воскликнуть она вместо подробного анализа пения), но только год. А дальше, если в том будет надобность, пусть ищут более сведущего в тонкостях вокала педагога.

Режим взял Фредди в тиски. День расписан по минутам. Занятия, работа в лавке деда, по вечерам - кафе „Виктор", о котором мы уже упоминали... В этом южнофиладельфийском ресторанчике Фредди пользовался большим успехом у публики. Хозяину „Виктора" синьору ди Стефано, конечно, льстило, что в его скромном заведении звучит такой превосходный тенор. Человек он был весьма неглупый. Он знал, чем владеет этот темноглазый, улыбочивый крепыш Фредди Кокоцца. Оттого-то синьор ди Стефано частенько просил его беречь себя и не петь во весь голос.

- Фредди, дружище, а не поговорить ли нам об опере? - обычно предлагал хозяин „Виктора", зная слабость Фредди к этой теме. И задавал ему для затравки спора вопрос „с перчиком". Фредди с азартом кидался в разговор. И, как водится, одерживал верх в любых стихийных спорах, касающихся его беспрдельно любимой оперы.

Истины ради надо сказать о том, что Фредди не всегда игнорировал вокальную учебу. Обычно все новое он начинал с известной долей если не энтузиазма, то любопытства. Но стоило ему немного вникнуть в это неизвестное и оценить его с разных сторон, как его интерес и усердие начинали час от часу слабеть. Его это начинало раздражать, становилось скучно. Всеми своими мыслями и чувствами, своим кипучим темпераментом он уже был где-то там, впереди. А вот обстоятельства, этот нудный, ненавистный режим заставляют его тащиться клячей...

Так оно и случилось с вокальными занятиями. Каждодневные однообразные гаммы да вокализы... Нет, тут

нужно дьявольское терпение и совсем другие нервы. Надоело!..

Фредди все чаще начинает ходить на уроки как вздумается. И ему, и Айрин Уильяме эти редкие встречи вряд ли приносили пользу. Мадам Уильяме чувствовала некоторую профессиональную неловкость: такими занятиями она явно не отработывает те пять долларов, что платили ей понедельно. Ей все трудней было скрывать от ученика свое настроение. Да и Фредди не умел и не хотел прятать своей раздражительности и своего нетерпения...

Очередной урок. Фредди резок и нервозен, мадам Уильяме не в себе: ей опять очень непросто смирить южный темперамент талантливого ученика. Все ее в общем-то безобидные и, по ее мнению, справедливые замечания Фредди нередко встречает в штыки. То ли он слишком уверен в себе, то ли его упрямство связано с „мужественным" возрастом, когда всем и вся хочется бросать вызов, все оспаривать, разрушать...

Вот и сейчас Айрин Уильяме показалось, что одну из высоких нот ее ученик взял неправильно. Она сделала ему замечание... Фредди надулся:

- Мой педагог берет эту ноту именно так, - резко, с вызовом, не скрывая раздражения проговорил Альфредо.

Мадам Уильяме покраснела. Ее уколола профессиональная ревность. И она сказала с раздражением:

- Мои ученики, дорогой мистер Фредди, не имеют права заниматься с другими педагогами.

- Мой педагог - Энрико Карузо! - с какой-то звительной отчетливостью произнес ученик.

Айрин Уильяме удивленно уставилась на него. Не сошел ли Фредди с ума? Она взяла себя в руки. Она постаралась, чтобы ее голос не дрожал. Все-таки не Фредди воспитатель, а она, мадам Уильяме.

-Что ты мелешь, Альфредо? Карузо умер девятнадцать лет назад...

Фредди также старался говорить спокойно, хотя это него явно не получалось,

-Для вас, возможно, Карузо и умер. Для меня он живет...

Переведя дыхание, Фредди добавил:

-Его голос живет на моих пластинках и дает мне более ценные уроки...

Давайте опустим финал этой нервной сцены. Оставим нашего героя с его мальчишеской дерзостью, а мадам Уильяме с горечью обиды...

И все-таки Альфредо Кокоцца не был совершенным „злодеем ученья“. Доброта и какая-то нечаянность его души спешили усмирить его юношескую крутость, а природные ум и чуткость возвращали его на путь необходимого благоразумия.

Учебу он не бросил. Вот что важно! Он понимал, что это ему пригодится в будущем.

У Айрин Уильяме он все-таки проучился полтора года.

И еще. Ради справедливости следует сказать вот о чем: Фредди всегда ценил радение и безмерную доброту своего вокального наставника. А мадам Уильяме научилась прощать некоторую колючесть характера своего ученика. Ни на минуту не сомневалась она в том, что имеет дело не просто с учеником. Фредди требует особого внимания. Ему нужна поддержка. Талант без поощрения вянет. Айрин Уильяме хотелось, чтобы об этом необычном даровании Фредди было известно как можно большему числу людей. Для этого она с определенным умыслом приглашала на свои занятия с Альфредо влиятельных в музыкальных кругах особ, дабы по возможности заручиться их поддержкой. А там возможны рекомендации и выгодные для молодого человека ангажементы. „Влиятельные персоны“ слушали юного певца с явным удовольствием и удивлением, обещали что-нибудь придумать для него, но на этом меценатство заканчивалось...

Правда, и здесь все было не так просто.

Как-то Айрин Уильяме показала своего питомца большому любителю музыки, филаделфийскому миллионеру мис-теру Астору. Послушав Фредди, он немедленно предложил ему финансовую поддержку. Фредди вежливо поблагодарил расщедрившегося меломана, но от денег отказался...

Уже и тогда его натуру отличали гордость и самолюбие. А сложив эти два понятия, скажем так: честолюбие.

Итак, полный честолюбия, через бедность и сомнения, через надежды и отчаяния шагал наш герой по первым ступеням многотрудной профессии певца... И только одно чувство не покидало его никогда, как бы трудно и нестерпимо горько ему ни приходилось в жизни. Чувство это - твердая, вопреки всему, уверенность в том, что он, Фредди Кокоцца, отмечен самим Богом. И голос, дарованный ему, - от Бога. Это чувство внушила ему мать Мария. Она не раз повторяла, что волей Божьей он явлен миру в год смерти Энрико Карузо. Великий певец ушел, а значит, свободно место на земле для достойного последователя. Ведь не случайно крестил Фредди священник с фамилией Карузо. Были и другие совпадения. Пусть незначительные и вроде бы случайные. Но и в них, и во многом другом Мария видела именно Божий перст: Фредди - наследник великого неаполитанца, и в его жилах течет неаполитанская кровь...

Да простятся эти наивные, и святые, и трогательные намерения или заблуждения - кто знает? - доброго и нежного сердца самозабвенно любящей матери Марии...

Глава 6 РОЖДЕНИЕ НОВОЙ ЗВЕЗДЫ

Подъем в гору в жизни более щедр на встречи, нежели спуск по склону жизненной гряды, приближающий нас к долине старости и омраченный вереницей разлук.

Фредди редко глядел под ноги в те свои „сумасшедшие деньки“. Молодость - это вперед и только выше! Где он там - пик удачи? В зрелые годы в минуты уединения он задумывался о своем начале. И всякий раз спешил признаться: судьба улыбнулась ему. Он мог именно то, что хотел. Не в этом ли примета великих?

А теперь наш герой жаждал случая, ждал встречи - не только той, что могла бы подтвердить его голос и его талант (такое уже у него было), но и принести ему признание, любовь почитателей.

Встреча не заставила себя долго ждать.

Мы не будем воссоздавать ее подробности, пользуясь версиями современников или фактами хроники жизни героя. Лучше, если мы обратимся к словам самого Марио Ланца... Позже он не раз рассказывал об этом знаменательном случае, в частности журналистам. Перебирая американские газеты тех лет, мы прежде всего встретим два имени, которые наиболее часто мелькали под материалами, посвященными Марио Ланца. Это Лоуэлла Парсонс и Хедда Хоппер. Обе боготворили певца, но и жестоко мстили ему, если одной из них в интервью Марио Ланца сказал на пару слов больше или откровенней. Тем не менее об этом случае им обоим Ланца рассказал приблизительно одно и то же.

*(*История жизни Марио Ланца в документах, статьях, книгах полна противоречий, которые трудно сейчас разрешить. Даже специальная поездка в Америку с этой целью не помогла мне избавиться эту книгу от «белых пятен». В частности, один из первых вопросов – работал ли Ланца в транспортной конторе, обслуживавшей его деда, - так и остаётся нерешённым. В своих интервью мать певца Мария Ланца-Коккоцца утверждает, что сын ни в детстве, ни в юности*

грузчиком не работал. Сам же Ланца в интервью рассказывает противоположное. Оставим это на суд истории).

- Однажды я должен был помочь доставить по заказу, поступившему в транспортную контору, рояль. Инструмент нужно было привезти в Музыкальную академию Филадельфии. В этой Академии с 1857 года выступали величайшие музыканты Америки. Да и не только Америки. Бывали здесь и произносили свои знаменитые речи почти все американские президенты начиная с Авраама Линкольна. И каждый раз, проходя мимо этого великого здания, я невольно сни-мал головной убор.

Установив рояль, я было собрался с друзьями уходить, как вдруг увидел директора Филадельфийского форума мистера Уильяма К. Хаффа, который как-то слушал меня у моей наставницы Айрин Уильяме. Он бросился ко мне навстречу, но, увидев „мое сиюминутное занятие“, опешил. На мне был комбинезон, на шее повязан красный платок, подбородок обсыпан табаком-этой модной в то время жвачкой.

- Что вы здесь делаете, мой юный друг?

-Не видите? Передвигаю рояли.

Хафф укоризненно покачал головой:

-И не стыдно, молодой человек? С таким-то голосом! Надо учиться петь, а не пытаться передвигать рояли. Я хмыкнул.

- Позвольте спросить, а на какие деньги? В моей семье миллионеров не предвидится...

Тем временем знаменитый дирижер Сергей Кусевицкий только что закончил репетицию с Бостонским симфоническим оркестром в большом зале и, весь взмокийший, с полотенцем на плечах, вошел в свою артистическую уборную. Мистер Хафф схватил меня за плечо и толкнул в соседнюю с артистической Кусевицкого комнату. „Теперь пойте! - крикнул он.

-Пойте, как не пели никогда!" - „А что петь?" - „Что угодно, только, пожалуйста, побыстрее!"

Я выплюнул жвачку и запел...

Здесь я позволю себе вмешаться в интервью и уточнить кое-что: конечно же Марио Ланца спел ариозо Канио „Vesti la giubba" из оперы Леонкавалло „Паяцы". В тот нео-жиданный для него момент, когда времени на раздумья не было, он должен был спеть именно это и только это. Ничего удивительного: вспомним, сколько раз он слушал это произведение на отцовском граммофоне в исполнении великого Карузо и сколько раз потом пел ариозо Канио „дуэтом" с „королем теноров". По существу, это произведение было для Фредди вроде учебного вокализа. По правилам вокально-педагогической этики певцы должны начинать учебу с простейших гамм и нетрудных для голоса сочинений. Наш герой - хорошо это или плохо - начал свое образование с того, чем иные заканчивают...

Итак, Фредди закончил „свой вокализ".

Вернемся к интервью.

- Прошло немного времени, и в нашу комнату ворвался маэстро Кусевицкий.

- Где этот голос? Этот чудесный голос? - воскликнул он и сердечно приветствовал меня. Он с размаху сел за рояль, проверил мой диапазон. И, по-восточному расцеловав меня в обе щеки, маэстро, ни на секунду не задумываясь, предложил мне участвовать в Беркширском музыкальном фестивале, который проходил ежегодно в Танглвуде, штат Массачусетс. Мою подготовку к этому фестивалю он препоручил таким превосходным молодым музыкантам, как Леонард Бернетайн, Лукас Фосс и Борис Голдовский...

Вот такая случилась встреча. Сам всемирно знаменитый дирижер, маэстро Кусевицкий, авторитет в кругах музыки непререкаемый и непогрешимый, открыл

Альфредо Кокоцца, по достоинству оценил и, главное, взял начинающего певца под профессиональную опеку.

Можете себе представить чувства Фредди? Это уже не мечта - явь. Он приглашен выступить на профессиональной сцене!..

Правда, Фредди вскоре пришлось опуститься на землю. По прибытии в Танглвуд эти молодые музыканты, которым доктор Кусевицкий препоручил талантливого юношу, засадили его заниматься. Опять эти сольфеджио и гаммы, опять горбиться над музыкальными значками. Можно подумать, что он, Альфредо Кокоцца, без этих нудных „экзерсисов" не в состоянии выучить конкурсное произведение.

И все-таки „каторга" занятий не отбивала охоту у Фредди к другой стороне жизни: несмотря на недостаток времени и выматывающие жилы уроки, он успевал поволочиться за девушками, посидеть часок-другой в баре в компании молодых актеров, таких же стипендиатов Беркширского фестиваля.

*(*Фестиваль в Танглвуде – замысел Сергея Кусевицкого. В самом начале второй мировой войны он решил дать шесть концертов силами местных музыкантов, а также студентов Беркширского музыкального центра. Идея конкурса преследовала гуманитарные цели: посредством музыки поддерживать публичную нравственность в существующих условиях. А по сути это было шансом помочь в столь суровое время молодым талантам).*

И вот наступил этот день, 7 августа 1942 года. На афишах - новое имя. Новое и для тех, кто знал доселе нашего героя, и кто слышал о нем впервые... Марио Ланца. Появилось оно не без участия маэстро Кусевицкого, который знал толк в артистических тонкостях. Разумеется, отцовская фамилия юного певца не хуже других. Но сцена, афиши, артистический мир... Здесь другие законы и понятия. Короче говоря, надо что-нибудь придумать поярче, похлеще, звучней. Маэстро сказал: „Фамилию Кокоцца будет трудно выговаривать вашим будущим поклонникам. Поэтому вам,

молодой человек, нужно такое имя... Чтобы впредь никто не посмел произнести его неправильно". И тогда Фредди назвал имя, хранимое им до поры до времени с того жаркого летнего дачного вечера. Маэстро Кусевицкий просиял и, довольный, похлопал своего молодого друга по плечу: „Вот имя, мой мальчик, которое тебе придется прославить... Именно так: Марио Ланца!"

Здесь, в небольшом городке Танглвуд, собрались двенадцать оркестров, которые должны были соревноваться друг с другом в течение недели. Осветить музыкальный праздник приехали именитые критики и журналисты. Прибрать к рукам, „приобрести" какое-нибудь неизвестное дарование прибыли весьма маститые и предприимчивые импресарио и бизнесмены.

Марио дебютировал в небольшой партии Фентона в комической опере Николаи „Виндзорские проказницы". Более того, именно этой оперой Беркширский фестиваль и открывался.

В грим-уборной в канун спектакля не было никого веселей и беззаботней, чем Марио Ланца. По мере того как черты лица скрывались под слоями грима, шутки Марио становились все смелее и развязней, а смех все беспричинней. Со стороны он казался настоящим ребенком. Окружающие в таком его странном поведении не видели ничего, кроме безответственности. Или, может, у дебютанта не нервы, а стальные жилы?..

Но кто мог понять его тогда? Кто в показушном притворстве мог разглядеть его мятущуюся от отчаяния и страха душу: ведь на карту поставлена мечта всей его жизни. Но сейчас никто не слышит, как бьется его сердце и как оголены нервы. Все как в бреду. Летят из-под ног ступеньки лестницы, кинжально, до рези в глазах, бьют прожектора, плывут причудливыми пятнами лица, шум то накачивается, то исчезает, как прибой...

И вот словно из-под земли, какими-то нездешними, зловещими звуками достигает слуха: „Ваш выход, господин

Марио Ланца"... Мозг поймал и мгновенно осознал смысл этих обычных и столь сейчас необыкновенных слов: „Или сегодня, или никогда!"

Он замер, закрыл глаза, перекрестился... „Пресвятая дева Мария!"...

Как пролетел спектакль, что он, Марио Ланца, запомнил, что чувствовал на сцене, - все как в тумане. Плескали неумолчно аплодисменты, выкрики „браво!" Марио лишь ощущал: что-то ужасно тяжелое свалилось с плеч. Как он устал! И в то же время какая блаженная легкость, расслабленность!

Все глядело счастливой улыбкой славы. Славы, которая так поначалу сладостна и так упоительна... Овадии, казалось, не кончались...

А он стоял на сцене смущенный и радостный, счастливый и удивленный. Марио и во сне не смог бы увидеть и услышать то, что видел и слышал теперь наяву.

На следующий день с утра прорвалась газетно-журнальная лавина.

Даже газета „Нью-Йорк Таймс" с высоты своего положения не смогла скрыть восторг:

„Молодой двадцатилетний певец Марио Ланца необычайно талантлив, хотя его голосу не хватает зрелости и техники. Его несравненный тенор вряд ли имеет себе подобных среди всех современных певцов".

Другие, более падкие на сенсации газеты захлебывались в похвалах:

„Со времени Карузо не было такого голоса..."

„Открыто новое вокальное чудо..."

„Ланца - второй Карузо..."

„Родилась новая звезда на оперном небосклоне!"

Успех Ланца всколыхнул театральные, музыкальные и деловые сферы. Посыпались самые неожиданные предложения, ангажементы любого размаха. Какой-то газетчик пустил гулять выражение „солнечный парень из

Филадельфии". Большой бизнес нетерпеливо потирал руки: новое „солнце" грело. Хорошо грело, надежно!

Снежным комом повалила на голову Марио вся эта деловая кутерьма. Ему, этому добродушному и доверчивому парню, надо бы побережся, защититься. Но как, чем? Где взять необходимую меру сдержанности и разумности? Тут нужна целая школа жизни. Ее у Марио, разумеется, не было. Не было у него в ту горячую пору и доброго друга, мудрого советчика. Из детства, из отчего дома с патриархальными устоями нынешние обстоятельства мгновенно бросили его в пучину взрослой жизни. Да и не простой жизни, а жизни, где совсем другие принципы и авторитеты. Нет ни мудрого деда, ни романтического отца, ни сердечной, наивной и восторженной матери, и никто не смог ни на один дюйм повернуть, сдержать напор событий.

Марио Ланца повзрослел за один день. Но сердцем он остался „Фредди-бардацца". Остался навечно там, где в чащобе домов затерялась дедова лавка, где одинокое фиговое дерево во дворе, где добрая улыбка Марии и где пестрый гомон его солнечной „Малой Италии", летящий вихрем по пыльным и душным закоулкам.

Нечего говорить о том, что началось в семействе Кокоц-ца-Ланца после столь головокружительного успеха Марио. В их дом ворвался праздник. Мария махнула рукой и открыла свою заветную копилку. Бог весть когда и как удалось урвать ей эти полтысячи долларов из напряженного семейного бюджета. Чего теперь считать копейки. Это все для Марио... Подарок!.. Он заслужил. Ее мальчик поедет в Нью-Йорк. Нужно искать педагога по пению, дабы продолжать учебу. Да и пусть отдохнет и проветрится.

Поселился Марио в приличном нью-йоркском отеле. Педагога не нашел, а лишь „отдохнул и проветрился". Деньги кончились быстрее, чем он рассчитывал. Восторг триумфатора - дело недолгое. Марио сразу почувствовал одиночество этого бурливого „мегаполиса". Настроение не улучшалось, и Марио был близок к тому, чтобы все бросить

к чертям и вернуться домой. Но тут-История его отношений с некой Марией Марджелли и по сей день покрыта дымкой неопределенности. Даже биографы не берутся судить, насколько далеко зашли у Марио и этой женщины личные отношения. Думаю, и нам не стоит быть особо любопытными. Марио был молод, Марио был горяч... С Марией Марджелли, бывшим секретарем известного оперного баса Эцио Пинца, его познакомили на одной из вечеринок. Была она „дамой в искусстве“, не один год работала с оперными звездами мирового класса. Вкус у нее, разумеется, был отменный. И после того, как Марио в своем гостиничном номере устроил для нее импровизированный концерт-соло, госпожа Марджелли незамедлительно предложила ему свое покровительство. Взятась она оплачивать музыкальные уроки Марио и вообще, как говорят в таких случаях, взяла нашего героя „под крылышко“. И как печатью скрепила этот свой решительный меценатский шаг взволнованными словами: „Ты величайший тенор из всех, кого я слышала!“

Машина покровительства заработала. Марджелли нашла своему подопечному преподавателя вокала - некоего Марио Сильва, а также ввела его в круг влиятельных людей. Протеже Марджелли зачастил на нью-йоркские приемы, и голос его чаще звучал именно там, где бывали „полезные господа“. Закулисная сторона жизни вроде бы не интересовала Марио. Его дело - хорошо петь. У него голос, талант. А если кто-то берется помочь ему... Что ж, в настоящем искусстве всегда были и должны быть меценаты. Марио как-то сразу разгадал эту, в общем-то нехитрую, арифметику: одни умеют петь, другие - платить. Вот, скажем, как этот джентльмен - „император макаронной империи“, глава компании „Ла Роза Спагетти“, который устраивал концерты в Нью-Джерси, в собственном особняке. Госпожа Марджелли записала Ланца на одно из дневных выступлений. И неважно, что король макаронный. Главное, что король.

На концерт были приглашены из Филадельфии родители Марио. Так Мария впервые встретила с „этой загадочной дамой“, так активно покровительствующей ее сыну. Вряд ли Мария была довольна отношениями сына с женщиной на-ного его старше. Но иногда можно закрыть глаза, когда дело касается будущей карьеры ее бесценного Марио. Конечно, матушка не позабыла напутствовать сына по части нравственности, женского коварства и прочего. Знает она всех этих „опытных женщин“. Марио почувствовал ревность в словах матери, что, впрочем, скорей удивило его, чем озадачило. У него всегда было любопытство к „сильным мира сего“. А откуда наш герой спешил жить. Голова его, как когда-то в детстве, бурлила от замыслов, одну думу спешила сменить другая, как телеграфные столбы за окном поезда, что мчал его сейчас домой из грохочущего и мельтешащего всеми возможными видами современного транспорта Нью-Йорка. В Филадельфию он вернулся перенасыщенным впечатлениями. А на столе лежала повестка: Альфредо Кокоцца призывали на военную службу в ВВС Соединенных Штатов. За океаном пылала Европа. Марио, наверное, подумал: война - это так далеко... И все-таки на душе неспокойно. Он устало закрыл глаза... может быть, в его памяти снова всплыл Танглвуд. Но уже не первый день фестиваля - последний. Это было через неделю, 14 августа 1942 года.

Сергей Кусевицкий и Бостонский симфонический оркестр давали концерт в фонд помощи солдатам Советской Армии. Марио впервые услышал эту тревожную музыку. Это была не прос-то музыка - пожар звуков. Зловещий, давящий ритм барабана. Кованые сапоги на каменной дороге... Написал симфо-нию Дмитрий Шостакович. Русский композитор, соотечественник Сергея Кусевицкого. Марио в первый раз услышали эти леденящие душу слова: „Блокада Ленинграда“. Симфония так и называлась - „Ленинградская“... Наверное, Ланца

попытался представить себе эту далекую и загадочную страну - Россию, где льется теперь невинная кровь... О чем думал русский дирижер, повелевающий этой трагической музыкой? Родина во мгле неприятельского нашествия. Лицо маэстро, лишь изредка обращаемое к слушателю, усталое, бледнее обычного и все-таки прекрасное в порыве вдохновения...

Больше они не увидятся никогда. Кусевицкий умрет в 1951 году. Марио Ланца еще раз перечитал повестку.

Глава 7 **«КАРУЗО АМЕРИКАНСКИХ ВВС»**

На исходе 1942 год. В один из тусклых декабрьских дней наш герой становится солдатом.

Марио Ланца - солдат. Трудно себе представить что-нибудь более противоречивое. Недаром с первых дней службы к Ланца пристало прозвище „эта сугубо штатская личность Кокоцца"... Естественно, в строю он был Альфредо Кокоцца. Но дело не в фамилии и имени. Ничего армейского, если даже очень захочешь, в нем не отыщешь. Армия - это дисциплина, субординация, повиновение. Марио с детства привык воротить по-своему, не подчиняться, а командовать. Любой командный тон по отношению к себе он воспринимал как личное оскорбление. Вот если бы его сразу определили в командиры или, еще лучше, в командующие... А солдат... Нет, сие не для нашего героя. А тем более не по нему жестокость армейского режима.

Была у него до призыва надежда избежать службы: повредил он в детстве глаз. Но годы сороковые, военные, тревожные. Польза от каждого солдата, пусть даже и неполноценного. Короче, Ланца признан комиссией пригодным для армейской службы. Травма глаза лишь несколько смягчила его службу.

Первичную военную подготовку Марио проходил в Майами-Бич. Особой муштрой его не донимали, от тяжелой работы освободили. Более того, жил он в одном из элегантных отелей на набережной. Так что переход из мирной жизни к солдатской вроде бы не был столь резким. К тому же рядышком ворковала неугомимая Мария Марджелли. Бросив дела, она приехала в Майами, сняла по соседству с Марио квартиру...

Но подготовительный период кончился. Ланца переводят на базу ВВС в забытое богом, захолустное местечко Марфа, затерявшееся в техасских песках. Мадам Марджелли устроила Марио сногшибательный ужин и, ничего не поделаешь, отбыла в Нью-Йорк...

Наш герой затосковал. Провинциальная глухомань, оглашаемая душераздирающим ревом самолетов, назойливый вой ветра, зима в самом разгаре, по гарнизону гуляет пыль, забивает глотку, глаза, уши.

Марио приписан к военной полиции ВВС. Патрульная служба для него - сущий ад. Над головой таким неоновым блином висит луна. Светит да не греет... Марио возвращался с дежурства, полоскал горло и садился писать письма. Какая-никакая, а отдушина. Писал матери, не забывал писать и Марии Марджелли. Письма получались длиннющие, как и сами караульные бдения.

Но пусть вам не покажется, что Марио Ланца когда-нибудь и чем-нибудь можно было смирить. Служба службой, ничего не поделаешь. Но и тут, если поломать голову, найдутся лазейки. Что впустую рвать удила от чиновничества и радения?! Тяжелое бремя можно облегчить иначе. Попросим прощения у ума и смекалки, поприжмем хвост гордыне и попробуем прикинуться простаком. Или он, Марио Ланца, не артист? Пусть лютый капрал клянет его за тупость, ничемность и леность. Лишь бы он, этот капрал, ни на секунду не усомнился в собственных достоинствах: „Да, сэр... Никак нет, сэр... Так точно, сэр..." Виноватая ухмылка, глаза глядят в никуда, то есть прямо и мимо,

голова вправлена, вбита в плечи. Вот вам еще один „бравый солдат Швейк“...

Сослуживец и друг Марио Ланца капрал Джонни Силвер вспоминал:

- Поведение Марио было сплошным нарушением всякой воинской дисциплины, и в любую минуту его могли посчитать дезертиром и расстрелять или, в лучшем случае, отправить на фронт, в Европу, где вторая мировая война уже три года ежедневно уносила тысячи бесценных человеческих жизней... В строю он каждодневно, как по расписанию, непременно получал порицания от командира: то скособочен китель, то не застегнута пуговица, а то куда-то запропастилась фуражка и надо срочно бросаться на ее поиски. Все это происходило на глазах у довольных улыбающихся товарищей. Зато первым умудрялся он прибежать в армейскую столовую и последним ее покинуть, так как постоянно просил добавки, дабы ублажить свой аппетит...

Здесь, пожалуй, стоит подробнее рассказать о начале дружбы Ланца с Силвером. Первое впечатление капрала, бывшего актера-комика Джонни Силвера, о бывшем герое Танглюда, солдате под № 33477918 Альфредо Кокоцца, было известно: это, черт побери, самая что ни на есть невоенная личность. Собственно, и сам Джонни отличался некоей гражданственностью и пацифизмом. Ни тот, ни другой не жаждали немедленно ринуться в пекло боя, не мечтали, как некоторые, о повышении в чинах. Короче, оба они были в некотором роде костяком недовольной марфинской солдатни.

Марио тосковал по настоящему пению, Джонни - по театру. Силвер, дабы утолить эту тоску, часто проводил время в прослушивании пластинок и чтении старых газет и журналов. Однажды он наткнулся на танглюдскую заметку, посвященную победителю фестиваля Марио Ланца. Силвер вздрогнул от такого невероятного открытия и тут же вызвал к себе рядового Кокоцца.

Первая встреча хорошо запомнилась капралу. Марио не отдал ему честь. Не проявил никакого рвения и чинопочитания. Но в нем сразу открылось нечто, что заставило посмотреть на рядового Кокоцца по-другому. „Когда он говорил, - вспоминал Силвер, - его глаза излучали сияние, и этот парень заключал в себе больше обаяния, чем все офицеры и генералы ВВС”.

Они подружились мгновенно. Силвер, открывший столь огромный талант друга, решил, что сделает все от него зависящее, чтобы не пускать Ланца на передовую.

Когда по части поползли слухи об отправке солдат за океан, Силвер придумал одну уловку: он пришел к командованию и сообщил, что начинает готовить очень интересный и очень важный для поднятия патриотического настроения в войсках ВВС спектакль и что именно Марио Ланца необходим ему как солист. Не будет солиста, не будет и спектакля.

Так оба они благодаря сообразительности капрала, который действовал здесь больше как актер, были оставлены в Марфе.

Постановка, разумеется, так и осталась выдумкой. Потому-то друзья все еще пребывали в кандидатах для отправки на фронт. Но Силвер был неутомим: он говорил о спектакле так, как будто не сегодня-завтра премьеры. А куда время отсрочки еще не истекло, Силвер помог другу пристроиться помощником капеллана в местной церкви. В церкви был орган, а это уже музыка, пение...

Так что не только за ловкую игру в дурашливость и простофильство все ему, Марио, сходило с рук. Причина была известна - голос Марио, его талант, что никаким уставом и никакой муштрой не выбьешь. Ланца по возможности пел в казармах, пел в армейском клубе. И это был „совсем другой солдат”. Друзья радостно, что есть сил хлопали в ладоши, а надменное начальство одобрительно и удивленно качало головой и смягчало каменное лицо улыбкой.

Конечно, попадись на воинском пути Марио Ланца этаким солдафон или „служака-законник“, может, и не миновать ему сплошных гауптвахт или даже чего-нибудь посерьезнее. Но Бог миловал. Друзей у него становилось больше, а командиры за чудесный голос, за доброту и непосредственность „чудаковатого солдата“ прощали ему бесконечные уставные огрехи.

Правда, талант - палка о двух концах. С одной стороны, вроде бы почет и уважение, с другой - зависть. Ревнивых и завистливых всегда хватает. Чужие успехи, чужое обаяние для таких как бельмо на глазу. А уж если они наделены властью, тогда держись, талант, поберегись, яркая личность!.. Но судьба в то трудное время оградила Марио от подобных субъектов. Даже напротив, не преминула подарить случай. И не просто случай-а счастливый. Произошло это так.

Сержант американских ВВС Питер Лин Хейз набирал одаренных ребят для шоу Фрэнка Лессера „На траверзе“. Помогал Хейзу в поиске вокалистов капрал Джонни Силвер, который незамедлительно сообщил о готовящемся представлении своему другу Ланца. Отчего бы не попробоваться ему в этом мюзикле? Марио пришел в восторг. Участие в музыкальном шоу дало бы ему возможность „гастролировать“ по военным частям Соединенных Штатов. А это уже не скучная военная полиция. Он снова сможет петь на сцене, петь для публики. Жизнь артиста, хотя бы армейского, все-таки не солдатская служба, а тем более не фронтовая. За дело сно-ва взялся неутомимый Джонни Силвер. Он был неописуемо взволнован и красноречив. Ему удалось заинтриговать мистера Хейза. Что ж, он готов познакомиться поближе с этим „чудом“. < А что это ваше „чудо“ умеет делать?> - спросил Хейз. „Он умеет чирикать, да так, как вам не приходилось слышать! Рядом с ним Карузо звучит как ребенок!“ - парировал профессиональный комик-пародист.

Прослушивание назначено на завтра...

Но в горячке переговоров капрал Силвер совершенно забыл о том, что его друг, это его „чирикающее чудо“, уже несколько дней болеет: простужен и даже освобожден от службы. А отступать некуда. Что же делать? Ведь такой редкий шанс вырваться из этой тexasской дыры!..

Делать нечего, Марио взял увольнительную и отправился в город. Может, там, в людской толчее, что-нибудь да придет в голову.

Улица подхватила, приняла его в свой поток. Броские рекламы ресторанчиков, баров, кинотеатров, ночных клубов глядели на него призывно и наперебой обещали приятно провести время.

Так Марио очутился возле одного бара весьма невысокого разряда. Сквозь табачный смрад и не увидишь завсегдатаев. Звяканье посуды, говорок бармена, журчащая музыка, пьяные выкрики картежников...

Марио заказал двойной коньяк. Скорей не по привычке, по настроению. Редко употреблял он крепкие напитки. Предпочитал вино, шампанское, пиво. Как истый итальянец, вино пил чаще воды. Что ж, такова привычка его соотечественников, которые за вино платят меньше, чем за „минералку“.

Но сейчас ему захотелось чего-нибудь покрепче... Коньяк подействовал мгновенно: „юный страдалец“ повеселел. Ему даже стало любопытно. Он повторил. На его оттаявшем, размягченном лице появилось что-то вроде блаженной улыбки. Диалог с „дьявольским зельем“ продолжился в форме „рондо“ - по повторному кругу. Он явно увлекся этой „музыкой“...

Потом был туман. Нет, сперва он, конечно, хорошо помнил о том, что ему все-таки удалось „подлечиться“, и что настроение резко побежало вверх, как ртуть по градуснику, вставленному в кипяток, и что он, Марио Ланца, всем им еще докажет, на что он способен... Потом... Как-то он добрался до казармы, бухнулся на койку...

Проснулся поздно. Хорошо, что он освобожден от патрульной службы. Выспаться в армии - редкая роскошь. Болезни как не бывало. Алкоголь выветрился, голова ясная. А вот голос... Хуже не бывает. Табачный дым, выпивка... Да, это был не бар, а газовая камера!.. Горло как в тисках

Ничего себе „подлечился"! Голосовые связки отекли, а тембр... Да какой там к черту тембр: не тенор, а осипший бас. Марио попробовал распеться. Ничего не вышло. Голос не подчинялся, „садился" все глубже, становился рыхлее. В конце концов Ланца показалось, что он его вовсе потерял. От обиды и отчаяния хотелось плакать и биться об стенку головой. Такого с ним никогда не случалось... И какое теперь прослушивание!.. Что Марио сможет объяснить Джонни, а тот - мистеру Хейзу? Отчаявшийся певец понуро побрел к Силверу.

В отличие от Марио Джонни Силвер был оптимистом. Не надо падать духом. Положение критическое, но нужно попробовать что-нибудь придумать. Капрал собрал всю волю и сообразительность. Он то закрывал глаза, то пристально оглядывал стены, как будто там можно было прочесть необходимый ответ, то распахивал окно и долго глядел на окрестную и довольно-таки скучную природу. Марио бессмысленно и безнадежно следил за поведением друга. Сейчас он был похож на графа Альмавиву, жадно ждущего идей от хитроумного и проворного ловкача Фигаро. А Джонни-Фигаро вдруг присвистнул, щелкнул большим и указательным пальцами и подошел к граммофону. В руках Джонни блеснула пластинка. Он приблизил ее к еще более растерянной и озадаченной физиономии Ланца. Марио прочитал название. Это была запись голоса Фредерика Ягеля - тенора из „Метрополитен-опера". Марио все еще ничего не понимал, а Джонни, напротив, действовал решительно. Имя исполнителя стерто

с этикетки, а на его место с ловкостью заправского фальшивомонетчика Джонни втиснул имя „Ланца“.

С новоиспеченной лжепластинкой Джонни Силвер летит к боссу будущего шоу. Объяснив, что „чудо“ неожиданно захворало, он предложил послушать его в записи. А уж через несколько дней, Бог даст, и „живьем“.

Сержант Хейз по достоинству оценил пение „рядового Ланца“ и пожелал ему скорейшего выздоровления.

Так Джонни Силвер и Марио Ланца были зачислены в состав армейского ансамбля ВВС и стали участниками шоу „На траверзе“. Все было бы превосходно, но вот голос Марио... Прошло несколько недель, а голос не возвращался. Ансамбль уже достиг города Финикс (штат Аризона), а Марио не пропел ни единой ноты. В мюзик-холле мистера Хей-за стали поглядывать на Ланца подозрительно. Капитан Фред Бриссон, сын певца Карла Бриссона, сказал напрямую и так, чтобы слышали все: „Нет никакой загадки. Он вообще не умеет петь“.

Хейз был в двусмысленном положении. С одной стороны, он вроде бы сам слышал. И это то, что нужно. С другой... Нечего и говорить о Силвере. Это ведь его рекомендация. Короче, сегодня или никогда.

- Слушай, Марио, ты должен сегодня вечером наконец открыть рот. - В обычно ироничной интонации голоса Силвера теперь был сплошной металл. - Все уже думают, что ты не умеешь петь. Они решили, что мы их обманули.

- Что же мне спеть? - невозмутимо спросил Марио.

- Как что? То же, что на пластинке Ягеля, арию Каварадосси.

Настал вечер. Мистер Хейз довольно потирал руки. Он больше, чем кто-либо из окружающих, ждал развязки...

Марио был в ударе... Воротничок его рубашки цвета хаки распахнут, ноги, как у боксера, широко расставлены, голова слегка откинута назад, грудь колесом... Голос вернулся к былой чудесной красоте и мощи... „Бывалый

сержант" мистер Хейз подпрыгнул на стуле: „Да вы, черт побери, звучите в тысячу раз лучше, чем на собственной пластинке!.. Грандиозно!..“

Потом эту историю Марио Ланца всегда рассказывал в лицах и с новыми подробностями. И всегда очень смешно.

Итак, мюзикл „На траверзе“, а вместе с ним и вновь открытое „чудо“ - Марио Ланца - отправился на гастроли по воинским частям и подразделениям США. Выступления растянулись на два года. За это время Ланца стал героем спектакля, обрел множество поклонников среди „военно-воздушной публики“, за что и получил столь льстящее ему прозвище „Карузо Американских ВВС“.

Только через год Питеру Хейзу стала известна история с „лжепластинкой“. Рассказал ему об этом сам Ланца. Это было в Нью-Йорке. Марио, по состоянию здоровья освобожденный от службы, разгуливал по городу в гражданской одежде. Встретились они в театре.

- Вы что здесь делаете без мундира? - спросил Хейз у Ланца.

-Я только что получил освобождение.

-А что с вами?

- Все те же последствия проклятой простуды, которая подцепила меня в сыром Техасе.

- Как вам это нравится! - Хейз развел руками. - Я здесь бьюсь над устройством гастролей, готовлю новый спектакль, а он, видите ли, освобожден!..

На лице Ланца появилось сразу два выражения: вина и сочувствие. Марио тут же захотелось исповедаться. Он придвинулся к собеседнику ближе.

- Мистер Хейз, я должен вам что-то сказать, так как не хочу, чтобы это оставалось на моей совести... Помните ту пластинку, которую Джонни Силвер проигрывал вам в Марфе?

- Помню, - кивнул Хейз.

- Это был не мой голос... Фредерика Ягеля... Из „Мета“.

- Спасибо за правду, Марио

Глава 8 **ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ...**

Что же, поводов унывать у Марио почти никаких. Службу постепенно вытеснило искусство. Выступления, шумный успех, аплодисменты, суета переездов... Время бежит. Ему нравится жизнь артиста. Есть что-то от детских затей и забав в этой профессии. Во всяком случае так ему поначалу казалось. Не трезвая, не какая-то скучная жизненная обязанность, а игра, представление, романтика, фантазия... Марио как бы снова окунулся в мир своего беззаботного детства, с которым ему, в общем-то, никогда не хотелось расставаться. С его лица не сходила белозубая улыбка, и как тень бежали за ним шутка, розыгрыш.

В свободное от гастролей время участники армейского ансамбля Питера Хейза разыгрывали прямо в казармах шуточные пародии. Однажды такая сцена разыгралась в типичном армейском бараке. Танцоры ансамбля Рэй Мак-Доналд и Джерри Адлер драили швабрами пол в казарме. В этот миг дверь отворилась и вошел некто коренастый и плечистый. На голове у него шляпа набекрень, на плечах накинуто одеяло на манер плаща тореадора. Он встал в дверном проеме и громовым голосом запел куплеты Тореадора из оперы „Кармен“. Это был Ланца.

„Тореадор, смелее! Тореадор, тореадор!“ - пел Марио на плохом французском. Это была его любимая ария, которая очень подходила к его темпераменту. Затем вошел Джонни Силвер, тоже изображавший какого-то героя. Вчетвером они соорудили тюремные решетки из поставленных вертикально швабр, погасили свет, а Ланца, изо всех сил ударяя щеткой о пол, заканчивал куплеты. Вообще ему всегда доставляло радость разыгрывать

подобные музыкальные пародийные сценки, которые нравились и его товарищам. Он видел, с каким благоговением внимали они его могучему, не знающему преград голосу. И все они любили Марио за его неистощимые затеи и шуточные проделки.

Следующее солдатское шоу, которое в еще большей мере, чем „На траверзе“, должно было украсить армейские будни нашего героя, называлось „Крылатая победа“.

В основу спектакля была положена пьеса Мосса Харта - о жизни отважных пилотов, о любви и верности, о мечте, о победах и неудачах. Отличное, в общем-то, представление, которое в скором времени намеревались крестить даже на Бродвее.

В грандиозном шоу Мосса Харта (а занято в этом фундаментальном, истинно американском по размаху зрелище было 342 участника: 300 мужчин и 42 женщины) роль у Марио была весьма скромная: его взяли в хор, состоящий из 50 человек. Ланца приняли в шоу, когда оно уже было сформировано и с успехом шло на публике. „Крылатая победа“ уже прославилась другими своими знаменитостями эстрады. Такими, как Ред Баттнс, Карл Молдон, Рей Мидлтон... Поэтому для Марио здесь осталось лишь место скромного хориста. Да и на любую роль он был согласен, лишь бы не караул возле воющего аэродрома...

Но разве спрячешь такой голос в общем потоке хора?!

Утренняя репетиция пьесы закончена. Мистер Харт в своем кабинете неспешно перебирает ноты, делает необходимую „ретушь“ в партитуре. Как вдруг...

- Как вдруг, - вспоминал Мосс Харт, - в это раннее утро, рассекая предрассветный мрак, зазвучал великолепный, необычайной красоты голос, исполняющий „Celesta Aida“ («Нежная Аида» (ит.). Романс Радамеса из оперы Дж. Верди «Аида») Верди. Это было так необыкновенно! Ничего подобного я никогда не слышал, поэтому бросился вниз, чтобы увидеть, кто поет. Мне сказали, что его зовут*

Марио Ланца. Я даже не мог себе представить, что в моем хоре скрывается такой певец, ибо слишком был занят проблемами постановки, чтобы обращать внимание на хористов. Это был обаятельный кареглазый плечистый юноша. Подойдя к нему, я спросил, где он научился так петь. Он смутился и ничего не ответил. Я был пленен его детской непосредственностью. Это был чудесный и милый парень.

Участие в „Крылатой победе“ давало Марио новые шансы для необходимых знакомств. Он был не прочь расширить общение с честолюбивыми и искушенными в светских манерах и привычках актерами. Хотя, разумеется, знал Марио и другую сторону этих самых „высоких кругов“: острословие и нескончаемое пересмешничество. Из-за своей излишней полноты он стал объектом светских шпилек. А это его сильно уязвляло. Потребность нравиться в обществе - естественное чувство артиста... Марио решил похудеть. И как можно быстрее. Средство он избрал самое простое. Он просто перестал есть...

Здесь повод рассказать об одном случае, который свидетельствует не только о жажде нашего героя похудеть, но и о решительном его характере. Ланца не любил долго рассуждать о том или ином своем жизненном шаге, прежде чем его осуществить. Все решения он принимал незамедлительно. И раз нужно было в данный момент сбросить лишний вес, он просто начинал морить себя голодом. Хотя, что и говорить, при его аппетите это была для него настоящая драма...

Однажды после репетиции он почувствовал смертельную усталость. Ноги ватные, во рту медный привкус, в глазах туман и „черти пляшут“. Собрав последние силы, потащился в сторону госпиталя. Едва доктор Билл Каган успел поприветствовать Марио, тот потерял сознание. Обморок прошел, и Марио признался о причине такого некудышнего своего самочувствия: он начал худеть.

- И сколько же вы, мой друг, истязаете себя постом?

- Дней десять... Скоро приедут из Филадельфии мои родители, чтобы посмотреть наш спектакль. - Марио перевел дыхание, растерянно улыбнулся. - Я не хотел, чтобы они увидели меня таким.

Марио растрогал военного врача ансамбля. И он решил помочь ему. Доктор считал, что полнота Марио не просто от переедания. Дело тут в обмене веществ. А стало быть, затронуты железы внутренней секреции, эндокринная система. Гипофиз посылает „ложную команду" аппетиту. У Марио все время неутолимое чувство недоедания или, верней, ненаедания. Доктор предложил эксперимент. Нужно лечь в госпиталь и голодную диету соединить с кровопусканием.

Марио не любил все, что хотя бы отдаленно напоминало больничную обстановку: запахи карболки, йода, эфира. А тут стационарное лечение, ежедневные уколы. К тому же Марио отличался повышенной мнительностью: в плохом он видел худшее. Ему уже казалось, что этот симпатичный доктор похож на вампира и что он столько выпустил из его жил крови, что тут можно не то что похудеть, а и вовсе...

На четвертый день Марио сбежал из лазарета. В первом попавшемся баре он коршуном кинулся на увесистую порцию омлета с ветчиной. Эксперимент доктора Кагана закончился.

Армейский лекарь мистер Билл Каган не слишком обиделся на выходку своего пациента. Он сразу оценил непосредственность и обаяние Марио Ланца. Каждое, даже самое безнадежное начинание при случае можно пустить по шутливым рельсам. В конечном счете здоровье человека, а тем более такого молодого и энергичного, как Марио Ланца, находится в его собственных руках. Расстались они друзьями. И даже имели вскоре возможность пошутить вместе. Был, к примеру, и такой смешной случай.

По поводу успешных гастролей спектакля „Крылатая победа" в Нью-Йорке для участников шоу было устроено что-то вроде юбилейного банкета. Во время вечера одна из актрис упала в обморок. Ее отвезли в госпиталь. Вскоре все выяснилось: ничего особенного, переутомление, лишняя рюмочка, с каждым такое может произойти. Женщина благополучно возвратилась домой. Но артистические языки, питаемые профессиональной фантазией и горячими напитками, развязались: нет, это неспроста. Что значит обморок? Актриса беременна, а этот пронира доктор Билл Каган собирается руководить подпольными родами не в какой-нибудь тусклой камерке в компании бывалых повитух, а тут же, в театре, в храме искусств. А доктор знал цену не только этим артистическим языкам без костей, но и шутке, розыгрышу... Для исполнения своей затеи ему срочно понадобился ассистент. Доктор договорился с одним бравым солдатом, положил его на операционный стол, накрыл женской шубой и... стал принимать роды. А чтобы привлечь внимание, этот „подпольный акушер" то и дело хлопал дверью, дабы удовлетворить любопытных (а любопытных собралось чуть ли не половина труппы)...

И вот в разгаре вечера на сцену выходит сам доктор Каган и объявляет:

- У нас, леди и джентльмены, большая новость. Сегодня в лазарете нашего театра появился новорожденный бэби!... Роды прошли благополучно!.. Ура, господа!!!

Покуда под бурю аплодисментов и под разбойничий посвист публичного одобрения доктор договаривал о подробностях события, на сцену пробиралась обнаженная фигура с узкой набедренной повязкой-пеленкой. Фигура эта была мощная - что вширь, что ввысь. На голове стыдливо красовался белый чепчик, из-под которого пробивался на лоб курчавый темный локон. Во рту эта самая фигура мусолила пустышку... К новой волне аплодисментов

прибавилось хохоту. Все встали... Шутка получилась „о'кей“!

А „новорожденный бэби“, то есть Марио Ланца, своим пронзительным, стального блеска голосом крикнул, буквально вспарывая шум: „Агу-у!!!“

Известный исполнитель шекспировских ролей, актер, друг Ланца Эдмонд Обрайен вспоминает случай в одном ресторане:

- В это заведение Марио любил захаживать с друзьями.

Хозяин ресторана кичился своими редкими вокальными данными. Разумеется, компании Ланца это бахвальство быстро надоело: ну, поет себе человек и пусть поет. Зачем же так петушиться?

Каждый раз, когда мы бывали у него в ресторане, он считал своим долгом дать нам сольный концерт, - продолжает рассказ Э. О`Брайен. - Однажды Марио в точности его скопировал. Владелец ресторана подошел к нему с самым серьезным видом и посоветовал никогда больше не петь: „У вас, молодой человек, нет ни таланта, ни голоса“. Сказав это, он с довольным видом повернулся, чтобы уйти, но тут Марио запел своим голосом... Хозяина ресторана эта невинная шутка очень смутила... Он все понял.

Семь месяцев шоу „Крылатая победа“ с неизменным успехом шло в одном из театров Нью-Йорка. О постановке прослышал вездесущий и всемогущий Голливуд. Кинокомпания „Уорнер Бразерс“ после победоносного шествия шоу по городам Америки предложила экранизировать его. Для участия в съемках приглашен почти тот же актерский ансамбль. Режиссером фильма назначен Джордж Цукор.

Так Марио Ланца впервые встречается с Голливудом, „городом интриг и фанфаронства“, „страной иллюзий и мишуры“, „государством славы и слез, роскоши и

убожества". Но первое впечатление от этой кинодержавы у него, конечно, ослепительное. Игрушечные пейзажи и коттеджи, блеск звезд экрана, стайки юных дарований, похожих на золотых рыбок, всеильность надменных и вальяжных продюсеров - этих „магнатов во плоти“...

Одним словом, Голливуд!

Первые съемки в кино показались ему любопытными, хотя роль у Марио была ерундовая, всего лишь винтик в механизме хора. И если другие „винтики“ проявляли рвение на съемочной площадке в надежде на то, что мистер Цукор заметит их актерское мастерство, Марио отнюдь не старался выделиться.

А раз так, то скучно изо дня в день потеть под пеклом софитов. Можно день-другой и прогулять... Однажды его искали на съемочной площадке 48 часов. Он очень удивился, узнав, что кто-то его ищет. В кадре он снимался на заднем плане. Ну, одной физиономией больше, одной меньше. И все-таки этот дотошный Джордж Цукор заметил брешь в толпе и выдал Марио взбучку.

И здесь, в суматошном Голливуде, его неизбежно потянуло домой, в родную Филадельфию. Тоскуя по дому, он шел, как когда-то в юности, в магазин грампластинок, который находился в северной части голливудского поселка, и слушал там записи итальянских певцов.

По пятницам он пел в клубе. Здесь собирались звезды экрана и сцены. А это совсем другая жизнь. Люди большей частью именитые, влиятельные слушали его голос, щедро и вполне искренне хлопали, задавали вежливые вопросы, приглашали присесть за свой столик. И здесь же, в „высшем обществе“, у Марио случались романтические истории... Вроде этой - печальной и скоротечной.

Ее звали Патти Отт. Ей было шестнадцать, но у нее уже было довольно-таки крепкое и звучное меццо-сопрано. Девушка нравилась Марио Ланца. Очень нравилась. Сам

необычайно талантливый, Марио умел восхищаться талантом других. Часто они пели дуэтом...

Но вскоре к Патти Отт подкралась беда: у нее стала стремительно развиваться глухота... Патти была умная девушка с добрым сердцем. Она решила не мешать судьбе своего необычайно одаренного друга.

Вот и вся история. Так было в жизни. Спустя годы эта история, но уже со счастливым концом, станет лейтмотивом последнего фильма Марио Ланца „Серенада большой любви“.

Но долго грустить Марио не давали. Голливудские знаменитости наперебой приглашали его в свои особняки. Часто концерты затягивались до утра.

Но не меньше времени проводил Марио и в обществе друзей. Уже в ту пору Ланца быстро сходился с людьми, слепо шел на контакты, а сблизившись, тут же открывал душу. Конечно, такие непосредственные, стихийные отношения нередко заканчивались для него разрывом. Мало было настоящего взаимосогласия, сочувствия и понимания - раздор был неминуем. Приходило горькое разочарование. Но каждый раз, испытав черствость близких людей, он вновь, как ночная бабочка на пламя свечи, спешил к новой сердечной дружбе.

Дружба с актером шоу „Крылатая победа" Бертом Хиксом была испытанной. Жили они во время поездок в одной комнате и практически были неразлучны. Хикс понимал сложную и противоречивую натуру Ланца, его вулканическую взрывоопасность и непредсказуемость и в то же время его умение мгновенно остывать и становиться штилем после шторма.

Семья Хикса жила в Голливуде. И когда друзья оказались здесь, Берг первым делом поспешил привести Марио в свой дом. Собственно, сам Марио торопился познакомиться с семьей друга: кое-кого из этого почтенного

дома он знал заочно, по фотографии, у которой есть предыстория...

Дело в том, что Берт Хикс довольно часто и с какой-то странной настойчивостью подсовывал этот снимок Марио. С этой девушкой (а на фотокарточке было запечатлено милейшее личико) Берт Хикс якобы познакомился в Беверли Хиллз. Ланца никак не мог взять в толк, отчего это его друг отдает даром такую красивую девушку. Однажды он не выдержал и спросил: „Может, Берт, у этой красавицы какой-нибудь изъян? Почему бы тебе самому не приударить за ней? Она просто прелесть". Тогда, делать нечего, Берту пришлось прекратить одурачивание друга: эта девушка -его сестра. А зовут ее Бетти. И он уверен, что она и Марио обязательно поладят.

И вот Марио предстояло переступить порог дома друга... Он увидел Бетти и, как когда-то его отец Антонио, впервые встретивший его мать Марию, остолбенел. Как в бреду, он обнял ее за плечи и произнес искренне и подкупающе мило: „Я давно вас знаю". Берт что-то стал бубнить про фотографию, но Ланца прервал друга и сказал: „Не надо слов. Повтори ей лишь то, что я сказал тебе..." Марио чуть побледнел, но глаз от Бетти не отвел: „Это была любовь с первого взгляда..."

Девушка ответила взаимностью. Ее брат Берт был прав: они действительно сразу поладили. Но с венчанием пришлось отложить до лучших времен: Марио должен был закончить службу.

А Голливуд кипит. Избежать этой карусели нет сил. Марио сделал лишь первые шаги по этим раззолоченным ступенькам. Куда ведет она, эта голливудская чудолестница? „Путь в высшее общество" открыт? Возможно...

В Голливуде снова неукротимая Мария Марджелли. Ее девиз неизменный: „Лови, Марио, любой шанс!" Жизнь, к сожалению, идет на убыль. Сегодня не схватишь, завтра уже

не успеешь. Надо производить впечатление на тех, кто в состоянии ценить талант.

Марджелли устраивает Марио все новые и новые выступления.

В Голливуде Ланца впервые услышал уже знаменитый тогда певец и киноактер Фрэнк Синатра.

- Этот парень, - признался он, - этот солдат Ланца из ревю „Крылатая победа" - чудо!.. Мне впервые стало завидно...

Синатра предложил своему импресарио безвозмездно „прокатать" еще никому не известного Ланца по гастролям и только потом, когда Марио станет знаменитым, начать брать с его „сверхстатысячных ежегодных доходов" проценты.

Гордый Ланца отклонил столь лестное для него предложение. Но до конца жизни он сохранил к Фрэнку самые дружеские чувства.

Позже о молодом талантливом певце Синатра рассказал боссу кинокомпании „Уорнер Бразерс" мистеру Уорнеру и попросил послушать его. Ранее киномагнату о Ланца говорила и Мария Марджелли...

Как-то, увидев Марию на одном из светских приемов, мистер Уорнер попросил принести ему запись голоса „этого нашумевшего дарования". Марджелли незамедлительно приехала на виллу хозяина студии. Комната приемов, куда Марию пригласили войти и подождать, была настоящим музеем, где собраны уникальные экспонаты, рассказывающие об истории знаменитой кинофирмы. По стенам растянулась галерея портретов кинозвезд, на стеллажах - призы и подарки, свидетельствующие о том, что братья Уорнеры - один из могущественных кланов в киностране по названию Голливуд и что крах им в обозримом будущем не угрожает.

Хозяин восседал в роскошном, как трон, кресле. Он подал знак рукой. Марджелли включила запись.

Выслушав ее до конца, мистер Уорнер с хитрой ухмылкой уставился на Марию.

- Объясните мне, мадам Марджелли, для чего такой серьезной даме, как вы, разыгрывать меня? Такого знатока пения, как я, трудно провести. Вы, может быть, ошибочно принесли эту запись? Разве есть хоть малейшее сомнение в том, что я сейчас прослушал „Импровизацию Андре Шенье" и что пел арию не кто иной, как Энрико Карузо?

Мария Марджелли осторожно заметила, что на сей раз „знарок пения" изволил ошибиться.

- Если это пел Карузо,- весело сказала она, - то сей же момент он встал из могилы и сидит в машине возле вашей гостеприимной виллы...

Мистер Уорнер заерзал в своем кресле-троне. И повернул голову к окну.

- Черт возьми, тогда приведите ко мне этот призрак Карузо... Чтобы и я смог познакомиться с ним поближе.

Марджелли быстро исполнила пожелание киномагната. Марио Ланца был тут как тут. Уорнер попросил его спеть что-нибудь по-английски. Пожалуйста, Ланца готов спеть и на английском языке... Ну, хотя бы „Серенаду" из оперетты Ромберга „Старый Гейдельберг"

Хозяина просто ошеломило пение гостя. С профессиональным глазом „киношника" он тут же попытался заключить этот великолепный голос и его владельца в условную рамку киноэкрана. Голос - это редчайшее чудо! Но, к сожалению, он не видит в Марио Ланца кинозвезду. Слишком широки плечи. Да и грудная клетка... Не грудь - целая гора. Нет, нет, тяжеловат для героя...

Уорнер, наверное, впоследствии не раз сокрушался о том своем скоропалительном и чересчур самоуверенном суждении. Надо было все-таки рискнуть сделать кинопробу. А теперь конкурирующая фирма Метро-Голдвин-Майер делит славу Марио Ланца и заколачивает на этом „нефотогеничном парне" миллионы...

Как рассказывает ближайший друг Ланца Терри Робинсон в своей книге „Трагическая жизнь Марио Ланца“, эта ошибка мистера Уорнера была не единичным случаем. Когда ему впервые представили молодого Кларка Гейбла (* *Карл Гейбл – выдающийся американский киноактер 30-40-х годов. Вершиной творчества Карла Гейбла стал фильм «Унесённые ветром», в котором он снялся вместе с прославленной актрисой Вивьен Ли, 1938 г.*), он также отверг его кандидатуру на один из кинофильмов своей компании. Уорнер не увидел в актере ничего кроме оттопыренных ушей. Позже Гейбла взяла под свою опеку студия „Метро-Голдвин Майер“ и сделала из него суперзвезду 30-х годов, умело замаскировав его недостаток.

В тот прекрасный день Марио предчувствовал успех. Он чуял его кожей. Мария Марджелли была наэлектризована. Ее глаза сияли. Званный ужин собрал всю городскую верхушку. Роскошную вечеринку устраивал известный радио-изобретатель Атуотр Кент. Приглашены влиятельные лица от искусства, среди них продюсер знаменитой фирмы грампластинок „Эр-Си-Эй Виктор“ Арт Раш. Гостей было чуть ли не столько, сколько бывает в партере небольшого концертного зала.

Марио Ланца пел прекрасно. Он уже научился владеть этой сложной энергией, именуемой вдохновением...

Ему мешал галстук. Прочь его. Ворот рубашки расстегнут. Публика с любопытством и восторгом озирает эту мощь грудной клетки, откуда лавиной вырываются божественные звуки... Голос будто только рожден. Никакой усталости. Он чист и звонок...

Арт Раш протиснулся к Ланца. Вопрос его был банален, но продюсер спросил именно то, что обычно спрашивали у певца:

-Где вы, черт возьми, научились так петь?

-Собственно говоря, я только слушал пластинки.

Улыбка Марио была ослепительна. Скромность достойная. Ответ прост.

Раш покорен. Марио Ланца предложен контракт на запись его голоса на грампластинки столь именитой фирмы. Срок договора - 5 лет. И никаких предварительных проб. Певец положил в карман первый в своей жизни большой аванс... 3000 долларов! Целое состояние!..

Мария Марджелли ликовала. Она добилась своей цели. Звезда ее протезе сверкнула на певческом небосклоне.

А Марио с кучей денег раздумывал о том, куда их употребить. Как вообще тратятся деньги? И тут, конечно, без друзей не обойдешься. Хотя бы без Джорджа Лондона (**Джорж Лондон – бас-баритон, будущий знаменитый певец, солист Метрополитен-опера*), баритона и весельчака. Деньги полетели на рестораны, такси и хорошеньких девушек. Казалось, Марио эти деньги жгли карманы. И он стремился поскорей от них избавиться.

Джордж Лондон рассказывал:

- Я стоял у стойки с мороженым. Подошел Марио и стал расплачиваться десятидолларовыми бумажками. Причем выложил их так, чтобы видели все. Затем мы с ним все эти деньги растратили по ресторанам и кафе за несколько дней. Сложилось такое впечатление, что парень спешил избавиться от этих самых денег поскорей. Он хотел избавиться от того, к чему большинство людей стремится изо дня в день. Этот азарт - тратить деньги - не покидал Марио всю жизнь... Однажды, когда мы ночевали у меня, я сказал ему об этом. Марио ответил: „Деньги - это всего лишь деньги. Не это главное в жизни. Поговорим лучше о чем-нибудь другом. Ну, хотя бы об опере...“

Глава 9 **МАРИО И БЕТТИ**

Вот мы и подошли к той черте повествования, переступив которую наш герой, как бы одиноко ни было ему впредь, один уже не будет никогда. Теперь рядом с ним, словно ангел-хранитель, со своим гордым и жертвенным чувством, юная, прелестная его избранница - Бетти.

В их жизни - весна. Ветер надежды ласкает лицо. Правда, даже и в разгар весны, в благоуханном и стозвучном апреле случается непогода: северный ветер нагонит вдруг, нахлобучит на ясное небо тяжелый полог туч, давно откатившая за горизонт зимняя стужа неожиданно, как бы опомнившись, в отместку дохнет холодом... Но весна есть весна, и ее не повернуть вспять, и ничем уже не охладить жаркого солнца, не стереть с окрестного пейзажа молодого зеленого цвета, не приглушить птиц, да и всей возрожденной от зимней спячки земли.

Теперь их двое. Он и она. Жизнь обретает иной смысл, иное содержание. Семья - это уже ответственность друг за друга. Хотя семьи еще, собственно говоря, нет. Обстоятельства не позволяют. Марио служит. Съёмки „Крылатой победы“ завершены. Его призывают продолжить службу на другой военной базе, расположенной в Мурфилде. Несколько недель счастливых молодых растаяли, за встречей пришла разлука.

Помолвка Марио с Бетти сделала излишним пребывание в Голливуде неизменной покровительницы Ланца Марии Марджелли. Мария, женщина умная, понимала, что ее миссия закончена и она может сказать своему талантливому подопечному последнее прощай. А доброе, отзывчивое сердце Ланца не забудет того, что сделала эта женщина.

Простимся и мы с Марией Марджелли, уехавшей вскоре из Голливуда на поиски новых талантов.

Марио Ланца ежедневно звонил Бетти из Мурфилда в Лос-Анджелес. Разговаривал с невестой часами. Стоило это немалых расходов. Но чтоб для Марио деньги, когда он делает то, что желает его душа. Аванс в счет будущих грампластинок, показавшийся ему целым состоянием, увы, таял на глазах. Но Марио никогда не знал истинную цену деньгам и не ставил накопительство целью жизни. Деньги он разбрасывал с той же легкостью и щедростью, как и свое дарование. По сути, и тогда, на заре своей блистательной певческой карьеры, и на быстротечном ее закате, своей врожденной интуицией большого художника он напоминал бездонный колодец: чем больше черпают из него, тем больше в нем остается. Бережливость и предусмотрительность – не в его характере. Обыватели часто кричали ему вслед: „Опомнись, остановись, умерь размах и прыть, будь разумен!“ Но им ли, цыплятам, знать привычки орла!

Марио часто вдруг становился богатым. Взрывоподобный его талант в мгновение ока распахивал казну толстосумов. Но чаще он был на мели. Потому что не считал то, что зарабатывал. Никогда не задумывался о том, сколько дать на какой-нибудь очередной „вселенский прием“, на сумасшедшие подарки друзьям или случайным знакомым, на бесконечные благотворительные пожертвования. В будущем его жена Бетти, которая была все же рассудительнее своего стихийного мужа, не раз пыталась внушить ему, что деньги достаются ему каторжным трудом, а ведь голосовые связки не вечны: подумай, Марио, о дне грядущем. В минуты назиданий Ланца с веселой улыбкой обнимал жену и говорил ей: „Все это так, дорогая. Бог дал мне голос. И только он вправе распоряжаться этим богатством. Господь не оставит меня в беде...“

Что Бетти могла поделаться с этим взрослым ребенком?

В январе 1945 года Альфредо Кокоцца демобилизовался из армии.

Марио свободен. Он летит к своей возлюбленной Бетти. Перед отъездом Ланца позвонил в Филадельфию. Сообщил родителям о том, что служба закончена. Но о невесте и предстоящем браке - ни слова. Пришлось соврать: в Лос-Анджелесе у него дела, связанные с фирмой грамзаписи. А уж потом он примчится домой, чтобы обнять своих горячо любимых отца и мать.

Встречу Марио с Бетти несколько омрачило извещение фирмы „Эр-Си-Эй Виктор“: узнав о его демобилизации, она потребовала, чтобы певец незамедлительно прибыл в Нью-Йорк для пробной записи на пластинку.

А ему так не хотелось уезжать от прекрасной Бетти. Пришлось снова прибегнуть к „святой лжи“ - сослаться на недомогание. Но и эти несколько дней отсрочки истекли. Тогда решительное слово сказала Бетти, понимавшая, что и теперь, когда им так хорошо и уютно, не нужно забывать о делах.

-Никаких „но“, Марио. Решайся... Тебе не хочется ехать без меня. Поедем вместе. Но ты не можешь ехать со мной, если мы не поженимся... Итак, выхода нет.

Логика Бетти мгновенно отрезвила Марио. В Нью-Йорк они отправились мужем и женой. Оба они были католиками. Для церковного обряда, разумеется, необходимо время. Его у них не было. Принято решение зарегистрироваться по-граждански в муниципалитете Беверли-Хиллс у судьи Грифф-фина. Скромно, но быстро.

Марио повел Бетти в маленький магазин и купил ей обручальное кольцо за 9 долларов 95 центов. Это было трогательно со стороны Марио. Дорого колечко, а не его стоимость.

Затем молодожены направились в Чикаго для встречи с родителями Бетти. А потом, как предполагал Марио, они смогут поехать в Филадельфию. Но встречу с домом пришлось отложить - торопила запись пробной пластинки на фирме „Эр-Си-Эй“.

Из Нью-Йорка Марио позвонил родителям, рассказал о предстоящей работе и о том, что в скором времени они встретятся. Но на этот раз его родители не желали ждать „скорого времени" и решили сами приехать к сыну.

Бетти ненадолго осталась пожить в Чикаго. Так что, когда Мария и Антонио с сумками, нагруженными продуктами, прибыли в Нью-Йорк, на вокзал Пени Стейшн, они увидели своего мальчика в компании армейского друга, хорошо нам известного Джонни Силвера. Ничего нового и необычного опытный глаз Марии не разглядел в облике и поведении сына. А Марио так и не решился признаться в том, что произошло. Он повез их на свою квартиру в Сентрл Парк. Эти три комнаты Марио снимал вместе с Силвером. Квартира показалась родителям вполне приемлемой и даже просторной.

Мария и Антонио, весьма довольные встречей с сыном, уехали в Филадельфию, так и не узнав, что их сын женат.

Тут же Марио позвонил в Чикаго Бетти и признался ей в том, что у него не хватило духа огорошить известием своих родителей. Бетти не стала его упрекать. Она представила себе эту сцену свидания. Что Марио должен был им сказать? Что их единственный сын тайно женился? И как бы они, почтенные католики, отнеслись к браку, не благословленному церковью?.. И все-таки, чувствовала Бетти, так нельзя. Нельзя обманывать любящих людей. Это безбожно.

- Я выезжаю в Нью-Йорк сегодня же вечером, - решительно крикнула она в телефонную трубку.

И приехала на следующий день. И сразу сказала Марио, чтобы он позвонил в Филадельфию и признался во всем. Марио связался с родителями и попросил их срочно приехать в Нью-Йорк.

Наступил день прибытия гостей из Филадельфии. Незадолго до приезда Бетти сказала, что идет в кино. Марио удивился, но возражать не стал.

-Когда я вернусь, ты, Марио, должен им все рассказать. Если мать заплачет, не мешай ей.

Мария с Антонио вошли в квартиру. Первый ее вопрос был о Джонни: где он?

-Он, мама, куда-то ушел.

- Сама вижу... Ну, так зачем ты вызвал нас с отцом?

- Куда ты так торопишься?.. Вы, должно быть, голодны?

Не сразу, но Марио рассказал обо всем. И о своем приятеле Берте Хиксе, о фотографии и о том, как он познакомился с Бетти в Калифорнии... А эти слова он с трудом, запинаясь и краснея, буквально выдавливал из себя:

- И я попросил ее руки.

Марио словно током прошило. Она больше всего опасалась услышать от сына именно это.

- Подожди, Марио, дай я скажу... Как ты можешь думать о женитьбе, когда тебя ждет такая карьера? Ты только подумай, сколько тебе предстоит работать! У тебя для жены не останется никакого времени. И откуда ты знаешь, что именно эта девушка нужна тебе и твоей карьере?

- Это очень хорошая девушка, мам. Она хочет, чтобы у меня была именно такая карьера, о которой говоришь ты. И мы любим друг друга.

-Знаю я, что такое любовь... Если она действительно любит, то подождет. А там видно будет... Я думаю, что может быть только так, сынок, не иначе...

Мария ласково потрепала его по щеке. Антонио вполне одобрил мнение Марии.

И вот в этот самый момент Марио, набрав побольше воздуха, сказал то, что не решался говорить все это время.

- Дело в том, что мы уже женаты.

Мария побледнела. Антонио растерянно посмотрел на жену.

Мария, взяв себя в руки, уже другим, изменившимся и каким-то обреченно-безразличным голосом спросила:

- Если ты говоришь, что вы женаты, то как так получается, что ты живешь с другом... С Джонни Силвером. Как это понять? Где же тогда его жена?

- У Джонни своя квартира, а моя жена Бетти сейчас придет. Она в кино... Когда ты увидишь ее, ты сразу ее полюбишь.

Встреча Марии и Бетти прошла вполне дружелюбно. Были поцелуи и объятия, и ласковые и приличествующие моменту выражения, и немножко слез, и в меру улыбок, а также всего остального, что обычно бывает в таких неожиданных житейских сценах. Вечером всей семьей отправились помолиться в собор Святого Патрика.

Понравилась ли Бетти Марии? Загадка, которую вряд ли можно разрешить. Если не любовь и не симпатию, то уж точно вежливость, этакую дипломатическую лояльность эти две достойные женщины старались сохранять всегда. Обе они любили Марио. А, как известно, одинаковые, а тем более сильные заряды отталкиваются. Жизнь, правда, - не физические законы. И тем не менее, скорей всего, Мария ревновала Бетти к Марио. Можно вполне понять материнскую любовь к сыну, не знавшую предела и уж, конечно, не терпящую никакой конкуренции. В большем затруднении был сам Марио: он бесконечно любил обеих женщин. И мать, и жену.

Здесь повод подробнее поговорить о жене Ланца Бетти Хикс. Позднее друг Марио Ланца Терри Робинсон напишет в своей книге „Трагическая жизнь Марио Ланца" о том, что не все складывалось гладко в отношениях Бетти и Марио: случались у них частые ссоры, размолвки... Да, возможно. Но Бетти самоотверженно любила Марио. Всегда. Любого: восторженного и ершистого, во времена упадка и взлета его творческих и человеческих проявлений, в самые светлые и самые черные его дни. Она была любящей женой,

женщиной нежной и бесконечно преданной. А какой самоотверженной матерью она была?! Матерью четырех детей...

А что касается обоюдных обид, срывов, раздоров... Дело естественное: семья с ровным, как Гудзонов залив в штиль, образом жизни, когда кругом тишь да благодать, а над головой безоблачное небо, подозрительна. От жизни в такой семейной ячейке веет равнодушием. Совершенно ясно, что точки зрения даже близких людей не могут на протяжении многих лет идеально совпадать. Если не спорить, тогда приходится терпеть. А терпение не сегодня-завтра взорвется гневом невысказанного. Это не жизнь, а добровольная тюрьма, из которой любой нормальный человек рано или поздно захочет вырваться на свободу.

Бетти и Марио старались уступать друг другу. Но у кого не бывает старых, застоявшихся недомолвок и обид? Случались в их доме взрывы. Отчего? По многим причинам... У Бетти тоже не ангельский характер, но в нем все же больше равновесия, чем в нраве Марио. Она понимала, что Ланца - певец, артист, ярчайшая художественная личность... но и большой ребенок (это определение сохранилось за ним до конца жизни), у которого капризный, взрывной, непредсказуемый характер. Бетти часто заставляла себя сдерживаться, просто перемолчать, отвести бурю, когда разбушевавшегося Ланца, мечущегося по всем комнатам, уже ничем не остановишь (неаполитанская кровь - это нечто особое). А молчание Бетти его еще больше заводило. У итальянцев все по-другому: если уж спор, то на равных, если поединок - то до конца. Никакое там не золото - молчание, а черт-те что... И тогда Бетти приходилось прибегать к уловкам - малодушно поддакивать мужу, даже если он был не прав. Что тут поделаешь, истинный ребенок! Подобные хитрости безошибочно действовали на Ланца: он успокаивался, начинал трезво оценивать случившееся и, если в чем-то был

виноват, немедленно просил прощения. Годы совместной жизни научили Бетти считаться с цикличностью эмоциональных бурь и затиший у Марио. Пожалуй, она стала чутким „синоптиком" его характера, его настроения.

Конечно, нелегкая, переменчивая, контрастная жизнь с таким человеком, как Марио Ланца, не могла не подточить нервов Бетти. Со временем ее здоровье заметно ухудшилось... И все-таки зададимся главным вопросом: жалела ли она когда-нибудь о том, что связала свою жизнь с большим артистом и большим ребенком? У нас будет возможность еще не раз ответить на этот непростой вопрос.

Итак, Марио успешно выдержал испытание пробной пластинки, включившей его коронную вещь - ариозо Канио из „Паяцев". Записав блистательно, с абсолютной убедительностью „Vesti la giubba", он пока не получил от представителей компании „Эр-Си-Эй Виктор" никаких определенных гарантий. Попросили вежливо подождать, как говорится, до лучших времен.

Деньги таяли. Бетти предложила сменить квартиру, выбрать что-нибудь поскромней. Марио со свойственными ему уверенностью и упрямством еще раз напомнил, что „он родился под счастливой звездой" и очень скоро они с Бетти будут достойны лучших апартаментов, чем эта нынешняя их трехкомнатная квартира.

Им повезло. Квартирные проблемы решились как бы сами собой: им предложил свое жилье друг Марио, ведущий музыкальных радиопередач Роберт Вид. Более того, он обещал устроить Марио участие в радишоу.

Изучая биографию Марио Ланца, я обратил внимание на то, что его талант никогда ни у кого не вызывал ни малейшего сомнения. Да, ему, Ланца, суждено быть величайшим среди всех живущих. Его ослепительный дар был как магнит, как своеобразная доверительная и охранная

грамота, как самая высокая земная гарантия, завизированная самим Всевышним. Даже люди, не знавшие его человеческих качеств, не задумываясь, как аванс на будущее, одаривали в то время Марио Ланца добротой, предоставляли кредиты, жилье, давали любые рекомендации. Да, наш герой обладал безусловным и редчайшим талантом нравиться с первого взгляда - и как певец, и как человек.

Финансы счастливых молодоженов, теперь уже, можно сказать, трещали по швам, а Ланца продолжает думать и жить так, будто он - человек, ожидающий завтра миллионного наследства от некоего „богатого дядюшки". Опять деньги летели на угощение всякого рода прихлебателей, в карманы официантов и швейцаров, в протянутую руку всех нуждающихся, забытых Богом, обездоленных...

И вот счастливый случай, как бы спешащий на смену неудачам. Возможность заработать и подкрепить шансы на публичную известность.

Роберт Вид ждал момента ввести Марио Ланца в мир радио. И дождался. Повод был, можно сказать, традиционный в сфере искусства: один известный артист заболел, другой, не очень известный, или, чаще, вовсе неизвестный, заменяет его... Знаменитый тенор из „Метрополитен-опера" Жан Пирс должен был петь в радиоконпозиции „Великие моменты в музыке". Но простудился... Марио Ланца может его заменить. У Роберта Вида никакого сомнения. Так безо всяких репетиций и подготовок Марио неожиданно был „втиснут" в получасовое радишоу. Передачу слушали тысячи людей. Они были поражены красотой, сочностью красок голоса Ланца, его музыкальностью, темпераментом, безукоризненным вкусом, „божественной мерой", отличающей истинный талант от дутого дилетантства.

Деньги за участие в радиокomпозиции уменьшили долги, а главное, имя Ланца стало известно намного большему числу ценителей его несравненного дара.

Пожалуй, только теперь оба они - и Бетти, и Марио - могли признаться себе в том, что в их жизни наступил настоящий медовый месяц. Прекрасная (и не беда, что покуда не своя) квартира, кое-что от пятисотдолларового гонорара за „Великие моменты в музыке" осталось, настроение превосходное, за окном тепло, по шумному городу шагает июль - макушка лета. Что еще? Оказывается, есть еще кое-что необходимое для полного счастья. Эта мысль пришла к ним однажды утром.

-Бетти, нам нужно обвенчаться в церкви. Мать и отец будут счастливы. А ты?

-Я, Марио, была бы бесконечно...

Взявшись за руки, они вышли на улицу. Вдруг принялся скорый, напористый, веселый летний дождь. Их встретила уютная нью-йоркская часовенка Св. Колумба. Свечи тихо мерцали...

При освящении их брачного союза был узкий круг родных и близких.

Глава 10 **МАЭСТРО РОЗАТТИ**

Одним из новых друзей Ланца стал некто Сэм Уэйлер. По профессии бизнесмен, точнее сказать, менеджер, он распоряжался судьбой старых построек и занимался прочей куплей-продажей. Бывали в его деле и явные финансовые вспышки, например крупные операции по перепродаже гостиниц „Флегмонт" и „Сан-Франциско". Но все свои настоящие и будущие прибыли Сэм Уэйлер с радостью бросил бы к ногам певческой карьеры. Пением он увлекался давно. Любил его страстно. Учился у настоящих вокальных

педагогов. Но, надо признать, его довольно-таки скромный лирический тенор вряд ли давал повод выбраться из мирка „приятственного" домашнего музицирования в мир профессионального искусства.

Познакомились они так. Марио и Сэм одно время брали уроки пения в Нью-Йоркской консерватории у мадам Полли Робертсон. Ланца и Уэйлер учились у нее в параллельных классах. Однажды после занятий миссис Робертсон спросила Сэма Уэйлера, не хочет он послушать действительно великий голос. Тщеславие Уэйлера было уязвлено. Обычно посредственные таланты болезненно честолюбивы. В отличие от них и к его чести Сэм догадывался о своих весьма скромных вокальных данных. Но все еще тешил себя надеждой на то, что когда-нибудь с помощью чудесных сил (волшебного педагога, случая, Бога...) голос его раскроется и неожиданно зазвучит. И все-таки любопытство одержало верх: Сэм согласился послушать „настоящий голос".

На следующий день Полли Робертсон познакомила Сэма с Марио Ланца. Уэйлер незаметно устроился в углу классной комнаты. Пришлось пережить множество сменявших друг друга чувств: от ошеломления - через зависть - к искреннему восхищению. В конечном счете завидуют люди недалекие, завидуют лучшему в сравнении с ними, но когда они встречаются с явным преимуществом, с величиной небесного размаха, тут уж не до мелочной зависти. Голос Ланца, что называется, „посадил Сэма на место". Да что там посадил - вдавил, вбил его в стул, как при резком торможении. Вот и поставлена точка в собственной певческой карьере. Теперь и ему, Сэму Уэйлеру, и всем остальным остается только ждать, когда начнет покорять мир этот божественный голос.

С виноватой улыбкой, ссутулясь, как бы сгибаясь от тяжести свалившегося на его плечи впечатления, подошел

Сэм к Марио и робко пожал ему руку. Потом, извинившись, отвел в сторону наставницу и тихо сказал ей:

- Нет смысла, миссис Робертсон, продолжать мои уроки. И через тысячу лет учебы я не спою так.

Через годы Сэм Уэйлер, вспоминая об этой встрече, взволнованно скажет: „В тот день я понял, что услышал самый прекрасный и самый величественный голос в мире!"

Но Сэм Уэйлер не впал в отчаяние. Все-таки в жилах его бурлила кровь менеджера. С пением покончено, но есть шанс остаться при искусстве. У Ланца такой голос! Надо помочь ему выйти в мир. А значит, и самому развернуться. Решение возникло мгновенно.

Тут же, после урока, Уэйлер приглашает Марио с женой отобедать и потолковать.

Марио разоткровенничался, начал рассказывать Сэму о финансовых затруднениях, о долгах за квартиру, за магазины, рестораны... Потом с редкой, истинно ланцевской, искренностью заговорил о мечте всей жизни - стать новым Карузо. Только, разумеется, говорить об этом и желать этого мало. Нужно иметь прочный заработок и продолжать учиться, учиться серьезно... Но вечно эти проклятые доллары! В кандалах долгов далеко не уйдешь...

Расстались они весьма возбужденные.

Уэйлер ничего пока не предлагал Ланца. Человек предприимчивый и осторожный, он не любил принимать скоропалительные решения. Надо все взвесить.

Первым делом Уэйлер встретился с музыкальным директором Американского телевидения, дирижером Питером Германом Адлером. Адлер уже работал с Ланца на записях грампластинки, и Уэйлер подумал - от этого превосходного человека и музыканта он может получить необходимую информацию о певце.

После репетиции они прошли в зал, сели в кресла. Сэм не стал хитрить и спросил напрямик:

- Маэстро, стоит ли мне тратить время на ведение дел мистера Ланца? У него действительно большое будущее? Как вы полагаете? Или это всего лишь временное явление? Говорят, у него жуткий характер...

Адлер пристально посмотрел на Уэйлера, этого небольшого, юркого, черноволосого человека с маленькими усиками, усмехнулся, откашлялся и спросил:

- А вы, мой друг, лично хоть раз испытали на себе эту ланцевскую „жуть“?

Уэйлер неопределенно развел руками.

- Лично я нет, сэр. Мы только познакомились. Характер как характер... Люди рассказывают...

Мистер Адлер не дал ему договорить.

- Ланца добьется большого успеха, что бы там ни говорилось о его привычках, характере и прочем. Это главное, молодой человек. А что касается характера... У настоящих артистов должен быть настоящий характер. С Марио Ланца можно договориться. Присмотритесь к нему. На талант нужно смотреть другими глазами.

Маэстро встал, поправил галстук, приосанился.

- Со мной он всегда корректен, внимателен и добр. Чего я и вам от души желаю, мистер Уэйлер.

Так в жизнь Марио Ланца вошел Сэм Уэйлер, человек необычайной предприимчивости, напористости, одним словом, „импресарио". К своим „попечительским обязанностям" он приступил незамедлительно: оплачено свыше 10000 долларов долгов Марио, Уэйлер готов оплачивать все будущие его уроки по вокалу, расходы на гардероб артиста и прочее. Хозяйке дома Бетти полагалось еженедельно 70 долларов на домашние нужды. Кроме того, Уэйлер обязался поддерживать материально и

родителей Марио. Сам же менеджер обеспечивал себе право получать по контракту 10% от будущих выступлений Ланца.

Здесь хочется отметить одну любопытную особенность. Как только у нашего героя наступали в жизни кризисные моменты, тут же, словно из-под земли, возникали на горизонте необходимые люди. А когда Марио, скажем, вконец запутывался в денежных джунглях - немедленно появлялся кредитор-предприниматель. Выход из подобных житейских дебрей сразу же находился. Потом такие „находки" нередко оборачивались откровенной эксплуатацией таланта певца, долговременной кабалой, веригами творческой свободы... Но в периоды запутанных и неразрешимых критических ситуаций такие „помощники" были очень даже кстати.

Короче говоря, Сэм Уэйлер вошел в жизнь Ланца, стал ее частью, „финансовой стороной" карьеры нашего героя. Марио даже называл его „вторым отцом", а позже так рассказывал об опекуне:

- Мистер Уэйлер не только оплачивал мои уроки, туалеты. Он вел сам все хозяйственные расчеты. В общей сложности мой менеджер израсходовал на меня около 60000 долларов. И я оглашаю эту сумму только для того, чтобы начинающие певцы получили представление о стоимости вокальной подготовки артиста.

Стабилизировав финансовые дела Ланца, Уэйлер занялся поисками вокального педагога. И вновь он прибегнул к помощи маэстро Адлера.

Адлер рекомендовал обратиться к семидесятидвухлетнему Энрико Розатти, знаменитому преподавателю вокала.

-Если этот прекрасный педагог в свои преклонные годы возьмется за обучение Ланца, он сделает из него великого певца, каким сделал когда-то Беньямино Джильи.

Розатти согласился послушать Ланца. Он слышал о нем. Но большей частью это были восторженные отзывы тех, кто знал певца по выступлениям на радио. Пришел Марио в педагогическую студию Розатти на 57-ю стрит с Сэмом Уэйлером. Маэстро с любопытством оглядел будущего ученика, который, хоть и сильно робел поначалу, успел краем глаза оглядеть покои именитого наставника. Стены его кабинета украшали портреты оперных светил прошлого века, шкафы и стеллажи с книгами по музыке, нотные издания. Маэстро - италянец, земляк Марио. Ланца, сразу почувствовав к нему необычайное тепло и уважение, решил спеть ему для начала неаполитанскую песню...

Марио попросили выйти из кабинета. Сэм Уэйлер спросил у маэстро о первом впечатлении.

Розатти лукаво посмотрел на него поверх очков и сказал:

- Мой друг, ему ничего не остается, как найти себе богатую старую даму, которая оплачивала бы его уроки. Это было бы очень кстати, так как я беру дорого...

Сэм Уэйлер вскочил с места.

- Есть такая дама! Эта дама - я! - крикнул он. - Я готов вложить деньги в этого парня. Только я хочу знать ваше истинное мнение о его голосе.

Розатти понимающе закивал головой и решил отделаться шуткой:

- Видите ли, дружище, если он не справится с моими занятиями, то всегда будет пользоваться успехом в одном из ваших отелей...

Самому же Марио маэстро Розатти скажет при первом знакомстве более взволнованно и более сердечно:

- Ваш голос я ждал тридцать четыре года, с тех самых пор, как ушел от меня мой дорогой мальчик Беньямино Джильи. Я не могу дать вам больше того, чем то, что даровано самим Богом. Но нужно заниматься, чтобы сколь возможно долго сохранять этот бесценный дар.

К маэстро словно возвратилась молодость. Марио помог ему забыть о грузе лет. Розатти оттаял душой, взбодрился, вновь обрел былую энергию, с азартом взялся за обучение нового таланта. О чем еще мечтать прекрасному учителю вокала? У Марио чудесный подарок природы - голос редких возможностей, удивительной красоты, звучности. Необходимо опытной рукой, да и сердцем мастера осторожно направить этот талант, как искусный кузнец правит оселком лезвие кинжала. Тут многое необходимо сделать: добиться высочайшей культуры фразировки, подачи звука, в общем, всего того, что именуется вершиной вокального мастерства. Розатти отличался необычайной чуткостью. „Нажимать“ на ученика, конечно, надо. Следует держать его в русле педагогических канонов. С такой по-детски ранимой и взрывной натурой, как у Марио, недолго и расплыться как брызги от водопада. Розатти, хоть и был строг и методичен, но все же избрал в занятиях с Ланца наилучшую, так сказать, интонацию - отеческую. Всегда отличавшийся неусидчивостью и недисциплинированностью, на уроках с Розатти Марио преобразился: стал заниматься упорно и целеустремленно.

Но, конечно, в любом настоящем деле не обойдешься без лишений и без особого напряжения, нередко доводящих чуть ли ни до изнурения, до потери вкуса к жизни. Занятия шли в жестком режиме. Маэстро не уступал. Характером он, надо сказать, был не менее крут и взрывоопасен, чем его ученик. Тут в поединок вступили не практичные американцы, а истинные итальянцы.

«У него голос благословлен самим Господом Богом, - думал частенько Розатти, остывая от очередного „бурного урока“, - а вот поведение его и этот дьявольский темперамент... Нет, никто их не благословлял. Везувий, да и только!»

Начальная стадия занятий с Розатти была много успешней, чем последующие. Как ему не раз говорили,

способствовали успеху природное любопытство и смекалка Марио. Новое влекло. Далее Ланца все больше начинал походить на самого себя. Занимался столь же осознанно и серьезно, но иногда вдруг срывался, забывал обо всем на свете, в том числе и о том, что в студии на 57-й стрит его ждет почтенный учитель, не просто учитель - великий.

Объяснения Марио подчас были совершенно школярскими.

-Маэстро, не сердитесь. Дело в том, что моя жена ушла и захватила с собой ключи от квартиры, и я не мог попасть домой, поэтому не пришел на урок.

Нередко он „забывал" книги и ноты. Вновь просил прощения и опять что-нибудь терял, забывал... Розатти взрывался из-за какого-нибудь пустячного клавира, оставленного Марио в кафе по дороге на занятия, отменял урок и ругался так... Так по-итальянски, что лучше об этом и не говорить.

Но все это быстро прощалось и забывалось, когда „непутевый ученик" начинал петь. Старик теплел душой, на лице расцветала блаженная улыбка. Ему представлялось великое будущее Марио, он видел свет прожекторов, броские разноязычные афиши, шквал аплодисментов и все остальное, что обычно сопутствует триумфу артиста... Но, помечтав, Розатти рассуждал трезво: нет, на сцену еще все-таки рановато, нужна его „сумасшедшему любимцу" полноценная школа и плюс еще немного. Когда-то, в разгаре певческой карьеры это пригодится, поможет, выручит в кризисные минуты. Вот тогда он и вспомнит уроки старого ворчуна Розатти...

А в общем, исключая вольные мелочи, маэстро был очень доволен воспитанником. Более того, он уже давно задумал показать ученика самому Артуро Тосканини, в ту пору музыкальному руководителю и главному дирижеру „Метрополитен-опера". И даже как-то раз на уроке он

обмолвился об этом. Разумеется, времени у Тосканини в обрез, но отказа он пока не давал. Да и Розатти не очень торопил события: еще несколько вокальных уроков стихийному, буйному Марио пойдут только на пользу.

И вот Тосканини определенно дал согласие послушать ученика Розатти. Назначен день. Время у Марио еще есть. Нужно получше подготовиться. А показывать Марио должен был несколько труднейших отрывков из вердиевского „Реквиема“.

Работал Марио неистово. Он прекрасно понимал, что выпал в его судьбе фантастический случай: возможность наконец-то осуществить карьеру оперного певца. Однако чем ближе был день прослушивания, тем тревожней становилось на душе. Все чаще, думая об этой встрече, Марио впадал в панику. Он мысленно спрашивал себя: а чего, собственно, он боится? Все фрагменты из „Реквиема“ отделаны до мельчайших деталей, штрихов, отработаны интонации, выверены все фразы, все нюансы... Голос звучит великолепно. Но, увы, не может он подавить в себе это проклятое нервное перевозбуждение, непреодолимый страх петь перед Тосканини, ужасное чувство ответственности за исход экзамена, столь важного в его судьбе...

О, этот страх артиста перед выступлением! Как он неприятен и как непонятен, как жесток и своенравен! Задолго до выхода на сцену на лбу выступает холодная испарина. Кажется, что горло все плотней и глуше застилает какая-то нелепая пелена, шейные мышцы, все жилы словно в тисках, и уже такое ощущение, что у тебя полностью отсутствует низкий регистр, а высокие ноты просто пугают. Только от мысли - „как ты будешь петь и чем“ - сердце начинает биться загнанной в клетку птицей, а о столь необходимой ровности певческого дыхания нечего и говорить. А в зале твой слушатель. Преданный,

внимательный, вежливый, терпеливый. Он верит в тебя, ждет новой встречи с артистом, как ждут свидания друзья или влюб-ленные. А ты дрожишь - и душой, и телом - от неумеренного волнения. И думаешь мучительно: Господи, ведь есть те, кто не волнуется. Но тут же спешишь возразить: нет, не волнуются только „роботы“, певцы без чувства, эти самые „звукоизвлекатели“, бравирующие лишь одним - своим „стенобитным голосом“.

Конечно, существуют вещи, противодействующие такому неумеренному волнению. Нужно попытаться отвлечься до выхода на сцену, мысленно пропеть все, что предстоит исполнить. Я не понимаю тех артистов, которые по два-три дня „входят“ в образ и столько же времени тратят на „выход“ из него... Но как бы то ни было, наступает решительный момент: ты делаешь шаг в сторону сцены. Нужно собрать все силы, сконцентрировать всю волю, преодолеть, победить волнение. И тогда остается уповать на власть самого голоса. Первые звуки, может сначала робкие, говорят о том, что все в порядке: связки смыкаются как положено, „низы“ и „верха“ подвластны. И тогда вместо страха появляется желание петь, погружаться в сценический образ...

За время этого авторского отступления о состоянии артиста перед выходом на сцену наш герой вряд ли успокоился. Да и не мог он успокоиться. Его волнение в такие предельные для артиста ситуации обычно переходило в панический страх, который день ото дня все больше мучил ледящим холодом обреченности, непрерывной неудачи, полнейшего краха.

В канун дня прослушивания у Тосканини Марио не спал. Утро, обычно дарившее бодрость, теперь встретило его горечью отчаяния и сомнения. Его воспаленный мозг заострился на кощунственном и нелепом: певец ли он?

Как теперь ему петь перед „богом дирижерской палочки“, перед самим Тосканини, да еще в знаменитом „Метрополитен-опера“?! В висках грозно стучали литавры „Dies irae“ из „Реквиема“. Его воображению начинали рисоваться картины „Страшного суда“. У разверзшихся врат - сам Вседержитель. Его глаз не обманешь, слух не проведешь, не скроешь от него в закутках души ни одной затаенной мысли. Марио чувствовал себя человеком, с которого сорвали кожу, обнажив нервы...

Ему так и не удалось побороть свое состояние. Он набрал номер маэстро Розатти.

- Пожалуйста, извините, но я сегодня не смогу петь перед Тосканини... Я заболел.

Розатти знакомо это чувство. Он старый человек и опытный педагог. Ответ учителя отчетлив и уверен.

-Ты не болен, мой мальчик. Ты просто боишься. И это так естественно. Попробуй отвлечься. Ты должен сегодня петь, -эти слова он произнес с ровной и резкой отчетливостью, - ибо больше такого случая не будет никогда.

И все-таки Розатти не удалось переломить Марио. Дух Ланца пал. Сегодня он проиграл. Проиграл самому себе. У него нет никаких сил и никакого мужества, чтобы изменить то, что есть. Уже не только душа - тело, каждая его клетка молили о спасении. И он угрюмо, глухо, как будто уже не учителю, а только себе выдохнул это короткое, как удар хлыста:

-Нет!

Розатти молча повесил трубку.

Отдадим должное мудрости и сочувствию старого воспитателя певческих талантов. Розатти, обидевшись на поступок Марио (только представить себе ту неловкость, с которой его учитель давал объяснение Тосканини о

несостоявшемся прослушивании!), все-таки сумел понять его. Понять не страх малодушия Марио, а страх его неуверенности. Марио не чувствовал себя готовым петь перед Тосканини.

Наставник продолжил занятия с Марио Ланца. Будни лечат! Он любил его не меньше прежнего и продолжал верить в счастливую судьбу своего неукротимого питомца.

Проучился Ланца у маэстро Розатти в общей сложности пятнадцать месяцев. В 1946 году уроки завершились. Ланца всю жизнь хранил в душе облик своего доброго учителя. На память Марио подарил Розатти фотографию, на которой написал замечательные слова: «Вам, дорогой маэстро Энрико Розатти, несомненно величайшему учителю пения в этом мире, я обязан каждым своим успехом сейчас или в будущем. Память о Вас всегда будет жить в моем сердце, так же как и Ваше доброе имя, где бы ни был и что бы я ни делал, ибо своей карьерой певца я обязан только Вам. Вы всегда будете жить в моем голосе в качестве „третьего регистра“. Искренне любящий и помнящий Вас Марио Ланца».

Глава II **ЧТО БЫЛО БЫ, ЕСЛИ...**

Эта небольшая глава - авторское отступление. Я позволю себе поразмышлять на такую рискованную тему: „Что было бы...“ Гипотетические домыслы - вещь, в общем-то, неблагодарная. К примеру, мы предсказываем своему герою какой-то неожиданный поворот в судьбе... В художественном повествовании подобное предсказание вполне возможно и даже интересно. Но в нашем рассказе... Мы знаем всю жизнь героя. С чего она начиналась, как завершилась. Гадания здесь вряд ли оправданы. Факты и документы - вещи серьезные. И все-таки...

Поговорим, забегая вперед, о несостоявшейся оперной карьере Марио Ланца. Что было бы...

Если бы только Марио дали возможность учиться и дальше, достигнуть самых вершин профессиональной подготовки, а затем спокойно и вдумчиво подойти к цели! Известно, что сильно воздействовавший (по финансовой части) на Марио Сэм Уэйлер изо всех сил „гнал“ его на сцену, тем самым мешая продолжению занятий у Энрико Розатти. Понять его намерения нетрудно. Менеджер думает не столько о почетном оперном будущем „пациента своего бизнеса“, сколько о сиюминутных прибылях: чем быстрее они потекут в карман, тем лучше.

Энрико Розатти вспоминал, как однажды в его студии появились люди, явно заинтересованные в ускорении карьеры Ланца, а стало быть, и в том, чтобы занятия закончились побыстрее.

- Я им терпеливо говорил тогда, чтобы они дали возможность певцу закончить обучение. Я смотрел на них, а сам думал, с каким удовольствием я свернул бы им всем шею...

В другой раз с нескрываемой досадой учитель вспоминал:

- Ланца был человек, который мог увековечить себя на оперной сцене, но ему не дали этого сделать.

Конечно, не только Розатти, человек весьма проникательный, полагал так, но и сам Марио чувствовал, что невольно стал жертвой бизнеса, этого сумасшедшего долларового апокалипсиса, вихрем налетевшего на XX век.

Деньги можно презирать, но когда их нет даже для того, чтобы просто жить, они встают перед человеком стеной, которую, хочешь не хочешь, надо преодолеть. Ради „звонкого будущего“ Марио Ланца шел на сделки сегодня, не глядя, подписывал договоры и давал обязательства на

несколько лет вперед. А что тут подделаешь? У него семья, скоро будут дети. Отступить некуда...

Это, так сказать, одна сторона дела. Ее можно назвать объективной.

Другая... Многие критики (я бы их отнес к разряду „желтых“, то есть падких на всяческую пикантность „по части великих“) пытались объяснить все неудачи Ланца в оперной карьере якобы слабой вокальной подготовкой. Одни говорили, что он не может долгое время выдерживать высокую tessitura вокальной партии. Другие утверждали, что голос Марио Ланца недостаточно силен для сцены. Третьи обвиняли певца в чрезмерном увлечении эстрадными выступлениями в огромных залах, а следовательно, пением в микрофон, после которого трудно переключиться на естественную акустику, войти в объем сценического звучания. И если бы...

Все это досужие домыслы, сенсационные выкрики дилетантов от музыки. Все это полуправда, что, я бы сказал, хуже откровенной лжи. Но не так все просто и однозначно. Марио Ланца получил у Энрико Розатти вполне достаточную вокальную подготовку. Учился ведь он не у кого-нибудь, а у самого Розатти - педагога выдающегося. А мнение маэстро известно всем: Ланца вполне готов для оперы. И, кстати, мы еще сможем убедиться в этом. Что касается голоса... С таким, как у Ланца, голосом только и петь на лучших оперных сценах. Как хорошо известно, и силы его голоса было не занимать, и звонкости, и яркости, и всего того, что позволяет звуку прекрасно лететь через оркестровую яму...

В середине 60-х годов, когда я был на стажировке в Италии, в школе „Ла Скала“, мне не раз доводилось говорить о Марио Ланца с директором прославленного миланского театра синьором Антонио Гиригелли. Он

слышал Ланца на сцене. Мнению „диретторе" я бесконечно доверял - он был поставлен и благословлен в „Ла Скала" самим Тосканини, который ценил Гирингелли за талант, глубокое знание музыкально-сценического искусства, за идеальный художественный вкус, страстную и беззаветную любовь к опере. Состоятельный меценат, он до конца жизни почти весь свой капитал вкладывал в бюджет „Ла Скала", если по какой-то причине театр оказывался в финансовом тупике.

При упоминании имени Марио Ланца доктор Гирингелли весь засветился.

- Это был певец с ярким, сочным, истинно солнечным голосом, - говорил он восторженно и не скрывая волнения. - И какой артист - талантливый, эмоциональный, обаятельный! - Помолчав немного, синьор Гирингелли добавил с грустинкой: - Если бы он полностью и по собственной воле не ушел в кинематограф и эстраду, он стал бы величайшим оперным лидером.

Это мнение для меня - эталон. Доктор Гирингелли, насколько мне было известно, не разбрасывался направо и налево комплиментами и звучными эпитетами в адрес именитых исполнителей. Так восторженно он вспоминал только „божественную Каллас".

Что было бы, если...

Если бы Ланца сдержал, одолел и откинул бремя славы, свалившейся на его хоть и крепкие на вид, но по сути все еще юношеские плечи. Голливудский кинематограф не любит рассчитывать по мелочам. На одной чаше - слава и миллионы, на другой - жизнь.

Что толку винить Марио Ланца за то, что могло быть и не стало? Простой парень с горячей итальянской душой, открытый, добрый, неискушенный в превратностях жизни на публику, всю жизнь он мечтал лишь о признании своего таланта. А получил в сто крат больше: сказочную,

легендарную популярность, любовь миллионов слушателей и зрителей. Выдающийся голос на экране мирового кино - это не просто звезда экрана. Легко ли все это отвергнуть, сбросить с плеч, как какое-нибудь раззолоченное парчевое облачение?! Легко ли закрыть за собой дверь, за которой столько света, славы и шума, чтобы в тиши уединения снова сесть за вечную парту классического искусства, что-бы добровольно приковать себя к галере оперного театра?

Да, что было бы, если...

Завершу главу воспоминанием самого Марио Ланца.

- В своей певческой практике я неуклонно придерживаюсь следующего - никогда не желаю, чтобы меня подгоняли. Также я никогда не позволяю себе петь сверх моих сил.

Так, к примеру, сразу же после учебы у маэстро Розатти меня пригласил мистер Эдвард Джонсон - директор „Метрополитен-опера" - для поступления в труппу. Однако без необходимой тщательной подготовки подобный шаг был бы неразумен. Я никак не хотел бы предстать перед публикой величайшего оперного театра, не овладев обширным оперным репертуаром и не накопив достаточного опыта, что могло быть достигнуто только лишь более длительной учебой и большой зрелостью...

Ланца все откладывал на будущее, говоря, что ему необходимо время. Но будущее безжалостно уходило в прошлое. И этого времени ему так и не хватило до конца жизни.

Глава 12

«...ТАКОВ БЫЛ МАРИО ЛАНЦА»

(по мотивам рассказа Константине Каллиникоса)

Ведущий этой главы - Константине Каллиникос, будущий бессменный концертмейстер певца. Сейчас пришло

время Марио Ланца познакомиться с этим человеком. Встретились они на концертах в городе Шипенсбурге (штат Пенсильвания). Концертная фирма „Коламбия Артистс-менеджмент“, заключивший с Марио Ланца договор сразу после Беркшир-ского фестиваля, теперь вспомнила о певце и решила устроить ему небольшие гастроли с серией коротких ознакомительных выступлений в нескольких городах Соединенных Штатов и Канады.

Вот с этих концертов и началась их дружба. Превосходный музыкант, Константине (в скором времени Ланца будет называть его по-дружески и на итальянский манер просто Коста) Каллиникос встретился с Марио Ланца.

Рассказывает Константине Каллиникос:

Как-то апрельским утром мне позвонили из нью-йоркской концертной фирмы.

- Как насчет концерта в Шипенсбурге? - спросили меня.

- Шипенбург? Не слышал о таком...

- Вы должны будете аккомпанировать тенору по имени Марио Ланца.

- Такое имя мне также не знакомо...

- Скоро его узнает весь мир...

Сумма сбора от концерта, где мне как аккомпаниатору причиталась малая доля, была весьма скромной. Я хотел было отказаться. Но что-то заинтересовало меня. Ладно, посмотрим, каков он, этот молодой тенор, которого „узнает весь мир“.

Я позвонил Ланца. Он горячо стал рассказывать о предстоящем концерте. Мне понравилась его увлеченность. И у меня сразу появилось к Ланца доверие. Как будто я знал его всю жизнь.

- Когда вам удобнее репетировать? - спросил я.

- А не нужно никаких репетиций. У меня куча дел, - невозмутимо отвечал Ланца. И после паузы добавил: - Знаете, Константине, я испытываю к вам большое доверие.

Разговор по телефону показался мне более чем странным: я первый раз говорил с этим человеком, не видел его никогда, и как это он собирается петь без репетиций свои несколько арий и песен? Что-то очень легкомысленно относился этот молодой тенор к предстоящему выступлению!

Встретились мы за два часа до начала концерта.

- Представляете, у них железная дорога проходит прямо по главной улице. - Это были первые слова, которые я услышал при встрече Ланца.

Он крепко пожал мне руку. Глаза его сияли. Ему, как мне стало известно, только что исполнилось двадцать шесть лет. Редко приходилось мне видеть среди артистов, с которыми я встречался, такого простого, непринужденного, полного жизни и откровенности человека, как Марио. От него исходила столь естественная уверенность в свои силы, что он заставил поверить и меня в успех вечера.

Понравилась мне и его жена, Бетти. Это была неброская и обаятельная брюнетка среднего роста, собственно говоря, типичная американка.

Я сразу заметил, как они счастливы друг с другом.

Отчего-то мне очень захотелось, чтобы именно сегодня, в этом самом Шипенсбурге, концерт прошел с огромным успехом. Но меня смущало поведение нашего солиста: чуть ли не до самого выступления он занимался всем, чем угодно, только не репетицией. Он приехал без смокинга, который предусматривался этикетом подобных концертов. Обращаясь ко мне, он шутил:

- Ничего, скажем, что в поезде перепутали наши чемоданы и мы вынуждены выйти на сцену в обычных костюмах.

Мы прошли за кулисы. Простенький зал женской учительской семинарии был полон. И вдруг за несколько минут до начала концерта Марио изменился. Его охватило волнение. Размашистыми шагами он стал выхаживать вперед-назад и, как боксер перед боем, резко бил кулаком правой руки в ладонь левой. Этим, как видно, привычным для него жестом он пытался перебороть себя, расслабить. Бетти, как всегда, была рядом. Она подала Марио стакан холодной воды. Он жадно выпил его...

И тут как бы между прочим, безо всякого усердия, Ланца взял два-три раза высокое „си“. Я не поверил ушам своим. Я слышал многих теноров и даже аккомпанировал им, но от таких звуков голоса молодого Ланца у меня перехватило дыхание.

Еще больше я был потрясен, когда начался концерт и я заиграл вступление к первой части „Pieta, Signore!“ (*«Господи, помилуй» - ит.) Алессандро Страделла - одной из арий, блистательно исполненных когда-то Энрико Карузо. Ланца, повернувшись спиной к зрителю, приблизился к роялю, кивнул мне, улыбнулся. Таков был Марио Ланца! Интересно, как это понравится публике? Я уже было подумал о неизбежном скандале... Но тут он запел. И я понял, что все, все забыто: и эта его ребяческая невежливость, и то, что на нем не было смокинга, и всякие там несостоявшиеся репетиции... Зал заполнил мощный поток сверкающих звуков. Лился голос, о котором зрела молва как об одном из самых великолепных после Карузо. Кое в чем Ланца еще недоставало школы, но по своей захватывающей искренности этот голос, быть может, даже превосходил своего великого предшественника.

Каждый номер певец исполнял со все возрастающим чувством, все более вдохновенно. Казалось, что песней он мог выразить любые, самые глубокие переживания...

Ему понадобилось всего несколько минут, чтобы покорить публику. Зал гремел аплодисментами. Слушатели требовали спеть на бис. На этом концерте я подметил и такую характерную черту Марио, которую позже ложно трактовали при оценке личности певца. Хотя буря оваций не стихала, Марио стоял за кулисами и медленно пил воду из стакана, поданного женой. Кажется, у него не было никакого интереса к публике, которая так волнуется и просит его выйти на бис. И потом он никогда не изменял этой привычке - заставляя ждать публику, как бы испытывать ее терпение.

На самом деле все было иначе. В этом не было никакой артистической надменности и позы. Такое поведение составляло сущность его натуры. Он буквально хотел проверить величину своего успеха, как бы выставляя его на пробу. И как он был безмерно счастлив, когда выходил из этой игры победителем.

После концерта мы пошли перекусить в небольшой ресторан напротив концертного зала. Мне представилась возможность поближе познакомиться с Марио. Он был счастлив своим успехом. Я был взволнован еще больше, ибо в этот вечер я обрел партнера, талант которого мне показался просто непостижимым.

- Марио, Марио, что за голос у вас! - искренне воскликнул я.

- Да вы еще ничего не слышали, - с улыбкой отвечал Ланца, делая вид, что это его не волнует.

Мы заказали кофе и сэндвичи. Все это стоило доллара три. Ланца решительно воспротивился, когда я пытался заплатить за себя. Он был радушен и щедр. Официантке он дал два доллара на чай. Когда Бетти с

легкой укоризной посмотрела на него, Марио лишь засмеялся. У него была прекрасная улыбка.

- Это же только деньги!

А я подумал: да, этот человек обладает не только великолепным голосом и щедро наделен талантом - у него к тому же и щедрое сердце.

Глава 13 **В СОЗВЕЗДИИ «БЕЛЬКАНТО»**

Предварительные рекламные выступления Ланца успешно завершены. Теперь фирма „Коламбия Артистс-менеджмент" может рассчитывать на более броскую программу гастрольного турне Марио Ланца. Решено дать ему „помощников" - окружить певца своеобразным антуражем: одному начинающему, хоть и столь талантливому артисту, конечно, было бы трудно вести большую концертную программу. Уже и название придумано для этого ансамбля - „Трио бельканто". Ему предстояло совершить гастрольное турне по городам США, Канады, Мексики.

Устроители программы в двух участниках „Трио бельканто" не сомневались: прежде всего, разумеется, „гвоздь турне" - Марио Ланца, затем сопрано Френсис Йинд. А третью кандидатуру, баритона, определили не сразу. На праве выбора настаивал сам Ланца. С упорством капризного ребенка отвергал он очередные имена, настаивая на том, что в трио должен занять вакансию баритона только его друг Джордж Лондон, с которым они сошлись в армейские времена, в Калифорнии, когда работали вместе в шоу „Крылатая победа", а затем учились в студии Энрико Розатти. Настоящая фамилия у друга Ланца была иной. Но артисту, как он считал, к лицу более звонкое имя. Выбрал он фамилию любимого американского писателя Джека Лондона.

Талантом Джордж Лондон уступал Ланца. Однако Лондон (у него был бас-баритон) обладал редкой усидчивостью и настойчивостью. Уроки Розатти посещал он прилежнейшим образом, с маэстро никогда не спорил. И с годами, понемногу совершенствуясь, достиг как вокалист многого: стал известным солистом нью-йоркской „Метрополитен-опера“.

Опыт совместного выступления у Марио Ланца и Френсис Йинд был: вместе им уже доводилось петь в 1946 году в Чикаго, в „Гранд Парке“. А теперь в составе „Трио бельканто“, этом новом созвездии талантов, им предстояло делить успех и неудачи вместе с Джорджем Лондоном.

Кстати, от каждого выступления Ланца полагалось примерно 350 долларов (разумеется, иногда больше или меньше, в зависимости от общей суммы сборов). Говорим мы об этом не ради обывательского любопытства. Дело в другом. Марио Ланца до сих пор жил взаимой (незначительные авансы - не в счет). Теперь у него появилась возможность наконец-то стать настоящим мужчиной - платить по предъявленным жизнью счетам. Для него, Ланца, это очень важно. Марио всегда отличался гордостью и независимостью. И никогда он, как бы ему ни было туго, не протягивал руку за милостыней, пусть и королевского размаха.

Гастроли начались 8 июля 1947 года; с „Трио бельканто“ выехал Бостонский симфонический оркестр.

Созвездие трио, это великолепное содружество прекрасных голосов, дебютировало в четырехмиллионном Чикаго, на озере Мичиган. Размаху американского города бизнеса соответствовал и зал „Гранд Парк“, вмещающий много тысяч человек. Неоновая реклама и репортерский шум проложили путь к славе Марио Ланца. Рекламный „удар“ приходился прежде всего на его имя. Американцы знают, что порой реклама бывает склонна к преувеличениям,

к излишней помпезности... Но в данном случае тысячи людей были буквально потрясены голосом певца, его мощью и красотой. Наш герой впервые в жизни не только убедился в прочном, широчайшем признании его таланта, но и ухватил эту капризную и неверную бронзовую птицу славы за хвост.

В любых, даже вполне объективных и высокопрофессиональных рецензиях есть невольное преувеличение. Надо иметь в виду не только объективность оценки, соответствие действительному уровню исполнения, но и поддержку артиста. Талант, особенно горячий и неискушенный, выходит на сцену или концертную эстраду, как на суд. Выходит, исполненный страха и надежды. Ведь время даром не терялось. Ежедневные, ежечасные раздумья и мучительные сомнения сегодня, здесь, сейчас должны разрешиться. Суд публики - вот критерий оценки...

Так вот, если убрать, стереть немного невольный глянец с первых рецензий, некоторую очевидную сенсационность в рекламных целях, отклики на выступления Марио Ланца говорят о многом. О том, что в мир американского искусства заметно, властно вошел новый кумир. А это значит, что шлюз незнания или непризнания прорван, за именем новой певческой звезды теперь, как тень за человеком, будет следовать ажиотаж публичного любопытства: реальные факты и легенды, правда и вымысел.

Марио Ланца вступил на непростой путь человека знаменитого. К счастью или сожалению, с этого момента он уже не принадлежал самому себе.

Газета „Чикаго трибюн“, 1947 год, 21 июля:

„Юный Марио Ланца произвел сенсацию. Широкоплечий молодой человек, недавно снявший военную форму, поет с неоспоримым правом, так как он рожден петь.

Его талант явится украшением любого оперного театра мира".

Американские газеты и журналы позволили себе щедрость в сравнениях. Чаще других мелькало такое сопоставление: „Родился новый Карузо". Понятно, свежестью эти слова не отличались. Да и сам Ланца чувствовал в них некоторую однобокость. Но говорящие были так близки к истине: впечатления об удивительной похожести Ланца на столь чтимого в Штатах Карузо отличались редким единодушием. Как огонь по сухому тростнику, побежала молва о „чудо-певце", захватила чуть ли не каждый дом в Чикаго.

Уже на второй день „Гранд Парк" заполнили 76 тысяч жаждущих собственными глазами и ушами убедиться в существовании сказочного тенора. Не остановила их даже непогода: ко времени концерта свинцовый полог туч закрыл небо. Марио вышел на сцену и увидел такую картину: тысячи сбитых друг к другу зонтиков были похожи на гигантскую крышу. Ланца начал петь... „Крыша" вздыбилась, развалилась. Открылись лица. Погоду делал теперь голос симпатичного, белозубого, темноволосого парня. Почти каждую песню, романс или арию приходилось повторять на бис. Сцену буквально обстреливали букетами цветов. К концу программы она была похожа на майскую поляну. Марио стоял счастливый, смущенный, растерянный. И может быть, в те мгновения необычного триумфа ему вспомнилось то, что было когда-то, далеко отсюда, то далекое и невозвратное. Вспомнилась улочка в Южной Филадельфии, где он, сорванец Фредди, бежит, шлепая подошвами башмаков, этот никому еще не известный итальянец-мечтатель: „Я буду певцом!" Сегодня мечта становится реальностью. Неужели и вправду ему дарована судьба быть новым Карузо?!

На другой день уже всюду хлестал дождь. В чикагском „Гранд Парке" рекордная цифра - свыше 125 тысяч

слушателей. Музыкальный обозреватель газеты „Чикаго трибюн“ Клаудия Кэссиди, потерявшая голову от чудодействия Ланца, писала:

„Марио Ланца, плотно сбитый, темноглазый юноша, одарен великолепием природного голоса, которым он пользуется почти инстинктивно. Тем не менее он владеет такими нюансами, которым научиться невозможно. Он знает секрет проникать в сердца слушателей. Труднейшая ария Радамеса исполнена первоклассно. Публика ревела от восторга. Ланца счастливо улыбался. Казалось, он сам был удивлен и восхищен более, чем кто-либо другой“.

О Ланца писали взхлеб. Первый раз он вкусил газетно-журнальную лавину в Танглвуде, на Беркширском фестивале. Но тогда он с человеческим любопытством и удивлением внимал шумихе как бы со стороны. Так смотрит человек с берега на буйство летящего мимо весеннего ледохода. Теперь Ланца словно бросили в этот ледоход, все и вся сметающий на своем пути.

Уже в первом турне Марио смог возместить Сэму Уэйлеру затраты, связанные с его, Ланца, содержанием. А позже, отработав 86 концертов с „Трио бельканто“, он дал бизнесменам фирмы „Коламбия Артистс-менеджмент“ баснословные прибыли...

Марио закружило от сумасшедшего успеха. Простодушный, с открытым сердцем, он был теперь вроде податливого куска глины, из которого самое время лепить соответствующую его дарованию модель. Пришла пора стать личностью, проявить характер, чтобы достойно встретить эту „дьявольскую тройцу“: огонь, воду и медные трубы. Мало кто бывает готов к славе. Менее других был подготовлен к ней наш герой. Где ему было взять прочный фундамент для мгновенно взлетевшего ввысь небоскреба его триумфа?!

Ни сам Ланца, ни люди, его окружавшие, ни те, кто верил в его будущее, никогда и думать не думали о том, что так скоро может наступить это ответственное мгновение. Даже мудрый Розатти, не сомневавшийся в славном грядущем своего ученика, не подозревал, что оно так неожиданно свалится на бедную голову его воспитанника.

Марио обезоружен перед натиском судьбы. Гремят в самое ухо фанфары. Как тут не сломаться? Как не поддаться звездной болезни? Друзья стали замечать за ним неожиданные вспышки кичливости, самолюбования, высокомерия. Но Джорж Лондон и Френсис Йинд по-прежнему видели в Марио просто непослушного ребенка, капризы которого порой переходили границы дозволенного. Шутки его в чей-то адрес иной раз казались оскорбительными. Возможно, так только казалось. Добрая душа и природный ум Ланца быстро исправляли его невольные огрехи и промахи, и „провинившийся“ незамедлительно просил у „потерпевших“ прощения.

В свободное от концертов время звезды из созвездия „Бельканто“ развлекались на свой лад. По сути, Марио и его давний друг Джорж Лондон и тогда оставались настоящими мальчишками... От их проделок больше всего доставалось „самой хрупкой грани их трио“ - Френсис Йинд.

- Марио и Джордж часто выводили меня из себя своими выходками, - вспоминала она позже. - Я слышала, что Марио „погуливает“ иногда, и мы договорились, что в городах где мы будем концерттировать, пирушек не будет. Марио честно держал свое слово и не пил.

У Марио, как было уже сказано, появились крупные деньги, а значит, его „светские привычки“ поднялись на новую ступень. Он позволял себе останавливаться в самых роскошных отелях, покупать дорогие костюмы, посещать роскошные рестораны, развлекаться в ночных клубах,

разбрасываться чаевыми. Около него вечно вился рой поклонников, среди которых, как водится, хватает всякого люда - и завистников, и подхалимов, и злопыхателей, носящих маску восхищенных почитателей - меломанов. А Марио часто чувствовал одиночество. Отвлекала его от таких трудных минут лишь жена Бетти, да и разве что друг, этот неугомонный и столь же легкий на выдумки Джордж Лондон. Известно, что Ланца не любил летать на самолетах. Он говорил, что от самолета у него болят уши. Френсис Йинд приходилось следовать от города к городу в одиночестве и в общем-то на радость этим двум несносным ее партнерам - Марио и Джорджу, у которых без строгой „надсмотрщицы Йинд" было больше шансов похулиганить, отвлечься от тяжелого бремени гастролирующих артистов.

Сегодня они проспали автобус-экспресс, следующий до Мехико-сити. Делать нечего. Пришлось добираться до места выступления на первом попавшемся транспорте – каторжно скрипящем, зловонном местном автобусе, этой „кляче", кивающей каждой остановке. В автобусе тряслись с ними старики с домашним скотом и женщины с детьми. Духотища добивала друзей. Тогда они решили одолеть ее старым итальянским способом - начали пить вино, которое прихватили с собой из города. Вино и остудило, и подогрело. Друзья одновременно почувствовали, что им хочется петь.

А чего ждать сцены? До нее еще ехать и ехать. Импровизированный концерт заставил пассажиров забыть и про жару, и про пыль, и про всю эту дорожную канитель. Хлопали они не хуже, чем на заправском концерте. Слушатели этого автобусного шоу были в основном мексиканцы. Ничего подобного в своей жизни они не видели и не слышали...

Автобус благополучно прибыл в Мехико-сити. Ланца с Лондоном с таким азартом пели для мексиканцев, не забывая, правда, после каждого „биса" с не меньшим азартом промывать горло. По приезде, когда

устроители концерта с дежурными улыбками сказали им: „Милости просим, уважаемые господа артисты!“, эти самые „господа артисты“ посмотрели на них довольно-таки странно: „А что, ребята, разве мы вам должны еще один концерт?!“

Выступление пришлось отменить... Эта фраза с каким-то оттенком обреченности с тех пор будет изредка, но неизменно сопровождать шумную карьеру певца, по самым разным причинам и обстоятельствам отменявшего выступления, в том числе и необычайно ответственные.

Мальчишество мальчишеством, но надо сказать, что Ланца всегда превыше всего ставил искусство вокала. Здесь он был восторжен, строг, и безукоризнен, и свят. В разгар концертного турне, в суматохе переездов, банкетов, встреч и проводов он никогда не забывал о том, что над голосом нужно ежедневно работать и что репертуар не должен стоять на месте.

Джордж Лондон вспоминал об этом их „суматошном периоде“:

„Марио занимался очень серьезно. Он был истинным энтузиастом всего, что касалось вокала. У нас не раз на всю ночь затягивались дискуссии о достоинствах тех или иных исполнителей. Мы устраивали страстные обсуждения почти всех известных вокальных произведений. Кроме того, у Марио был дар имитации. Если бы он только мог вслушаться со стороны в свой собственный голос, если бы он понимал, каким богатством он владеет, он мог бы прожить свою жизнь по-иному...“

Взлетая в небеса славы, Марио Ланца неизменно чувствовал притяжение грешной земли. Плескаясь в волнах артистизма, ослепленный прожекторами неземного успеха, он всегда чувствовал за спиной берег дома, родительского крова, его доброту, тепло, ласку. И при случае спешил вернуть все эти прекрасные долги тем, кто столько лет

помогал ему в осуществлении заветной мечты. Нужно было видеть, с какой детской и простодушной наивностью он показывал друзьям пятисотдолларовую бумажку:

- Я отложил это для моих родителей. И они будут гордиться мной...

Когда он говорил об этом, его глаза сияли, как у ребенка. Сейчас 500 долларов, а потом... Потом дома, машины, фермы...

Кажется, еще совсем недавно состоялось первое выступление „Трио бельканто“. А вот уже прощальное выступление. Ничего не поделаешь, этому „созвездию“ талантов, к сожалению, придется разойтись. Утешает другое: звезды гаснут, но зажигаются другие. Теперь разгоралась в полную силу звезда Марио Ланца... А что же созвездие „Бельканто“? Останется память о нем, „веселая оскомина турне“, дружба его участников, не погасшая с годами, да строчки восторженных отзывов. Как, скажем, вот этого:

„Три певца окончательно пробили себе путь наверх... Самый талантливый среди них - тенор Марио Ланца. Он обладает неповторимым голосом и прекрасной манерой исполнения. Но не только безграничные вокальные данные пленяют огромную аудиторию слушателей. Его лучистая жизнерадостность, его детская обворожительная улыбка, непринужденная бесхитростная манера поведения везде вызывают горячую симпатию“.

Глава 14

«КОРОНАЦИЯ В ГОЛЛИВУДСКОЙ ЧАШЕ»

Случай повторился. В свое время Ланца заменил певца Жана Пирса в радиошоу „Великие моменты в музыке“. Теперь подобная же ситуация. У Марио - шанс покорить и голливудскую публику, надо сказать, весьма капризную и

избалованную по части шумных восходов звезд и тихих, глухих звездопадов.

На всемирно прославленной открытой арене американской кинометрополии „Голливуд Боул" должен был петь популярный итальянский тенор Ферруччо Тальявини. Зрительный зал - чудо акустики. Эта гигантская чаша (отсюда и название - „боул", „чаша") напоминала античный амфитеатр. Выступить здесь для исполнителя любого ранга - большая честь и ответственность. Концерты собирали весь цвет Голливуда: звезды более чем 260 киностудий Голливуда, его столпы - магнаты, именитые продюсеры, сценаристы, режиссеры, кинооператоры... „Голливуд Боул" знал таких знаменитостей, как артисты Марлен Дитрих, Бинг Кросби, Френк Синатра, скрипач Яша Хейфиц, пианист Артур Рубинштейн...

Концерт объявлен. Тальявини внезапно заболел. Сорвать объявленное в „Голливуд Боул" выступление - грандиозный скандал. Устроители, дрогнув, засуетились. За короткий срок необходимо найти замену. Не просто замену - равноценную. А попробуй найти нового Тальявини. Зал должен быть полон. Пришлось обратиться за помощью в различные музыкальные организации. Так вышли на известного нам Арта Раша, главу фирмы звукозаписи „Эр-Си-Эй Виктор".

Арт Раш, как уже было сказано, с удовольствием следил за восхождением Марио Ланца. Успех „Трио бельканто" он, как и многие, относил прежде всего на счет голоса Ланца. Он тщательно изучал все детали гастрольных выступлений певца, тщательно собирал отзывы прессы. Ведь от гастрольных турне имя Ланца становилось достоянием всей страны, а для фирмы грампластинок лучшего и не пожелаешь: чем популярней певец, тем быстрее разойдутся его записи. И когда организаторы голливудского концерта обратились к мистеру Рашу, он, не задумываясь, рекомендовал Марио Ланца и выложил перед

ними кипу восторженных газетных и журнальных отзывов о певце.

Предложение было заманчивым. Авторитет главы крупнейшей фирмы грампластинок непререкаем. Но к его словам о том, что этот Ланца не только не хуже, но и лучше знаменитого Тальявини, устроители концерта все-таки отнеслись подозрительно. Рисковать они не хотели. Слава Ланца, обретенная им в другой части Америки, еще не дошла до Голливуда. Потому-то и было решено нажать на рекламную сторону дела.

Марио с Бетти приехали в Лос-Анджелес за день до выступления. На щите возле зала „Голливуд Боул" красовалась громадная и броская, истинно американского размаха афиша:

Симфонический концерт. Дирижер Юджин Орманди.

Солисты:

Марио Ланца (тенор)

Френсис Йинд (сопрано)

Оскар Левант (фортепиано)

И все же продажа билетов шла, к сожалению, вяло; слушатель не склонен доверять новым именам.

В таких критических ситуациях менеджеры обычно прибегали к известной практике. Нужно срочно возбудить газетчиков. Необходима пресс-конференция. „Товар" должен предстать лицом. Вход на пресс-конференцию бесплатный, поэтому публики было предостаточно.

Газетчики по достоинству оценили молодого певца. Их „прожженное око", словно луч прожектора, тут же высветило в Ланца непосредственность и юмор, с которыми артист рассказал о себе, о своей певческой судьбе. А когда он начал петь... Благодарные репортеры, вполне одоббившие не только редкий талант Ланца, но и его необычайную щедрость (Марио неустанно пел на бис, как будто тот предстоящий ответственный концерт в зале Голливуда уже начался), устроили на следующее утро на страницах печати

невиданную доселе „коронацию" новой звезды. С редким единодушием журналисты признавались, что ничего подобного они не слышали.

В считанные часы три тысячи оставшихся билетов были распроданы.

По дороге в „Голливуд Боул" Марио был спокоен. По крайней мере, внешне. На пресс-конференции он был прост и невозмутим. И снова, как обычно, „сломался" в самый канун концерта, когда дрожащей рукой чуть отодвинул занавес и взглянул в зал. Нет, это был не зал. Это было море литых, отливающих вороненой сталью смокингов, разбавленное весело поигрывающими бурунчиками женских декольте с украшениями. По этому роскошному морю плясали лунные осколки, радужно переливающиеся то здесь, то там. Зал, как будто и вправду морская стихия, отражал звезды ночного августовского бархатистого неба - бриллианты, жемчуга, изумруды, чего наш герой в таком количестве и в таком сверкании не видел даже в кино. Все говорило о том, что избранные Голливуда не нищенствуют.

Волнение достигло апогея, когда взгляд Марио различил в массе слушателей множество знакомых по экрану звезд кинематографа. Их лица были подобны античным мраморным изваяниям - совершенны и недостижимы.

Беспокойство стало переходить в страх. Лоб покрылся испариной, в душе что-то дрогнуло... Марио стал мерить шагами закулисные половицы. Все это с ним уже было. Было не раз. Казалось бы, время привыкать, смирять это мерзкое состояние. Но ничего не помогало. Он шел к бездне...

Концерт уже начался. Первую арию пела Френсис Йинд. Она пела, как казалось Марио, тягуче, нескончаемо. Уж скорее бы на сцену, в этот омут... Только бы выдать первые звуки. Если, конечно, он у него еще не съеден страхом - голос, это его мучительное счастье.

Наконец-то Йинд закончила. Оркестр заиграл увертюру. А это значит: следующий выход - Ланца. Он попробовал спеть несколько звуков. Голос звучал, как всегда, великолепно. Но собственный слух Ланца давал ложные ощущения: казалось, что голоса вовсе нет. И что скажет столь почтенная публика, услышав его?

Марио вежливо пригласили на выход. Он пошел на сцену как на эшафот. Голова еще сильнее закружилась, ноги ватные, непослушные. Еще подумают, что он пьяный. А тут еще через сцену какой-то чертов шнур! Марио, зацепившись за него, чуть не упал. В зале засмеялись. В Голливуде любили „чаплиновские штучки". Ланца не растерялся. Он улыбнулся и с находчивостью заправского конферансье отпарировал: „Наверное, если бы я сейчас упал, завтра бы сказали, что Ланца ударил в грязь лицом". Публика приняла реплику певца. Гроза прошла стороной. Он начал петь... Но эта заминка со шнуром, сняв напряжение, расколо-дила его, и он потерял необходимую для артиста собран-ность. Вступление к импровизации Андре Шенье из одной-менной оперы Джордано закончилось, певец вступил и... запутался в тексте. На миг по его лицу пробежала тень растерянности, но он взял себя в руки. Теперь он не какой-то там залученный в капкан зверь. Нет, теперь он артист. Страх и неуверенность вытеснило вдохновение. Зал заполни-ли чарующие звуки. Теперь не они, эти холодно-респектабельные экранные кумиры, владели его волей; он, Марио Ланца, властвовал и повелевал. Сбросив надменность и чопорность, звезды и их „астрономы" просто кричали в голос. Да так азартно, что Марио испугался. Такой стихийной „дикости" он никак не ожидал. Пробкой вылетел за кулисы. Наткнулся на Бетти. И только увидев в ее руках стакан с водой и полотенце, пришел в себя. Он увидел слезы на глазах жены. Марио обнял свою верную подругу и стоял так долго, забыв о том, что зал вот уже несколько минут рокочет аплодисментами, а все без исключения

знаменитости стоят и, невзирая на всякие там „комильфо“, вопят „браво“, „бис“, „Марио Ланца, Марио!“...

Этот концерт слушал друг Ланца Джордж Лондон. Он вспоминал, что завсегдаи „Голливуд Боул“ в один голос утверждали, что здесь такого еще не бывало за всю историю концертного зала.

Сам Лондон так сказал о своем впечатлении:

-Ланца пел тогда так, как никогда не пел ни до этого, ни после этого.

Публика не хотела отпускать Марио. И он пел и пел. Было уже далеко за полночь, когда Ланца вместе с сопрано Френсис Йинд исполнил в завершение программы дуэты из опер „Травиата“ Верди и „Мадам Баттерфляй“ Пуччини.

Что ж, Марио Ланца вполне оправдал „коронационные авансы“ газетчиков. Он стал королем Голливудской чаши. По дороге домой и дома он с усталостью и удовлетворением победителя все думал о том, что раз уж сегодня ему удалось сломить и эту чванливую, искушеннейшую голливудскую публику, то дела его - как нельзя лучше. У него за один вечер выросли крылья. Ему сейчас нет равных. Он чувствовал это сам. Ощущал без всякой ложной скромности...

Бетти взлетает на его руках к потолку. Так когда-то в детстве любил подбрасывать его отец Антонио. Марио кружится с Бетти по комнате вихрем под мелодию знаменитого вальса Штрауса, которую он поет на предельно высоких нотах. На столе в хрустальных фужерах весело искрится шампанское. У Марио детская улыбка.

- Бетти, дорогая, сегодня такой праздник! Выпьем за величайшего певца сегодняшнего дня...

- И за величайшего хвастунишку нашего времени, - подхватывает тост не менее счастливая Бетти.

Вряд ли ее в такую радостную и беззаботную минуту могла посетить мысль о превратности жизни рядом с

великим певцом. А то, что ее Марио - великий талант, теперь уж сомневаться не приходится. Не знала она, не могла знать в этот сияющий, сумасшедший, сказочный вечер и о том, что отныне ей суждено стать тенью этого солнечного таланта, что ее доля - опекать и лелеять знаменитого мужа и что эта невольная и, в общем-то, незавидная роль домохозяйки будет угнетать. С сегодняшнего вечера в их доме будет царствовать только он - Марио Ланца, кумир женщин, идол миллионной толпы поклонников, новый король Голливуда. С этого дня ее муж принадлежит всем. Сегодня ни она, ни он, никто на свете не знал, что в чаше их семейного уюта и благополучия наметилась первая трещина. Со временем она будет все заметней. И Бетти потребуется немало мужества, чтобы эта их совместная чаша не развалилась на части.

На следующий день Марио проснулся неправдоподобно знаменитым. Что ж, Голливуд есть Голливуд! Имя артиста замелькало на страницах всех окрестных газет и журналов. Восторженных оценок бездна. Цитируем лишь одну, из газеты „Лос-Анджелес таймс“ от 29 августа 1947 года:

„Вчера Марио Ланца предстал перед публикой таким тенором, которого долгие годы тщетно ищут все оперные театры мира. К тому же он молод, и такую молодость любит весь земной шар“.

Глава 15

ПОД ПРОЖЕКТОРОМ «МГМ»

Ида Коверман, личный секретарь и незаменимая помощница босса кинокорпорации „Метро-Голдвин-Майер“ мистера Луиса Боуэла Майера, пережила в зале „Голливудской чаши“ новое восторженное чувство к таланту Марио Ланца. Она была одна из немногих, кто слышал певца раньше. Некоторое время тому назад Ида Коверман

провела в компании, где был Марио Ланца, незабываемый вечер, который затянулся до утра. Это было чудесным сном. В доме царствовал голос Марио. И Фрэнк Синатра, личность в то время знаменитейшая, и обладательница бойкого пера журналистка Хедда Хоппер, которая многие годы держала искусство певца под обстрелом своего цепкого репортерского глаза, и сама Ида Коверман, не раз участвовавшая под эгидой Голливуда в азартной ловле новых звезд, - словом, все, кто слушал тогда неутомимого Ланца, были словно в оцепенении. Чудесный голос звучал так близко и с таким блеском и очарованием, и так его было много, что становилось не по себе.

Теперь Ида Коверман слушала Марио на сцене, видела его плотную фигуру, его резкие выразительные жесты темпераментного итальянца, по-юношески открытую улыбку. Она словно ждала этой встречи; чтобы утвердиться в том своем открытии: да, Ланца, безусловно, новая звезда! Не только на певческом небосклоне, но и на кинематографическом...

На следующее утро, прихватив с собой ту пробную и весьма удачную пластинку Ланца, напетую им для фирмы „Эр-Си-Эй Виктор", она поспешила в апартаменты хозяина „МГМ".

Мистер Майер просматривал утренние газеты, которые буквально захлебывались в прославлении новой звезды, взлетевшей над Голливудом из концертной чаши. Ида поставила пластинку. Монолог Паяца его потряс. Голос Марио Ланца будто пронзил сердце мистера Майера. Он скрестил руки на груди, закрыл глаза. Мистер Майер давно так не волновался...

И вот зазвонили телефоны, во все концы киностраны летят гонцы. Нельзя терять ни минуты. Прослушивание и кинопроба назначены на послезавтра, как всегда, в зале № 1 „МГМ". Приглашение получили все главные участники кинодела фирмы: от продюсеров до ассистентов режиссеров и операторов. Не забыты, разумеется,

композиторы и литераторы. Если проба будет удачной, босс „МГМ" незамедлительно потребует сюжетных идей для новой кинозвезды.

Мистер Майер был необычайно цепок в отношении талантов. Он - выходец из России, промышленный магнат. От его решения зависели судьбы таких звезд Голливуда, как Грета Гарбо, Дина Дурбин, Кларк Гейбл... Теперь он мог открыть миру новое имя в кино - Марио Ланца.

Через 72 часа после триумфа в зале „Голливуд Боул" наш герой прибыл в один из павильонов студии Майера. Из нескольких десятков пар глаз и ушей, с профессионально-оценочной пристальностью всматривающихся и вслушивающихся в голливудского новичка, были глаза и уши человека, с которым Марио предстояло иметь дело не один кинемато-графический год. Это Джо Пастернак. Тенью шел он по стопам Марио. За несколько месяцев до рождения Ланца, в январе двадцать первого года, приехал Пастернак из Венгрии в Соединенные Штаты. Поселился в Филадельфии, которая стала первым его домом в Новом Свете. Но надолго он не собирался задерживаться в городе Марио Ланца. Все его желания были устремлены в сказочную страну - Калифорнию, в Голливуд. Он хотел стать кинопродюсером. И стал им, пройдя калейдоскоп неожиданных обстоятельств, казалось бы, непреодолимых преград, через горнило конкуренции ценой необычайной предприимчивости. Стал хватким и влиятельнейшим продюсером корпорации „Метро-Голдвин-Майер".

За годы голливудской карьеры у мистера Пастернака сложилось своеобразное амплуа киноменеджера. Прежде всего его интересовали кинозвезды с вокальными данными - оперные певцы, артисты оперетты, эстрады, знаменитые музыканты. Финансировал Джо Пастернак в основном фильмы музыкальные, в которых снимались такие знаменитости, как тенор Лауритц Мельхиор, дирижер

Леопольд Стоковский, испанский пианист Хосе Итурби, звезда экрана—певица Джуди Гарланд, мать будущей звезды эстрады и кино, покорившей весь мир сногшибательным мюзиклом „Кабаре" - Лайзы Минелли... Но любимицей продюсера, безусловно, была неподражаемая „маленькая девочка Голливуда" Дина Дурбин. Я думаю, стоит вспомнить о ней подробнее...

Родилась Дина Дурбин (ее настоящее имя Эдна Мей Дурбин) в Канаде 4 декабря 1922 года. А через четырнадцать лет, в 1936-м, она сидела, утопая в высоком кресле, перед „всемогущим магнатом от Голливуда" мистером Пастернаком и плакала, не стесняясь детских слез. Нет, она не хочет сниматься в кино. Ей страшно. Она вообще не желает быть киноактрисой. Продюсер уговаривал ее две недели. Пастернак был тончайшим, ловким, беспронгрышным психологом. Ухватившись за драгоценный талант, он не отпускал его до последней золотой песчинки. Девочка согласилась. Она позволила уговорить себя. Фильм назывался „Три милых девушки"...

И Пастернак начал лепить из юной Дурбин суперзвезду. Фильмы с ее участием взлетали по кинематографической лестнице, как по гигантским ступенькам. Резко и вверх. „Сестра его дворецкого", „Брак поневоле", „Секрет актрисы", „Первый бал", „Сто мужчин и одна женщина"... Бешеный успех, за вершиной - вершина. И уже не оглянуться, не оценить пройденный путь, не задуматься о том, как жить завтра. Машина киносексуализма закрутилась. Для одних золотая лихорадка, для других - просто лихорадка от фантастических перегрузок... Отсутствие необходимых для творческого анализа пауз обернулось бедой: от образа к образу Дурбин становилась все больше похожа на вылепленный киностандартом стереотип. Лицо превращалось в маску, творческие откровения - в штампы, неподдельные чувства - в тиражирование „экранных привычек"... У Дины, к

сожалению, не было актерской школы. Ее школа - только экранный опыт плюс природное очарование. Позже фильмы с ее участием перестали приносить кассовый успех. В 1942 году в возрасте 20 лет звезда Дины Дурбин закатилась. Она вышла замуж и покинула Голливуд навсегда.

Потому-то продюсер Джо Пастернак, с сожалением расставшись с этой ярчайшей звездой, с азартным любопытством и нетерпением вглядывался в небо кинематографа, надеясь разглядеть там новое светило.

Джо Пастернак рассказывает в своих мемуарах „Легко на трудном пути“, изданных в 1956 году:

- Новый человек входил в мою жизнь, Марио Ланца! Тогда никто не знал, что нас ожидает. Все директора, продюсеры и режиссеры собрались в большом зале студии. Нам сказали, что на сцене состоится встреча с артистом, имя которого еще мало известно в мире музыкального кино. Огромная сцена студии № 1 готова к приему. Мистер Майер с большой торжественностью сохранял тайну. Прошло некоторое время, и за закрытым занавесом раздался голос певца. Все разговоры прекратились. Необыкновенный голос гремел на весь зал. Это был сильный, горячий и волнующий тенор. Он прекрасно звучал во всех регистрах, звенел в ушах. Мне показалось, что воскрес Карузо. Каждое пропетое слово было совершенством. Луис Майер вышел на сцену и, волнуясь, объявил:

-Леди и джентльмены! Вы только что слышали голос, теперь я хочу показать певца, которому он принадлежит.

Открылся занавес, и перед нами предстал молодой человек. Это был брюнет среднего роста, хорошо сложен, с одухотворенным лицом. Его темные глаза сияли и лучились огнем под испытующими взглядами должностных лиц и публики. Он напоминал прирученного тигра... Во всем его облике было что-то повелительно-манящее... Я чувствовал, что такого голоса еще никто не слышал. Этот молодой гос-подин завладел моим вниманием. У него был настоящий

оперный голос... С тех пор, как много лет назад вышли фильмы с Лоуренсом Тибеттом, я больше не слышал о фильмах с оперными светилами. Но я не знал, хватит ли у этого молодого человека воли вынести испытующий глаз кинокамеры. Тут я вспомнил, как сияли глаза парня, когда он говорил с Майером. Мне он очень и очень понравился. Он был по-мужски силен и красив... Всю жизнь я мечтал найти актера с таким лицом.

Мистер Майер поднял руку, дождался полной тишины и торжественно объявил:

- Господа, кинокомпания заключает с этим певцом контракт, и любой продюсер может взять Ланца.

Незамедлительно раздался в ответ голос из зала. Это был Джо Пастернак.

-Я хочу с ним работать.

Мистер Майер одобрительно закачал головой.

- О'кэй, Джо! Я знал, что это по тебе. В таком случае Марио Ланца-твой!

Сделка состоялась. На следующий день Марио Ланца и Джо Пастернак завтракали вместе в ресторане „МГМ“. Им предстояло обсудить планы на будущее, уточнить детали. Ланца был учтив и вежлив. Разговор проходил с несколько светской интонацией. Марио сделал мистеру Пастернаку комплимент за его киноработы, за достижения в сфере музыкального кино. В частности, он высоко оценил Дину Дурбин. Джо Пастернак с вежливой улыбкой слушал Марио; Ланца оставался для него загадкой. Он, продюсер, великий психолог и сердцевед, пока еще не мог стряхнуть с себя невольного очарования, исходящего от певца, его прямоту и искренности. Мистер Пастернак знал цену актерской игре. Актеры часто продолжают свои роли и в жизни. Где, как провести грань между экраном и жизнью? Короче говоря, для успеха дела и для того, чтобы оградить себя от неожиданных выходов капризных, необычайно

переменчивых в своем настроении звезд, необходимо все время быть с ними настороже.

Позже мистер Пастернак не раз обжигался о стихийную натуру Марио Ланца. Всякое испытывал он от его бунтарской личности. Конечно, продюсеру всегда хотелось быть господином его, Ланца, души и таланта. Честно говоря, это часто хотелось и самому Марио, который от своего характера страдал не меньше других. Но сейчас, в этой внешне уютной и безобидной обстановке завтрака в студийном ресторане Джо Пастернак не знал и, как ни хотел, не мог догадаться, что же там у него, у этого чертовски одаренного певца, скрыто в тайниках загадочной натуры. Слова Ланца недвусмысленно вежливы, мысли логичны, улыбка скромна и достойна, манеры вполне джентльменские. Когда нужно, он может быть воспитанным, когда хочет, он может казаться просто ангелом. Правда, в этот день учитывая предупредительность Ланца в отношении всемогущего продюсера Джо Пастернака была от чистого сердца и предельно искренна.

Через несколько дней Пастернак пригласил молодую чету Ланца к себе в дом, в гости. Беседа была столь же мирной и вежливой. Разве что вышла одна заминка... Марио нечаянно оперся на хрупкий столик, красовавшийся в саду под деревом. Впрочем, кажется, Марио не только облокотился на это инкрустированное серебром и перламутром лакированное чудо, но и вроде даже слегка присел на него, вероятно, в пылу беседы, приняв столик за стул... Столик с треском развалился на куски. Марио растерялся. Он сгреб антикварные останки, попытался собрать их... Мистер Пастернак поспешил на помощь. Он тактично заметил, что видит в этом добрый знак для их дальнейшей совместной работы.

Что ж, у нас еще будет возможность разобраться, доброе ли это было предзнаменование...

Итак, разговоры и тактические беседы „по душам" позади. Студия „МГМ" заключала контракт на семь лет. Ланца вручен аванс на 10000 долларов (по тем временам - значительная сумма). Первоначальная зарплата - 750 долларов в неделю в течение 20 недель. Согласно договору Марио Ланца обязан работать на „МГМ" шесть месяцев в году, остальное время он мог посвящать чему угодно: концертам, работе в опере, записи на радио и т. д. За первую картину (а какой она должна быть, еще никто не знал) ему полагалось 25000 долларов. За второй фильм - 50000, за все последующие - по 100000 долларов за каждую картину.

При всех процедурах подписаний контрактов за ним тенью следовал его менеджер Сэм Уэйлер. На Марио обрушился водопад многозначных цифр. Ему, щедрой душе, показалось, что он явно недоплачивает своему менеджеру.

- Сэм, - сказал ему Ланца, когда его подпись высохла на последней странице контракта, - десять процентов для тебя очень мало; я поднимаю твою зарплату, твои комиссионные до двадцати процентов.

Глава 16 **В «ЗОЛОТОЙ КЛЕТКЕ»**

Контракт со студией „Метро-Голдвин-Майер" подписан. На этой церемонии присутствовали менеджер Марио Ланца Сэм Уэйлер, срочно прибывший из Нью-Йорка, и сам босс студии мистер Майер, мгновенно оценивший „золотого соловья", пойманного в „золотую клетку" Голливуда.

Отчески похлопав Ланца по плечу, Майер сказал:

- Марио, мой мальчик, я собираюсь сделать из тебя поющего Кларка Гейбла!

Шаг сделан. Дверца „золотой клетки" захлопнулась. Коготок увяз... Никто не осознавал тогда всю меру ответственности поступка нашего героя. Успех сам шел в руки. Неумные почести в адрес Ланца у всех на слуху. Он в

заповедной, недостижимой для сотен первоклассных талантов, стране Голливуд. К профессии певца присоединилась другая, по тем временам, может быть, самая популярная, - актер кино. Что еще?!

Ланца в своих поступках всегда отличался сиюминутностью. Сегодня тебе хорошо, сейчас тебе улыбается удача. Живи, не мучайся раздумьями о грядущем. Да и разве Голливуд - это что-то навечно? Фильм, другой... Слава, материальная база, приобретение желанной для любого артиста независимости от любых обстоятельств. Художник, как думал Марио, должен быть независимейшим из созданий природы. А далее, обеспечив себе и своей семье безбедность, можно заняться самым главным - быть только оперным певцом, выйти на сцену „Метрополитен-опера"...

Как бы то ни было, Ланца отпил глоток из голливудской чаши и, кажется, не очень-то заметил поначалу, что в ее игристом, хмельном напитке подмешана крепкая доза „опиума". Да и кто из начинающих кинозвезд, прорвавшихся на небо Голливуда, знает, что кино - своеобразный наркотик. Прозрение всегда наступает потом. Чаще тогда, когда изменить что-либо уже невозможно.

Контракт Голливуда - бумажка серьезная. Этот документ, будто всевидящее око, предусматривает буквально все. Скажем, по обычному творческому договору артист обещает быть в форме. Собственно говоря, и не нужно никому, кроме самого себя, ничего обещать. Артист - это всегда форма (в самом широком смысле). Для Голливуда этого мало. Все нужно скрепить документом. Все предвидеть и гарантировать. В контракте должна быть оговорена не только форма, но и параметры этой формы. Вес Ланца пунктом соглашения ограничен цифрой 170 фунтов (68 кг). Студии совершенно неважно, трудно ли держать такую вот форму той или иной звезде. Так нужно. Так требует киностандарт, согласованный с сегодняшней зрительской конъюнктурой.

Первая пробная киносъемка доставила хлопот и Марио, и специалистам студии. Демократическая натура Ланца (а также соответственно ей и одежда) словно не хотела вписываться в рамки экрана. Пиджаки Ланца носил просторные, с широкими лацканами, рубашка не терпела никаких галстуков и застегнутых верхних пуговиц. Он любил стиль „апаш“, большие отложные воротники. Выглядел он, конечно, не салонным кавалером, а здоровым, по-народному красивым парнем. Плечи вразлет, густая шапка волос, напоминающая кустарник.

Джо Пастернак только головой покачал, увидев, каким вышел Ланца на пленке. Продюсер - человек опытный. Все это ему уже знакомо. Срочно нужно „подлакировать“ парня. Вокруг Ланца забегал парикмахер, который привел в порядок этот его „кустарник“, после чего голова Марио засияла, как английский газон; волосы подкрасили, они стали отдавать красноватым оттенком, по голове пошли мягкие бронзовые волны, тонким лезвием разрезал их пробор... Кто-то другой занялся его одеждой: с ловкостью факира куда-то упрятали богатырскую грудную клетку и срезали утесы плеч. А гример так искусно прошелся по его физиономии, что через минуту-другую она заблагоухала свежестью ангельского лица.

После повторной съемки на площадке уже не было ни одного смеющегося. По студии пробежал ветерок удивленного восхищения. На экране сияла блистательной улыбкой новая кинозвезда.

Наступил сценарный этап. По инициативе Джо Пастернака было решено обыграть некоторые страницы биографии Марио Ланца. Разумеется, не обошлось без воображения. Расхожая легенда о том, что Ланца когда-то работал шофером грузовика и профессиональным грузчиком, распространилась после первого фильма с участием Ланца, который получил в прокате название „Полночный поцелуй“.

Рядом с Марио на съемочной площадке работали знаменитости Голливуда, его ветераны: Этель Барримор исполняла роль богатой филладельфийской матроны, которая организует в городе оперный театр для своей страстно обожаемой внучки - певицы Пруденс. Роль внучки поручена была молодой кинозвезде - очаровательной Кэтрин Грейсон. Пианист Хосе Итурби в картине - дирижер симфонического оркестра. Опытнейший голливудский актер Д. Керрол-Нейш играл отца героя... Режиссером „Полночного поцелуя" назначен Норман Таурог.

Но вернемся назад. Пока утрясались сценарные эпизоды, у Ланца, согласно контракту, появилась пауза длиной в шесть месяцев. Заполнил ее Марио успешно. В общем-то это время в судьбе нашего героя без всякой натяжки можно назвать счастливым. У него договорная, то есть с полной гарантией на годы вперед, работа, а теперь он по своему усмотрению может делать что его душе угодно. А душе было угодно петь в опере. Марио решил выступить на оперной сцене Нью-Орлеана в роли Пинкертона („Мадам Баттер-флай" Дж. Пуччини, дирижер - Уолтер Герберт, Чио-Чио-Сан - Тонико Каназава, Шарплес - Джес Уолтере).

В день спектакля Марио волновался. И все же волнение не могло погасить состояния его души. Душа ликовала: Марио предстояло выйти на сцену профессионального оперного театра. Все, что было до того, - все эти пестрые концерты, шоу и прочее - казалось ему чем-то предварительным, рекламным, готовящим его к настоящему. И вот теперь это настоящее наступило.

Волнение усиливало еще одно обстоятельство. Ему предстоит петь без микрофона, к которому он, выступая на гигантских площадках, привык. К тому же злые языки, по мере роста популярности певца, пустили слух, что у Ланца „небольшой голосок" и слышно его только благодаря звуко-усилению. И вот, дескать, причина, почему Ланца

никогда не быть оперным певцом. Злые языки извечно сопутствуют кумирам.

Голос Ланца зазвучал в театре, на репетиции... Кто-то из музыкантов в паузе воскликнул: „Ничего себе маленький голосок!" Невольная реплика тут же была поддержана аплодисментами и криками одобрения.

Спектакли прошли на редкость успешно и вызвали горячую поддержку прессы. „Нью-Орлеанские новости" писали: „Мистер Ланца исполнил роль лейтенанта Пинкертона ярко, достаточно смело и эмоционально. Нечасто встретишь такой изысканно-романтический тенор. Исключительные вокальные данные голоса помогают ему! прекрасно справиться с партией. Счастливое и редкое сочетание внешности и голоса, без сомнения, поможет мистеру Ланца во всех его дальнейших, серьезных работах".

Но, к великому сожалению, оперный дебют (а в Нью-Орлеане был именно профессиональный дебют, потому что в Танглвуде Ланца дебютировал еще как конкурсант и, будем считать, как „ученик") стал и последним его оперным спектаклем. Судьба! А верней сказать, не судьба!

Он вернулся из Нью-Орлеана в Голливуд. Время приступать к работе над первым фильмом. Перед спектаклями, волнуясь, он много ел. Известно, что у некоторых людей нервное напряжение „атакует" железы внутренней секреции и главный „распорядитель" гипофиз, обильно выделяются адреналин и ферменты... И склонные к тучности люди, особенно в возбужденном состоянии, „лечат" нервы обильной пищей, которая, кстати, не всегда дает им чувство насыщения. Оттого-то застолья у нашего героя длились иногда не один час и один вид „гастрономии" спешил сменить другой.

В ту пору вес Ланца доходил до 200 фунтов (80 кг). Для Ланца-певца казалось вполне нормальным, для Ланца-актера - многовато. Вес становился проблемой. Продюсер

Пастернак настоятельно требовал от героя будущего фильма внешней легкости и изящества. Но, разумеется, сразу вес не сбросишь. Да и не было у Марио особого опыта по этой части (его армейское голодание с потерей сознания и небольшие клинические эксперименты под руководством доктора Кагана не в счет).

Поэтому Ланца был вынужден просить у продюсера отсрочки. Заодно пришлось сказать и о трудностях с квартирой, а главное, о том, что его Бетти ждет ребенка.

Джо Пастернак покатился со смеху:

-Ну и дела! Не киностудия, а сплошной родильный дом. Твоя жена беременна, моя беременна, в положении и твоя будущая героиня - Кэтрин Грейсон... Так что нам всем нужна отсрочка. - И, подумав немного, добавил: - Будем ждать наших детей... Так что у тебя есть предостаточно времени, чтобы слегка похудеть...

В это время, и очень кстати, в жизни Марио Ланца появился Терри Робинсон, молодой массажист, а в недавнем прошлом чемпион по боксу и победитель конкурса мужской красоты в Нью-Йорке, обладатель титула „Мистер Нью-Йорк-сити“. Робинсону рассказал о Ланца Луис Майер. „Мы подписали с ним контракт, - сказал босс студии. - Этот парень, Терри, может стать большой звездой, но ему нужно сбавить вес для первой картины. Может быть, я сумею заинтересовать его, и вы познакомитесь“.

Познакомились они в гимнастическом зале „МГМ“. Ланца первым подошел к Терри и спросил:

-Вы Терри Робинсон?

-Да.

- Рад вас видеть, - Марио протянул руку.

- Я вас знаю? - спросил Робинсон.

- Да, мой босс Луис Майер считает, что вы можете помочь мне сбросить фунтов двадцать... Меня зовут Марио Ланца, я должен войти в форму для съемок...

Тут же от Терри последовало приглашение посетить его квартиру в Уэствуде. В семейной обстановке они испытали еще большую взаимную симпатию. Короткое знакомство перешло в дружбу. А семья Ланца опять раздвинула свои рамки: Робинсон также стал ее членом, преданным другом, спутником Ланца по жизни. Терри следил за его здоровьем, прежде всего за весом, да и просто-напросто был всегда рядом. Он разработал специальную спортивную программу для Ланца, заставил купить резиновый костюм, чтобы во время упражнений обильней потеть. Под руководством Терри Марио начал работать с гантелями и специальным мячом...

Отпуск Кэтрин Грейсон действительно дал Ланца возможность привести себя в форму, оговоренную контрактом: он сбросил лишний вес. Новые кинопробы оказались весьма удачными.

За время вынужденного простоя Марио выступал в разного рода концертах, чаще всего в благотворительных, которые устраивала сестра босса „МГМ" Ида Майер-Кенингс. Так или иначе, все звезды зависели от ее брата, а стало быть, она впол не могла рассчитывать на их участие в благотворительности, распространенной не только в Голливуде, но и во всей Америке.

На одном из таких бесплатных мероприятий Марио ждало еще одно приятное знакомство. Его представили маэстро Джакомо Спадони, музыкальному руководителю, работавшему в штате „МГМ". В свое время он был концертмейстером и близким другом Энрико Карузо. Высокий, седой, импозантный, всегда с безупречной элегантностью одетый мужчина (ему шел шестой десяток), Спадони был горд своей причастностью к биографии великого тенора. Можете себе представить, с каким благоговением Ланца, всю жизнь боготворивший Карузо, теперь смотрел на синьора Спадони, своего соотечественника, казавшегося Марио настоящей музейной ценностью.

Ланца в горячем порыве обнял Спадони, этот живой „музейный экспонат“.

- Синьор, я обязан спеть для вас. Мы должны работать вместе... Готовиться к съемкам фильма, где много музыки. Когда мы начнем?

Спадони вполне разделял чувства Марио, ему сразу же показался необычайно симпатичным этот молодой певец. Он также искренне обнял нового друга.

- Что ж, пойдем к роялю, посмотрим, что у нас за музыка и как мы ее поем.

Весь день они работали над несколькими ариями. Музыка, чувство родины, взаимная симпатия царили в доме синьора Спадони. Подчас маэстро отрывался от клавиш и вытирал невольные слезы. Не мог сдержать чувств и наш герой. Жизнь напряженна. Дорога в гору удачи тяжела. И такие вот сцены - как праздник души.

Они сразу стали большими друзьями. Цементировала их дружбу память о Карузо, его дух, который словно хранил Спадони.

- Вы мне нравитесь, маэстро, - не раз по-юношески восторженно и непосредственно восклицал Марио, - вы всегда будете со мной. Когда-нибудь вы познакомитесь с моими отцом и матерью, а мама у нас прекрасно готовит итальянские блюда...

Ланца мгновенно увлекся новой дружбой. Если ему кто-то нравился, Марио, как капризный ребенок, желал, чтобы это принадлежало ему безраздельно и навсегда. Спадони он так же, как и Робинсона, стал считать членом своего семейства.

Сценарий готов. Теперь фильм имеет реальную основу. Машина Голливуда заработала, Марио выплачен аванс. Ланца переезжает на новую квартиру в Беверли Хиллс. Началась подготовка к съемке фильма. Марио ежедневно на студии с раннего утра. Нужно изучить сценарий, обсудить

роль с режиссером, познакомиться с техникой звукозаписи; кроме того, гардероб, гримерная... Оперные отрывки, к особой радости Марио, он готовил с маэстро Спадони; с дирижером и композитором Ирвингом Арансоном работал над песенным репертуаром.

Новичкам в голливудских делах любят давать советы. А если выдастся случай, то и поморочить голову, подшутить. И звукотехник, и осветитель, и любой рабочий сцены, и электрик, конечно же считавшие себя академиками от кинематографа, спешили вставить свое замечание. Марио не знал традиций кинофабрики и с серьезным видом вслушивался в каждый расхожий совет. В голове у него от такого стихийного „худсовета" началась каша. На помощь пришел известный киноактер Кинен Уин. Он отвел Ланца в сторону и сказал:

- Послушайте, коллега, вы видите того человека? – Он указал рукой на режиссера Нормана Таурога, стоящего поодаль с оператором. - Это единственный человек, кого вы должны слушаться... Он заинтересован в картине больше всех и поэтому не даст вам плохого совета.

Потом Ланца будет сниматься еще в нескольких фильмах, в том числе и тех, что вознесли его имя до небес, и тех, что бросили его под ноги голливудским бизнесменам. И более разумного совета за все это время, чем тот, что дал ему опытный актер, он не встречал.

Настал ответственный день - запись на киностудии музыкального материала. А в семье Марио было беспокойно. Бетти вот-вот должна была родить. Она уже была в больнице, и Марио чувствовал себя разорванным на две части. А он так не может. Или - или. Придется отменять запись. Но доктора успокоили его: в ближайшее время ничто не должно случиться.

Ланца приступил к работе, которую он ждал с нетерпением и редким творческим волнением... И вот в самом разгаре арии Радамеса запись прервал звукорежиссер:

-Мистер Ланца, прошу прощения... Примите мои поздравления. Только что позвонили из больницы... У вас - девочка...

Это случилось 9 декабря 1948 года. Первую свою дочку Бетти и Марио назвали Коллин...

В те вечера Ланца возвращался домой усталым. Работа над фильмом проходила в жестком режиме. И все-таки, входя в дом, он чувствовал, как что-то светлое и теплое наполняет его сердце. Он брал на руки девочку и тихо, нежно говорил, щекоча дыханием ушко Коллин:

-Моя мама каждый вечер брала меня на руки и пела колыбельную песенку.

И он, ласково напевая, укачивал дочку. Бетти, бесконечно счастливая, смотрела на мужа и малышку Коллин. Она, Бетти, запомнит эти минуты как самые прекрасные в своей жизни.

Коллин крестили в церкви Св. Павла в Уэствуде. Крестными дочери были Сэм и Селма Уэйлер.

„Полночный поцелуй" состоялся. Фильм прокатил по Штатам на колеснице триумфа. Надо сказать, что этот первый фильм с участием Ланца дал возможность и нашему зрителю познакомиться с солнечным талантом американского певца и киноактера.

В этой ленте Ланца, конечно же, еще не мог блеснуть актерской игрой, он только пробовал силы. Потому-то не всегда ему удавалось быть естественным, в чем-то он переигрывал, где-то „недобирал". Был иногда скованным, неуклюжим. Но впереди - новые киноработы. Ему еще предстоит показать себя. Главное, начало положено. „Кинозвезда с оперным голосом", словно благостная весть, в считанные месяцы облетела чуть ли не весь мир.

Партнером Марио в „Полночном поцелуе", как уже говорилось, была очаровательная Кэтрин Грейсон. В фильм

вошли несколько оперных отрывков, а также написанные специально две песни: „Они не верят мне" и „Я знаю, знаю".

Своеобразным апофеозом музыки к фильму стала свободная интерпретация (переложение для дуэта Ланца и Грейсон) музыкальной темы из Пятой симфонии Чайковского.

Нечего говорить о том, что небывалый успех фильма принес кинофирме „МГМ" сверхприбыль. Хозяин монополии Луис Майер не только почувствовал это, но и позволил своему практичному воображению заглянуть немного вперед. Что ж, поговорка „Куй железо, пока горячо" знакома боссу. Новую кинозвезду следует поощрить. Ланца в два раза повышен гонорар. И сразу же заказан для него новый сценарий.

Глава 17 **«КОГДА ЗАЦВЕТУТ НАРЦИССЫ...»**

Снова у Марио Ланца наступил черед „концертного полугодия". Отчего-то он не повторил, не продолжил на бис столь удачные для него первые оперные выступления. Так и хочется сказать: „А как было бы хорошо!" Но, увы! Судьба художника выше наших пожеланий. Она часто не считается с намерениями и самого ее героя...

На сей раз Марио согласился поехать вместе с Кэтрин Грейсон в гастрольно-рекламное турне под эгидой известной нам фирмы „Коламбия Артистс-Менеджмент". Отзывчивый по натуре, Ланца считал, что это дело теперь самое неотложное. Надо помочь и кинокорпорации в рекламе нового фильма: „Полночный поцелуй" должен стать рекордным по прокату. А Марио и Грейсон - главные героини ленты. Стало быть, кому, как не им, пропагандировать собственную работу. Так это было или не так, но нашему герою концертно-рекламное турне было в то время больше по душе, чем оперная сцена...

Через много лет Кэтрин Грейсон в интервью для документального фильма „Ланца - американский Карузо" вспомнила эти первые гастроли с Марио как одни из самых удачных. Всюду Марио Ланца сопровождали оглушительные аплодисменты и обожание публики.

Неплохо было бы, конечно, послушать на этот счет мнение самого Ланца. Вот фрагмент из его интервью тех дней (а в это время печать начала донимать его нещадно).

Вопрос. Как утверждают многие, мистер Ланца, вы часто говорите, что вам больше всего хотелось бы петь в „Метрополитен-опера". Почему же вы там не поете, почему вы снимаетесь в кино?

Ответ. У меня еще недостаточно опыта для „Мета". Карузо начал петь в этом знаменитом театре, когда ему исполнилось тридцать три года. Мне сейчас двадцать семь. Я не хочу торопить события.

Было намечено дать двадцать семь концертов. Турне началось 7 марта, а закончилось 25 марта 1949 года. Из двадцати концертов, предусмотренных фирмой, Ланца дал только пятнадцать. Причины были разные, часто на первый взгляд непонятные. Иногда Марио мог мгновенно „закинуться" и, весь съезжившись, проговорить тусклым голосом:

-Холодно... Можно схватить воспаление легких...

В этой поездке участвовал концертмейстер и друг Ланца Константинос Каллиникос. Воспоминания его хранят особенности артистической натуры певца той переломной для его карьеры поры. Сцена для Марио всегда была мукой адовой, буквально вызовом на дуэль. Воображение Ланца рисовало картины позорного провала, который мог начаться с ерунды -с забытой фразы или, к примеру, неожиданного смеха в зале. Чем мучительней было волнение, тем загадочней внешне становился Ланца. Что делалось у него внутри, не скажешь и не вообразишь. Паника, почти

истерика, настоящая предвулканическая сдавленность, ищущая и не находящая выхода. Все это вызывала боязнь неудачного выступления.

Выход мог быть или в разрядке на сцене, или в полном отказе от концерта. Мысленно Марио до мельчайших деталей прогонял будущий ход выступления и пытался найти в собственном состоянии души гарантию - что все будет хорошо. И если не находил - бежал прочь от сцены. И не в уединение раздумья, а в гущу людей - друзей ли, случайных знакомых, кого угодно, лишь бы не быть в одиночестве...

Мы не раз говорили об этом его непредсказуемом характере. Но приходится говорить об этом вновь, ибо эта непредсказуемость натуры продолжала мучить и самого Марио Ланца, и тех, кто окружал его в те дни и годы „вынужденного творческого простоя“.

Вот характерный эпизод, о котором вспоминает Константине Каллиникос.

-19 марта 1949 года мы должны были дать концерт в небольшом городке штата Иллинойс. Ланца казался спокойным и был полон желания петь... Когда я приехал в город, Ланца там не оказалось. Представитель концертной ассоциации сообщил мне, что Ланца серьезно заболел и находится сейчас в Чикаго. Я звоню в Чикаго.

-Какого черта ты забыл в этом городе? Почему ты не со мной?- услышал я в трубке совершенно здоровый голос Ланца.

Уже девять концертов отменено. Ланца потерял 1200 долларов. Я пытаюсь напомнить ему об обязательствах по контракту, и пока я говорил, я слышал в трубке отдаленный шум и смех.

-Что там у тебя происходит? - спросил я у Марио.

-Коста, у меня здесь замечательные друзья, и мы прекрасно проводим время... Приезжай скорее сюда. Ты бы только посмотрел, что мы едим! У нас даже есть

твоя любимая черная икра. Советую поторопиться, а то мы все съедим...

-Ты здоров? Я думал, ты в больнице.

- Какая тут больница! Коста, ты шутишь?

-Марио, ты немедленно едешь обратно и будешь петь, -в моем голосе звучал металл.

- Нет, лучше ты приезжай сюда, в „Бисмарк-отель"... - Марио засмеялся. Затем пауза. - Понимаешь, Коста, я не знаю те номера, которые добавились в программу... Песни Гуго Вольфа... Я их совершенно не знаю, и поэтому о выступлении не может быть и речи...

Тон его голоса изменился.

Я приехал в Чикаго в девять вечера и сразу помчался в отель „Бисмарк", где остановился Ланца. Пир был в полном разгаре. Два сдвинутых стола ломились от лакомств и вина. Ланца восседал в центре стола среди своих гостей. Если Марио и был смущен происходящим, то вида не подавал. Поздно вечером он зашел ко мне и виновато обнял меня за плечи. Я чувствовал, что он хочет что-то сказать, но он молчал. Потом он начал обещать мне на будущее много приятного - это был его излюбленный метод, чтобы избежать неприятных разговоров.

- Коста, я хочу вместе с тобой сделать записи для „Эр-Си-Эй". И чтобы ты дирижировал, - заговорил он увлеченной как ни в чем не бывало.

В ту ночь Ланца пел для своей компании до четырех утра. Это был его очередной импровизированный концерт. И я не мог не подумать тогда о тех разочарованных слушателях штата Иллинойс, которые напрасно ждали его концерта. Но я абсолютно уверен, что, если бы это было возможно, Марио сейчас пригласил бы их всех к себе и так же пел бы им всю ночь.

От себя скажу, что Марио Ланца „прогулял" эти концерты не как ученик, сбежавший с уроков.

Перед теми злополучными гастрольями кто-то рассказал Марио ужасную историю, случившуюся в этом небольшом городке. Здесь не так давно произошла трагедия, унесшая жизни свыше ста шахтеров. Эту историю преподнесли ему в самых кошмарных тонах. Рассказчик не подозревал о крайне чувствительной натуре Марио Ланца и не мог ожидать, что этот трагический случай вызовет такую острую реакцию. Все нутро певца взбунтовалось против мысли о том, что он будет в этой местности увеселять публику.

Результат вам известен...

Что-то обреченно-трагическое прослушивается во всем этом. Как будто всматриваешься в фасад еще вполне внушительного строения, а подспудно, внутренним чутьем, предчувствуешь беду: то ли в следующее мгновение этот дом рухнет, то ли займется страшным пожаром. Видно, почти каждый великий артист напоминает роскошный особняк, за порогом которого стоит рок.

Гастроли шли с переменным успехом. То есть если Ланца пел - праздник для всех, если нет - мрачные часы давили окружающих, а больше всего нашего героя. Программа его выступлений включала арии из опер Верди, Чилеа, Скарлатти, Перголези, песни и романсы классические и современные, а также, как уже говорилось, фрагменты из музыки нового фильма „Полночный поцелуй“. Ланца и Грейсон со своей „свитой“ переезжали из города в город, а за ними тянулся шлейф славы. Услышавшие однажды Марио Ланца не забывали его всю жизнь...

Как-то после мартовского концерта в городке Зейнсвилл к Ланца подошла весьма почтенная на вид дама.

- Замечательно! Это так замечательно, мистер Ланца! Мы надеемся, что вы еще вернетесь к нам весной, когда зацветут нарциссы...

Марио подыграл восторженной дамочке.

-О, мадам, мы непременно приедем, когда будут цвести нарциссы!

Позже, где бы они с Каллиникосом ни были: в Голливуде и на Гавайях, в Нью-Йорке, Лондоне или Риме, - когда их заставляла весна, Марио с грустной иронией говорил:

-А мы, Коста, так и не вернулись весной в Зейнсвилл, чтобы взглянуть, как цветут нарциссы...

Впредь каждый несостоявшийся концерт или целые гастроли Ланца сопровождал горькой шуткой: „Еще не зацвели нарциссы..."

А если исключить из того турне напряженные дни, когда Марио был не в форме, выступления проходили необыкновенно удачно, впечатлений у нашего героя была пропасть, встреч -тьма. Как-то в Нью-Йорке, через который пролегал маршрут турне, Марио встретился с молодым композитором Николасом Бродским, талантливым человеком, которого Джо Пастернак вызвал из Европы для того, чтобы он написал песни к новому фильму с участием Марио Ланца. Продюсеру во вкусе не откажешь: стиль Бродского, его необыкновенно вольный, проникновенно чувственный лиризм, романтическая взволнованность и красота вполне отвечали голосу Марио. „Блестящее предчувствие" - так потом скажут об этом творческом дуэте. Бродский напишет несколько песен для второй картины Ланца - „Любимец Нового Орлеана" (об этом речь позже).

Ники Бродский поначалу испытывал на чужом континенте немало трудностей. Проще говоря, он едва-едва сводил концы с концами. Первым откликнулся Ланца: он взялся до лучших времен субсидировать Бродского. И как бы в знак своего искреннего расположения к композитору подарил ему часы стоимостью 200 долларов. Истинно ланцевский жест!

Ну, а закончим главу почти с улыбкой. „Почти“, потому что речь пойдет о еде. А сие - вещь весьма серьезная.

Итак, об аппетите Ланца. Как часто признавался Калли-никос, „аппетит Марио был для нас проблемой“. Коста также любил поесть и знал в пище толк. Но все-таки по этой части уступал Ланца. Как-то раз (дело было в Нью-Йорке) Марио попросил официанта подать к столу такое количество яичницы-глазуньи и бекона, что официант стал накрывать стол на пять персон. Марио остановил его, придвинул еду к себе и сказал:

-Спасибо, дружище, что-то я сегодня проголодался.

И „уписал“ почти все. Оставшиеся две порции он пододвинул своему другу. Ни Каллиникос, ни остолбеневший официант подобного ранее не видели. Но, самое главное, в поведении Марио не было ничего от болезненного обжорства. Он вкушал пищу словно на спор... Легко, игриво, непринужденно, беззаботно. Правда, неизвестно, с кем он спорил за столом. Памятуя о его мальчишестве, скажем так: с самим собой.

Нередко „гастрономические“ диалоги между Марио и Костой затягивались до утра. Каллиникос хвастал умением своей матери готовить греческое национальное блюдо - салат из рыбы, муки, лимона и оливкового масла. Марио не уступал: его матушка так талантливо и неповторимо умеет сотворить пиццу (мучные лепешки с начинкой), спагетти с тертым сыром и омлеты, тающие во рту.

По дороге друзья то и дело приглашали друг друга в национальные рестораны. Марио Косту - в итальянские, Коста Марио - в греческие... Потом греческая кухня, с легкой руки Каллиникоса, переселилась и в дом родителей Ланца.

Словом, в характере великого певца и артиста было много земного, по-человечески понятного, хотя, может, и не всегда до конца объяснимого.

И еще один легкий штрих, прежде чем поставить точку в этой главе.

- Во время турне, переезжая из города в город, - вспоминает К. Каллиникос, - мы играли в карты или читали журналы. Марио обожал журналы и часто покупал их в киосках. В карты мы играли на деньги. Ланца всегда выигрывал и, смеясь, говорил мне: „Достаточно, я не могу не выигрывать, Коста! Я везучий!“

Глава 18 **МЕДНЫЕ ТРУБЫ СЛАВЫ**

И вот из-за горизонта поднялась лавина славы и покатила на одинокий челн. Белый парус кажется хрупким и ненадежным. Трудно даже представить, что останется от одинокой лодки в этой бушующей стихии, именуемой массовой истерией.

Марио Ланца не был защищен и от этого. Медные трубы оглушали. Он сопротивлялся, как мог. Защищаться можно по-разному. Принимать бремя славы как должное, как судьбу. То есть смириться и терпеть. Можно попытаться бежать от нее. Спаситься в келье уединения, схимы, затворничества. Многие так со временем и делают. А поначалу движет любопытство, одолевает азарт: а что дальше? До каких пределов? Молодость стремится поддаться славе с тем, чтобы приручить ее. Но стихию обуздать трудно, она не уклады-вается в берега...

В этой главе мы коснемся этой стихии, в которую уже невольно погрузался наш герой.

Марио продолжает оставаться для всех нас необычайно симпатичным человеком. Хотелось бы по привычке сказать -,и молодым". Но ему под тридцать. Это уже зрелый мужчина и знаменитый певец, хотя все еще с ребяческими привычками. Симпатичный -не просто случайно слетевший с языка комплимент. И касается этот эпитет не только его внешности. Симпатию всегда излучала

его мальчишески отважная душа... За Марио шли следом толпы людей. Обожают не только талант, но и обаяние. С поклонниками, а чаще с поклонницами, чьи нравы со временем станут все более откровенными, истинно тигриными, идут за ним также и друзья, которым Марио особенно верен.

О его обаянии, равно как и о „взвихрениях“ его характера, продолжают делиться с нами Терри Робинсон и Константине Каллиникос. Теперь они свидетельствуют время, верней, бремя славы Ланца. В их воспоминаниях как бы две полосы: одна о том, что происходило в характере, привычках и поступках Ланца; другая о той, как я уже говорил, лавине, поднявшейся из-за горизонта, которая начала досаждать и мучить не только самого Ланца, но и его близких - родителей, жену, друзей.

А теперь эпизод, связанный с непосредственностью и вольностью натуры Марио.

Дело было на рассвете. В разгар гастрольного турне Ланца и его спутник Каллиникос прибыли в Миннеаполис, чтобы дать там три концерта. Вот желанный отель. От усталости друзья валились с ног и чуть ли не спали на ходу. Длинный вестибюль, дорога к номеру... И вдруг такая картина: здоровенные парни - вахтеры, коридорные и прочий люд в отеле - маршируют на своих местах, а ошалевший от командирского ража администратор задает им счет. Марио даже вздрогнул от того, что увидел. Со времен армии он терпеть не мог муштру, люто ненавидел ее. Но здесь, в мирно почивающем отеле - ать, два?! Эти идиотские капральские замашки...

- Какого черта! - крикнул администратору возмущенный Ланца. - Кого ты корчишь из себя?! Шел бы в армию, если у тебя солдафонская чесотка...

И Марио по привычке встал в стойку боксера. Маэстро Каллиникос понял, что сейчас начнется бой за гражданские права. И ему пришлось сгрести Марио в охапку (что Калли-

никосу сделать было, конечно же, весьма непросто) и запихнуть возбужденного пацифиста в номер...

Многие вспоминали, что каждое выступление Марио Ланца было словно в последний раз. Выход на сцену он считал единственным шансом излить публике свою душу. Это был мудрый инстинкт большого артиста. Ведь многие слышали и видели его на самом деле первый и последний раз, и это единственное для них самосожжение певца запоминалось на всю жизнь. Так что отклик на то, что делал Ланца на сцене, всегда был необычайно искренним. У славы есть и светлые стороны - естественная любовь к кумиру, благодарность за чудесный талант. Овации и возгласы, доходящие до истерических воплей, постоянно сопровождали Ланца. Вздывившаяся, как штормовое море, толпа подкатывала к сцене, в упор рассматривала любимца публики, расстреливала жадными глазами. Самые отчаянные и нетерпеливые поджидали его за кулисами, ловили в фойе, у входов и выходов, явных и тайных. Пикеты поклонниц дежурили у гостиниц, окольцовывали его сияющий краской и молдингами новейший „кадиллак" - символ преуспевающей кинозвезды послевоенного времени. Каждому хотелось дотронуться до „бесподобного Марио", обратить на себя внимание, взять автограф, а то и вырвать с „мясом" пуговицу, воротничок или манжету; иные, вовсе потерявшие рассудок, пытались даже выдрать у певца прядь волос...

Через год-другой массовая истерия вокруг нашего героя достигнет чудовищных масштабов и тогда уж действительно выбросит Ланца из собственного „я", не оставив ни малейшей возможности быть самим собой, отдаст его на растерзание улюлюкающей толпы.

Но тогда Марио пока еще справлялся с натиском славы. На бис он петь еще не уставал, автографы дарил с удовольствием, часто далеко за полночь надписывал в отеле свое имя на фотографиях, программках, журналах, то есть

на всем, что было под рукой у его почитателей. Обычно надпись была такой: „Желаю Вам всего самого наилучшего в жизни! Марио Ланца“.

„Полночный поцелуй“ подлил масла в этот бушующий огонь. Инерция успеха - вещь известная. Ланца узнавали везде и всюду, и уже никто не стеснялся запросто, как ребенок своей заводной птичке, крикнуть: „Спой, Марио! Спой!“ Как-то Ланца пожаловался Терри Робинсону:

-Вот у тебя есть имя, люди зовут тебя Терри. А у меня имени нет. Мое имя теперь „Спой!“

Слава-это и потоки писем в адрес кумира. Почта стекалась в специальное отделение „МГМ“. Марио смотрел на мешки писем с приятным недоумением: „Неужели все это мне?!“ Залежи почты не успевали разбираться, не хватало людей. Лишние работники Голливуду не нужны.

И все-таки это бремя еще было посильным для Ланца, человека жизнелюбивого и стойкого к житейским всплескам. Надо принять во внимание его еще крепкий организм, живую реакцию на происходящее, темперамент, мгновенную отзывчивость сердца. С улыбкой, скрытой, а то и откровенной гордостью относился он к своей популярности. Что ж, Марио сам всего добился, пусть радуется не только он, но и близкие, друзья - свидетели его восхождения. Всякое было на этом пути. Теперь совсем другая жизнь. И совершенно глупо не пользоваться ее благами.

Про роскошную машину мы говорили. Дом его... О, это надо видеть! Большой особняк в испанском стиле на Норт Уитти Драйв, 810, в Беверли-Хиллз, где наш герой, кстати, впервые воочию увидел свою возлюбленную Бетти. Бассейн, картины, стриженные газоны, скульптуры, пернатые в садовых кущах... Что еще? Не хватает главного...

В Калифорнию из Филадельфии переехали родители Ланца - Мария и Антонио. Старый дом продан. Фиговое дерево во дворе осталось единственным символом их "Малой Италии."

От продажи филадельфийского дома остался чек на семь тысяч двести долларов. Мария с какой-то виноватой улыбкой, как будто было продано то, что продаже не подлежало, вручила чек Марио, тут же предложив вложить деньги в общее дело.

Что было с Марио, когда порог его дома переступили дорогие родители! Он ликовал от счастья. Жесткая, напряженная, суетная жизнь в Голливуде и в периоды гастрольных турне отучили Марио от человеческой ласки. При матери он снова почувствовал себя беззаботным итальянским сорванцом.

В честь родителей необходимо устроить грандиозный пир. Пусть все увидят, какая у Марио мама и какие они могут сочинить блюда в традициях старинной итальянской кухни по рецептам, передающимся из поколения в поколение в роду Ланца.

Весь день и всю ночь готовились изысканные кушанья. Конечно, по достоинству оценить их можно было не только желудком, но и сердцем, потому что Мария вкладывала в них столько своей души...

Больше всех волновался Марио. Он переходил от одной группы гостей к другой, подробно, выразительно, красноречиво рассказывая о каждом блюде. Гости собрались разные. Голливудские „приемчики и привычки" просочились вместе с пришедшими в дом Ланца людьми. В ход пошли препустейшие светские штучки: жеманные недомолвки, ничего не значащие комплименты, словом, всяческая болтовня „сытых мира сего". Мало кто мог по-настоящему оценить душу Марио и его близких.

К нему относились как к роскошной игрушке. К сожалению, говорить об этом придется еще не раз. Разумеется, ценили его талант и успех. Но гости знали и другое: сегодня талант и сегодня успех, а завтра... Завтра будет видно. Марио Ланца для них - сиюминутная звезда Голливуда. А Голливуд - ночное небо, на котором бездна звезд. Одни, правда, сейчас светят ярче, другие успели потускнеть, а иных и вовсе уже не заметно. Так что никаких душевных излияний, никакого сердечного напряжения. Светский прием-и баста!

Гости усердствовали лишь по части питья. После ухода гостей на столах в девственном виде красовались плоды фантазии Марии - итальянские блюда, к которым даже не притронулись. В тарелках чадили окурки, горки пепла лежали на мягкой мебели и коврах, которые напоминали цветущую долину, прожженную вулканической лавой. Но дело совсем не в этом. Окурки, пепел и дыры - ерунда. Хозяин дома - человек широкого жеста. Марио было стыдно за нарочитую невежливость и светское равнодушие своих гостей. Зато родители с радостным сердцем увидели в своем сыне прежнего Марио - непосредственного и участливого. Увидели они и другое - изнанку Голливуда... Роскошного и убогого... Что-то очень тревожное кольнуло в доброе любящее сердце Марии.

Правда, сам Марио не слишком удивлялся голливудской публике. Повод серьезно задуматься о превратностях судьбы кинозвезды, о жестокой холодности голливудского бизнеса у него еще будет, и не один.

А куда слава шла в руки нашему герою, появились большие деньги, а с ними и возможность пожить беззаботно, на широкую ногу, не задумываясь о завтрашнем дне.

Особняк Ланца стал местом паломничества для актеров, музыкантов и просто любителей погулять за чужой счет. Шум, смех, музыка наполняли дом, хлопали двери, визжали тормоза и шуршали по гравию разьезда шины

автомобилей вновь прибывающих гостей. Была все-таки в натуре Ланца этакая античная праздничность, размах, свойственный далеким римским предкам. А иначе как ему было выдержать напор чуть ли не ежедневных банкетов и вечеринок, где приходилось не только по-хозяйски управлять стихией этих „праздников без особого повода“, но и самому участвовать в них. Вопреки выпитому и съеденному накануне Ланца все же не забывал об артистической форме. Утром он в компании друга и помощника Терри Робинсона, который стал для него опорой не только физической, но и душевной, занимался спортивными упражнениями в специально оборудованном помещении возле бассейна. Не забывал он, разумеется, и занятия вокалом.

Чаще, чем прежде, Ланца стали приглашать боссы Голливуда. Поощрял своим вниманием новую звезду и Луис Майер. Марио Ланца теперь полноценный член „МГМ“. А это значит, что к мистериу Ланца должно быть и особое расположение. За ужином босс „МГМ“ любил поразмыслить о таких высоких понятиях, как „слава“, „успех“, „кинозвезда“. Теории свои на этот счет он излагал неспешно и с той обстоятельностью и бесспорностью, что отличают „большого специалиста“.

- Послушай, Марио, - заводил мистер Майер разговор, внимательно разглядывая свои руки. - Я хочу объяснить тебе, что такое кинозвезда. - Тут он делал многозначительную паузу и, сощуриив глаз, пристально, с откровенной прямоотой начинал вглядываться в собеседника, словно хотел прежде убедиться, есть ли в нем приметы этой самой звезды. - Кинозвезда - мужчина, которого мечтает заполучить себе каждая женщина в кинотеатре, независимо от возраста. И это мужчина, на которого хочет походить любой другой мужчина. - Тут мистер Майер поднимал вверх указательный палец. - Вот

как добьешься этого, тогда ты действительно станешь звездой.

Марио с вежливой внимательностью вслушивался в слова босса. Подобные разговоры льстили его тщеславию.

- Публика пойдет на тебя, - столь же веско и монотонно продолжал мистер Майер. - Ты добьешься успеха. Но запомни, как только публика отвернется от тебя, ты погиб. Так что ты должен потрафлять публике. Понимаешь, Марио, публике нужно доставлять удовольствие, ты ей всегда должен угождать...

Ланца слушал, кивал головой, но, пожалуй, не очень вдавался в подробности этой немудреной теории о звездах кинематографа. Скорей всего, его занимали чисто практические аспекты этого явления. Сегодня его любят. Этого не скроешь. За что любят? За разное... Вряд ли стоит очень уж разглагольствовать на столь непростую тему...

Похоже, что уже тогда Ланца, если бы захотел, мог кое в чем существенном возразить шефу. Ну, хотя бы по части угождения публике. Что-то лакейское заключено в этой формуле, недостойное большого артиста, который всегда сильная личность, яркая индивидуальность. Невозможно соединить такие понятия, как „угождение" и „индивидуальность". Угождать (хотя это слово здесь вряд ли подходит) нужно прежде всего себе, своему сердцу, питаемому художественными инстинктами и самоотверженным трудом.

Но я не в праве вмешиваться в ход этого разговора. Наш герой еще сможет постоять за себя, в том числе и на голливудском поприще, в будущих кинематографических сражениях, доказать и себе, и всем, что главное и в кинозвезде, и в творчестве, и вообще в жизни человека.

Вода камень точит. Подтачивали светские условности и каменное терпение Марио. На каждом приеме в самых разных особняках Бель-Эр и Беверли-Хиллз (а это самые известные обитатели кинодеятелей Голливуда) Ланца просили петь. Публика резвилась. Что ей до перегрузок певца! Марио Ланца для них - андерсеновский золотой соловей.

Голливуд - золотая клетка. Все остальное - публика. Не в правилах Марио отказываться. Да и в натуре его - отдавать, а не беречь или брать. Голос не всегда выдерживал перегрузки... Однажды после очередного выступления Ланца на светской вечеринке к нему подошел пожилой певец, весьма популярный в прошлом, и сказал ему: „Мой дорогой великий мальчик. Никогда не пой за коктейлем, помни всегда: надо либо пить, либо петь. Каждый раз, когда тебя будут просить петь на приеме, говори, что у тебя болит горло. Они иначе не отстанут. Нужно беречь голос для работы. Сейчас он у тебя просто охрип. А завтра будет поздно... Завтра ты проснешься и поймешь, что карьере конец, потому что ты износил свои голосовые связки. Так что не жалея тех, кто хочет слушать тебя с бокалом шампанского. Помни, если ты лишишься голоса, они тебя не пожалеют..“

Что ж, к таким уловкам Марио пришлось прибегать не раз. Иначе недалеко до беды.

Терри Робинсон рассказывает:

-За день до того, как Ланца должен был явиться в студию, чтобы записать песни для своего второго фильма - „Любимец Нового Орлеана“, - его пригласили на большой прием, который давал известный голливудский кинорежиссер. По дороге в машине Марио сказал: „Надеюсь, что меня не попросят сегодня петь, завтра мне работать“. Я ему ответил улыбкой, сказал: „Ты же знаешь, что попросят“. „Ну, я думаю, что меня приглашают не только потому, что у меня голос“. Марио понимал, что его часто эксплуатируют, используют в корыстных целях.

Толпа, населявшая Голливуд, намеренно путала его с необразованным шофером грузовика из Южной Филадельфии, с образом, который был создан „МГМ“, его рекламной службой. Марио это начинало чертовски раздражать.

Он приехал на прием, смешался с толпой приглашенных. Но вскоре хозяин попросил у всех минуту внимания и сделал объявление, о котором Марио догадывался заранее: „Дамы и господа! Сейчас Марио Ланца для нас поет“. Ланца кивнул мне. Это было для меня условным знаком. Я подошел к хозяину дома и шепнул ему на ухо, что у мистера Ланца, к сожалению, неважно с горлом. Похоже, что начинается ангина...

Наутро вся студия шумела: Ланца отказался петь на таком важном вечере. Новость переходила из уст в уста: Ланца обнаглел, у Ланца отвратительный характер. Слушая эти разговоры, я чувствовал, что должен и впредь защищать желание Марио не петь. Я понял, что Ланца был прав: приглашали не его самого, приглашали его голос.

Отказ Марио петь на вечеринке вызвал на студии такой скандал, что даже Ирвин Аронсон был вынужден поговорить с Ланца. Он сказал: „Этот режиссер - очень достойный человек, Марио. За несколько недель до этого вечера он всем говорил, что ты будешь у него и что ты поешь на всех других вечерах. Ты поставил его в совершенно неловкую ситуацию“. Ланца на это не улыбнулся, не пошутил, как он сделал бы в другой раз. „Ирвин, я бы не позвал его в свою квартиру ставить фильм. Наверное, мне лучше сидеть дома и самому приглашать к себе гостей. Тогда, по крайней мере, мне не придется ни за кого краснеть, кроме как за самого себя“.

Так Ланца получил репутацию капризного, несговорчивого человека, с трудным характером. Авторы скандальной хроники следили за ним, у них были платные агенты, которые сообщали им о каждом его шаге. Если

Ланца прибавлял в весе два фунта, газеты писали, что он прибавил двадцать. Когда он заказывал большой стол, много еды для своих друзей, репортеры писали, что все это он съедал в одиночестве. Если у него были взъерошены волосы и если он не успел побриться, сообщалось, что он всю ночь пьянствовал.

Продолжим разговор о бремени славы, ее изнанке. Понимаю, тема не из достойных. И тем не менее говорить об этом необходимо.

Певца продолжали донимать бесчисленные поклонницы. Ему писали письма. Писали в таком количестве, что становилось не по себе от всех этих излиятий и восторгов, угроз и предложений, исповедей и сальностей. Лавиной валили фотографии. Тысячи девушек умоляли о внимании и снисхождении. Сотни „красавиц“ демонстрировали на фотокарточках „красоты“ своего тела. Молодые поклонницы венчали открытки нетерпеливыми словами: „Немедленно выезжаю в Лос-Анджелес, встречай... Навеки твоя без остатка! Такая-то...“ Другие на всякий случай угрожали, что покончат с собой, если Ланца не встретит их на вокзале, аэродроме, автостанции.

Такие „веселые“ начались дела... Писать об этом легче, чем встречаться с подобными явлениями, чудовищными и в то же время обыкновенными до банальности.

Ланца стал бояться своей популярности. Его выезды на гастроли сопровождало чувство излишнего напряжения. При виде гудящей толпы он начинал нервничать. Пришлось учиться быть знаменитым. Лучший вид учебы - перенимать опыт у старших. Один из „пострадавших“ – суперзнаменитый Фрэнк Синатра - делился кое-чем полезным из практики защиты от сумасшедших поклонниц. Как-то у Ланца одна обезумевшая от почитания филладельфийская блондинка чуть не вырвала ногтями из тела клочок мяса. Синатра помог практическим советом: „Марио, старина,

надо надевать жилеточку. Да не простую, а когтенепробиваемую". Ланца усмехнулся, но спасительную „жилеточку" себе заказал. Она часто помогала.

Поклонение имеет обратную, весьма отрицательную сторону. Среди любовных писем в почте Ланца попадались и просьбы, а зачастую и требования немедленно выслать деньги. Следом летели угрозы по поводу невысланной „кругленькой суммы".

Толпа поклонников пускала слух, что родился на земле новый Карузо. И тут же толпа журналистов раздражалась негодованием на Ланца за то, что он якобы претендует на роль новоявленного великого Карузо. Хотя ни разу в жизни сам Ланца ничего подобного в прессе не изрекал, потому что он обладал собственным ярким талантом и, что очень важно, не был лишен творческого самолюбия. Прекрасно умея имитировать голос Карузо в дружеских посиделках, он никогда не делал этого на сцене.

Толпа молилась голосу Ланца. И она же нашептывала обывательскому уху ужасную тайну: а вы знаете, что, оказывается, у мистера Ланца, этого дутого гения, совершенно нет голоса и что его голос - это всего-навсего „продукт деятельности киноинженеров".

Дом Ланца осаждали какие-то дикие люди. Шли, как к пантеону, вереницы туристов. Каждый требовал, чтобы мистер Ланца вышел и сфотографировался с ним „на память". Изобретательные туристы рассказывали садовнику и привратнику сказки о том, что они личные кассиры певца или что Ланца необходимо для развития и совершенствования голосовых данных смазывать горло особой чудодейственной мазью; вот она, эта мазь, а где мистер Ланца? Пусть он выйдет на улицу...

Марио Ланца больше всего боялся террористов, которые запросто могли ворваться в особняк и надругаться над женой или ребенком. Боялся он и психопатов. Да и мало

ли кого можно опасаться, когда твоя жизнь уже не зависит от тебя? На всякий случай вокруг дома установлены прожекторы. Они работали все двадцать четыре часа в сутки. Это было красиво... Но от этой красоты веяло страхом.

Приличные на вид господа копались на задворках особняка Ланца, тростями вороша мусор. Не одарит ли их помойка сувениром? Журналисты-пройдохи добывали свой капитал на сплетнях. Для этой цели они подкупали полицейских, коммивояжеров и монтеров, рассыльных и почтальонов. Чем гнуснее ложь, тем длинней доллар.

Время прежней открытой жизни, которая так нравилась Ланца, кончилось. Нельзя произнести ни слова, чтобы его не услышали, не записали и не продали; невозможно на ступеньке бассейна, в тон свежести и бодрости после купания, подарить собственному настроению букет ликующих нот. Вокруг дома недремлющие глаза и уши... Бетти решительно заявила, что в их новом доме будет огромный забор. Только так можно гарантировать, что ее Марио не украдут. Ездить в машине с открытым верхом становилось опасно...

Воскресенье было днем открытых дверей. Гости по установившемуся обычаю были в большинстве незваными. Кухня в этот день пыхла под парами как перегруженный паровоз. Жаркое готовилось чуть ли не на тридцать персон. Случалось, что „друзей" было больше, чем порций мяса или цыплят. Повариха качала головой и ворчала, не очень следя за изяществом своей речи: „В этом доме жрут, как нигде; я такого больше нигде не видела".

Началось трудное время. Ажиотаж вокруг новой кинозвезды рос, достигая безумных размеров, нарушая семейный уют Ланца, делая отношения между мужем и женой напряженными. Бетти все эти чудовищные сплетни и

выходки бесцеремонных обывателей просто мешали жить. Людей, побывавших в доме Ланца на Беверли-Хиллз, тут же за кругленькую сумму просили рассказать для любителей скандальной хроники пикантные подробности из личной жизни великого артиста. Бетти не могла ступить и шагу, чтобы не оглянуться. Она стала нервной и подозрительной. Прислугу увольняли чуть ли не каждую неделю; обслуживающий персонал обвинялся в шпионаже..

И все это называется жить с великим мужем. Судите сами, каково ей, Бетти, было нести супружескую ношу. Ее психика становилась все более неуравновешенной. В тяжелые дни Бетти начинала думать о себе как о несчастной женщине. Марио как мог старался ее успокоить. Невыносимое существование у всех на виду лишило Бетти сна. В ход шли сильнодействующие наркотические средства, что еще больше подтачивало здоровье. Она все чаще позволяла себе упрекать в такой сумасшедшей жизни своего мужа. Марио и сам не знал, что делать со своей популярностью, „заводился“, и в доме возникало „осадное положение“. Кто из них был виноват, кто прав? Ни Бетти, ни Марио не были готовы к таким крутым жизненным выражам. Большую часть забот брали на себя Сэм Уэйлер и Терри Робинсон, но и они не могли оградить чету Ланца от массового психоза. Лавина публичных - и устных, и печатных - сплетен, лжи, необоснованных обвинений, чудовищных домыслов продолжала наваливаться на особняк в Беверли-Хиллз, расшатывая его некогда надежные стены.

Настроение супругов Ланца невольно задевало и родителей Марио. Ланца метался между женой и матерью, раздвоенность выводила его из себя, он хлопал дверью и исчезал... Где это видано, чтобы две хозяйки, да еще с характером, уживались под одной крышей? Ланца - человек решительный. Что ж, будет две крыши. Марио дарит родителям роскошный дом неподалеку, на Крисент-Драйв в Беверли-Хиллз. Да что там дом! Любимой маме Марио

дарит и своего помощника - незаменимого Терри Робинсона. С Терри Ланца проводил на студии первую половину дня, а вечером, после общего ужина в особняке Ланца, Робинсон отвозил родителей Марио в их новый дом и охранял их покой до утра.

Иной раз всю эту скандальную лавину кто-то пытался приостановить. В дело вмешивалась сильная личность. К сожалению, таких в Голливуде было мало. Один из них - босс „МГМ" Луис Майер. Он как никто понимал, что скандальный ажиотаж вокруг Ланца мешает делу. Майер вынужден был направить начальникам отделов студии специальную памятку. Суть ее такова: любой, кто будет передавать сплетни о Марио Ланца в газеты, подлежит немедленному увольнению. Самого Майера сплетни совершенно не интересовали. Его волновало одно: как все это влияет на самочувствие его любимца Ланца и на его работу?

Вот так неожиданно затянулась эта глава, получившаяся шумной, нервной. Но тут уж ничего не поделаешь: диктовала ее нелегкая полоса в жизни героя, в определенном роде перепутье, его настроение, связанное с тем, что все меньше и меньше оставалось для него и для его семьи тихого домашнего уюта, простого человеческого счастья и надежды.

Сказка затянувшегося детства кончалась. Как кончилась недавно и эта чудесная рождественская ночь сорок девятого года, быть может, последняя в его жизни чистая, негромкая и светлая песнь, этот зимний ноктюрн, разделивший то, что было, с тем, что ожидал о нашего героя впереди.

А Рождество сорок девятого ворвалось первым праздником в новый дом Ланца. Ни у кого в Голливуде не было такой красивой елки.

На огромном стекле фасада Терри нарисовал гигантского Санта Клауса. Пусть все видят его. Пусть сияют для всех гирлянды и разноцветные фонарики. Пусть каждый, кто подойдет к особняку мистера Ланца, прочитает на лужайке возле дома эти слова, затейливо выложенные из цветных лампочек: „Счастливого Рождества!“

Потом будут новые рождественские праздники в доме Ланца. Но ему запомнится этот...

Часы давно пробили полночь. Елка будто невеста... Загадочна, мечтательна и неотразимо хороша. Гости галдят...

Смех... Звон хрусталя над столом. На самом почетном месте - малышка Коллин. Ей давно пора спать. Ее щеки алеют, светятся удивленно раскрытые глаза. Для нее сказка только-только начинается. Бетти укоризненно качает головой и в который раз безуспешно пытается унести девочку в детскую. Марио, счастливый и гордый, шутит:

- Если у дочки мой характер, то она с удовольствием посидит в нашей веселой компании.

И снова шум и хрустальный звон бокалов, словно налетевший перезвон колокольчиков из далекого детства.

Глава 19 **«ЛЮБИМЕЦ НОВОГО ОРЛЕАНА»**

После очередного „концертного полугодия" Марио Ланца возвратился в Голливуд. Необходимо было, не тратя времени, приступить к следующей киноработе. Первым его увидел Джо Пастернак. По лицу продюсера пробежала тень ужаса. Тут же опытным глазом он представил себе „отдохнувшую" от съемок кинозвезду на экране: одного экрана для Ланца будет явно мало. Продюсер, перекинувшись с Марио одной-другой ничего не значащей фразой, поспешил к боссу „МГМ". Луис Майер более спокойно отнесся к лишним фунтам Марио. Он знал, что Ланца прежде всего певец. А, как известно, большинство великих теноров не отличались худосочностью.

Конечно, искусство требует жертв. Эта всем известная формула - не просто слова. Марио каждый раз с упавшим сердцем приступал к истязанию организма. Голодать тому, кто знает толк в еде - мука. Диета, физические нагрузки и специальные таблетки хоть и давали некоторую легкость, но, видимо, были причиной и неожиданных нервных срывов. Резкое похудение приводило певца к излишнему напряжению, к депрессии. Партнеры по съемкам напрасно обижались на „строптивость" или „капризность" Ланца. В такие времена Марио и сам себе был не рад.

На этот раз ему дали некоторую отсрочку с диетой. Вначале было решено записать музыку к будущему фильму. А какое пение на голодный желудок! Марио умел настоять на своем. Он блестяще доказал, что его лишний, по меркам киноэкрана, вес вполне желателен и необходим для звучания голоса. Звуку нужна прочная база. С его доводами согласились. И правильно сделали, ибо когда стали прослушивать записанное, студию охватил искренний восторг.

Воодушевившись успехом фонограммы, Марио, как тореадор на арену, отчаянно ринулся в мучительный период истязания собственного тела, дабы „втиснуть" его в экранные рамки. Рядом с ним был неизменно преданный и неутомимый Терри Робинсон. Физические нагрузки сопровождали Марио в любое время съемочного дня. Штанга, бокс, гантели, бег, специально разработанные тренером спортивные упражнения... Резкая, непривычная нагрузка на сердце. Ну, это вроде бы терпимо. Марио с детства в ладах со спортом. А увлекшись спортивной тренировкой, он со свойственными ему страстностью и максимализмом отдавался этому фанатично.

А вот диета! Это для Ланца самая страшная пытка. На завтрак - чашечка кофе, на обед - кусочек мяса, на ужин - ломтик помидора. Чем больше страдала душа, тем больше

ликовало тело. Но вот „дни великого поста" позади. Сброшено свыше 60 фунтов.

Легкий и сердитый, Марио Ланца шагнул под софиты и попробовал улыбнуться всевидящему оку кинокамеры. Режиссер подмигнул оператору. И у того, и у другого взлетел вверх большой палец: о*кэй!

Сюжет новой ленты, получившей окончательное название „Любимец Нового Орлеана", имел общий лейтмотив с „Полночным поцелуем". В первом фильме Ланца играл роль грузчика, ставшего „принцем оперной сцены". И во втором он, рыбак, также превращается в премьера оперы.

Но дело в конечном счете не в сюжете. Ланца раскрылся как своеобразный актер. Конечно, учтен предыдущий опыт. Марио увлек и сценарий, который незатейливую жизненную линию героя сумел расцветить сочными подробностями. Фильм наполнили эмоциональные контрасты, где было место и трогательной лирике, и сдержанной драме, и искрометному юмору.

„Любимец Нового Орлеана" подарил миру удивительные музыкальные номера: фрагменты из опер, романсы и песни, созданные на стихи Сэмми Кана композитором Николасом Бродским, который, как мы уже говорили, был творчески близок Ланца: их диалог происходил на одной сердечной струне. Темперамент, нежная лирика, неистовая экспрессия... Это их соединяло, и прежде всего именно эти качества отразились в главной песне фильма „Be my, love" (*«Будь моей любовью», англ.), ставшей, осмелюсь сказать, шлягером всех времен.

Ники Бродский впервые проиграл свою знаменитую песню на очередной пирушке в доме Ланца. Можно себе вообразить робость, с которой подходил композитор к роялю: как примет его песню столь популярный певец? Ланца сразу же, с первых звуков оценил это сочинение. На

его лице - улыбка восхищения. Музыка захлестнула его, переполнила чувствами. Ведомый чарующей мелодией, Марио пропел песню с листа и неожиданно завершил ее высоким до.

Песня была написана для дуэта Марио Ланца и Кэтрин Грейсон. Так она и звучит в картине. Но позже Ланца записал эту песню соло. И спел он ее так, как той ночью в дружеской компании. Да простится столь высокое выражение, но песня „Будь моей любовью" - поистине крупнейший бриллиант в „исполнительской короне" Ланца... Пластинка побила все тиражные рекорды тех лет - фирма „Эр-Си-Эй Виктор" продала за один год миллион ее экземпляров. Она заполнила музыкальные боксы всевозможных кафе, баров, игорных домов, хозяйкой вошла и в салоны высшей аристократии...

Мне не хотелось бы с музыковедческой дотошностью анализировать музыку второго фильма с участием Марио Ланца. Я просто делюсь своими впечатлениями как певец и как зритель (фильм „Любимец Нового Орлеана" шел у нас на экранах, и я, как и многие, смотрел его не раз).

Другие песни из фильма... „I'll Never Love You" (*«Я никогда не полюблю тебя», англ.). Проникновенная лирика. Прекрасная, чистого дыхания мелодия. Песня не содержит предельно высоких нот. Обычно песня Ланца - как будто натянутая до предела. Здесь, в этой красивой лирической песне, он сдержан и благороден.

В фильме прозвучали и две песни в народном стиле: „Tina-Lina" - задорная, вырвавшаяся из вихря народной пляски, хороводов, бесшабашного праздника небольшого городка... И вторая, типично уличная. Звуки города, прохожие. Игра, шутка... Под стать этому и веселое название - „Bum-Bidi-Bum".

Песен у Ланца множество. У певца всегда был дар самокритичности, который не позволял ему переходить границы своего таланта. Он пел только свои

песни. Решающим в выборе песен было только собственное сердце.

Не будем по поводу нового фильма обращаться к оценкам прессы в те шумные для Марио Ланца дни. Восторгов много, но, пожалуй, ничего нового журнально-газетные рецензии нам не рассказывают. Отмечены актерские качества Ланца, о голосе по-прежнему говорят в превосходной степени; идет речь и о блистательном содружестве талантов, „созвездии Голливуда": Грейсон, Кэрол-Нейш, Найвенд... Безусловные комплименты - в адрес режиссера Нормана Таурога... И рядом - сплетни... Что ж, многим хочется заглянуть за кулисы, по ту сторону экрана, а иным просто-напросто прильнуть к замочной скважине. Обычное дело, изнанка творчества и особенно успеха, который вечно скупающий и ненасытный обыватель жаждет довести до скандала.

Съемки позади. Теперь можно забыть перенапряжение во время работы, неурядицы, крупные и мелкие ссоры, взаимные обиды капризных „звезд"... Немного повздорили Ланца с Грейсон. Марио голодал, а стало быть, нервничал; Кэтрин что-то между прочим заметила ему про пилюли, от которых у Ланца якобы портится характер, слово за слово... Вышла ссора... Но совместная работа и мирит, и лечит. Они всегда оставались друзьями.

Иногда стихийная натура Марио щекотала нервы и режиссера, и других участников постановочной группы фильма...

И все-таки фильм удалось отснять за два месяца. „Любимец Нового Орлеана" стал событием в мире кино, занял видное место в его истории.

А Марио Ланца, нашему герою, добавилось славы, которая оборачивалась еще большей проблемой в жизни кумира и жизни его родных и близких.

Свой двадцать восьмой день рождения Марио встретил на съемочной площадке. Он был всеобщим любимцем „МГМ". Пришел поздравить Марио сам босс студии мистер Майер. Поздравляли его от души и все, кто знал его по совместной работе в Голливуде, с особой искренностью и симпатией - простые рабочие, осветители, монтировщики сцены. Простой люд обожал Ланца за его доброту. Часто низкооплачиваемые работники съемочной группы, зная беспредельный демократизм мистера Ланца, просили его тайком „потянуть резину" на съемках, чтобы они смогли получить прибавку за сверхурочную работу. Марио с удовольствием это делал. Делал с истинно артистической изобретательностью: то он капризничал по поводу трудного эпизода, который никак „не выговаривался", то он хватался руками за шею, тарачил глаза и выразительно хрипел: дескать, какой ужас, у него в горле что-то появилось! Окружающие сочувственно качали головой, спешили на помощь, грели и приносили чай или кофе, а продюсер, глядя на часы, тоже терял голос, крича, что Ланца его разорит...

День рождения Марио превратился в роскошный импровизированный праздник. Продюсер мистер Пастернак (который так и не разорился, как бы Марио ни изощрялся в подыгрывании „низшему эшелону" „МГМ") вручил имениннику огромный торт с двадцатью восемью свечами.

Потом вся группа и многочисленные репортеры, которые постоянно „паслись" на „МГМ", были приглашены в дом Ланца, где всю эту галдящую и пляшущую публику приняла на себя Мария. Сын в этот день хочет поделиться с людьми радостью. Для нее это закон. Все остались довольны. Праздник кипел до утра.

Были репортеры - появились и „веселые" новости. Анекдоты и легенды вокруг популярного певца стали нормой: то рассказывалось о сумасшедшей королевской щедрости Ланца, то о его любовных похождениях, но чаще всего о непомерном аппетите „нового голливудского

Гаргантюа". Чего только не городили ради дешевой сенсации! Например, о том, что на завтрак Ланца готовилась яичница из дюжины яиц и столько же сосисок; кто-то с убеждением очевидца или „приближенного" нашептывал про то, что певец никогда не садится за стол, пока не подыщет себе подходящего окружения числом не менее ста.

Как, к сожалению, нередко бывает, доброту и благие намерения Ланца кому-то хотелось выдать за пороки. Вспомним известную арию Базилио „О клевете"... Так и здесь - языки чесались, уши зудило. А причина опять одна: зависть к шумной славе неординарного таланта.

Марио часто на съемки приносил из дома множество сэндвичей, сосисок, бутылки минеральной, кока-колы. Приносил не только для себя -для всех: съемки нередко затягивались, и припасы Ланца оказывались как нельзя более кстати. Тут же на съемочной площадке устраивались в такие „пиковые часы" бутербродные банкеты. Что же тут необычного? Но „ни одно доброе дело безнаказанным не остается". Печальная присказка, не правда ли? Кто-то из злоязычных, бездушных и недалеких на следующий день пускает дешевую утку: „А вы видели, как вчера за Ланца семенил дюжий молодчик с ящиком на горбу? Это все для него, для Ланца... Ну и обжора этот любимчик-тенор!"

Глупости! Очевидные и циничные... Но попробуйте закрыть глаза на это, повторяющееся изо дня в день. Подчас не выдерживал, возмущался в сердцах: „Да никакой я к черту не обжора. Я обязан есть достаточно для того, чтобы у меня были силы для пения..."

Но не будем слишком сглаживать углы. Пусть легенды и анекдоты остаются на совести современников, но иные рассказы очень похожи на правду. К примеру, вот этот, поведенный в английской газете „Дейли Миррор" другом Ланца, бизнесменом Александром Паалом.

- В два часа ночи в моей квартире раздался оглушительный стук в дверь. Заспанный и испуганный, я бросился открывать. В дверях стоял Марио Ланца. Он тяжело дышал. На плече у него был массивный дубовый ларец. Не говоря ни слова, тяжело ступая, он прошел со своей ношей мимо меня в гостиную, тут же поднялся на второй этаж, толкнул ногой дверь в спальню и громко изрек: „Бери и угощайся, Алекс!“ В тот же миг он распахнул ларец и опрокинул его... Поток золотых и серебряных монет от доллара до цента с оглушительным звоном, будто Ниагарский водопад, обрушился на пол. Ланца смеялся как дитя, которому явно удалась проделка. Затем он захватил полную пригоршню монет и швырнул их в потолок. „Здорово, правда?! - кричал он восторженно. - Алекс, прошу... Все, что схватишь, твое! Послушай, я уже давно в Голливуде. Но я всегда только подписывал чеки. И всегда мне хотелось увидеть, пощупать руками эту штуку“.

И прежде чем ошалевший от выходки друга Александр Паал успел что-либо сказать, его гость растянулся на кровати и заснул с довольной улыбкой вволю порезвившегося ребенка.

Не знаю, как вы, а я эту мальчишескую выходку понял так: что ему, Марио Ланца, все эти звонкие монеты! Тут ценность иная... Жизнь, живая и полнозвучная, неповторимая в каждом своем повороте, святая и грешная... Вот что влекло его всегда и что не давало покоя. Жажда жить!

На всем протяжении жизни его отличала ребячливость. Ни божественный талант, ни человеческая ноша славы не сделали его безнадежно взрослым, как иных знаменитостей.

И в этом, по-моему, один из главных секретов обаяния Ланца.

Глава 20
«ВЕЛИКИЙ КАРУЗО»,
или Звездный час

Два фильма, отшумевшие небывалым успехом, позади. Время разрабатывать новую тему. Контракт в действии, популярность новой голливудской кинозвезды вот-вот достигнет зенита. В судьбе Марио Ланца наступал звездный час. Появилась идея экранизировать какую-нибудь оперу. Никогда не надо забывать о том, что, оторванный от оперной сцены, Ланца везде и всюду искал повод приблизиться к неостывающей с годами надежде. Продюсеры студии „Метро-Голдвин-Майер" поначалу не столь уж зажглись этой идеей, которая во многом исходила от самого Ланца. В планы предприимчивых дельцов „МГМ" не входили кинооперы. Нужны были новые, броские и красивые, как бабочки, песни, незатейливый сюжет, любовная история с хэппи-эндом. Бизнес, взлетевший от успеха двух фильмов с участием Ланца, как бы держал себя в руках, боясь оступиться и проиграть.

Слово взял Луис Майер. Его предложение прозвучало подобно грому. Нужно снимать фильм о Карузо. Такая мысль бродила по закоулкам студий не один год. Но была она подобна бреду или, если сказать изящней, грезе. Жизнь великого тенора так и просилась на экран. В ней было все: и необычная судьба, и любовь, и многие перипетии, небывалый взлет, коронация и скоротечность жизненного срока... Но только кто же возьмет на себя смелость и право воплотить на экране эту великую человеческую и творческую долю? Чей голос достоин „изображать" голос Карузо?!

Многие на „МГМ" холодно, а то и резко отрицательно отнеслись к кандидатуре Ланца, предложенной Майером. Это было странно и во многом непонятно. Поголовная слепота деловых людей к таланту и духовным возможностям Ланца „победить", „покорить" роль Карузо была просто

поразительна. Похоже, нашего „тигра" (так на студии „МГМ" стали именовать Марио Ланца - „киношники" вообще любят крепкую шутку и меткое слово) любыми средствами пытались упрятать в „удобную обывательскую клетку". Впрочем, профессиональные завистники - это понятно. Издержки популярности - само собой... Но даже те из „МГМ", кто явно видел в таланте Ланца бездну неистраченного, все равно продолжали держать его в „ежовых рукавицах" и по мере возможности жалить в самое больное место. И все-таки „тигр" оставался на свободе, одних ввергая в восторг, других - в сети напряжения, третьих - в болото злопыхательства, мелких и крупных интриг.

Увидел, поверил, загорелся идеей „Карузо" и был неотступен в этом Луис Майер. За его привычной к расчету натурой скрывалось инстинктивное чутье ко всему истинно талантливому и прекрасному.

И вот „раскол и битва" в прошлом. Победил мистер Майер. Это был его последний шанс. Он устал. Все-таки возраст... Уходить на покой хочется достойно. Фильм о великом Карузо - это надежда на то, что именно так и случится.

Ланца, узнав о подробностях его утверждения на роль Карузо, признался мистеру Майеру:

- Я сделаю все, я превзойду себя, как никогда, чтобы приблизиться к святому для меня образу. О таком предложении я даже не смел и мечтать. Спасибо, мистер Майер, за такое безграничное доверие. Я никогда этого не забуду!

Мистера Майера растрогало признание своего любимца. Он как никто верил в его успех. А для Ланца этот день был, пожалуй, самым замечательным в жизни. Он запомнит его как день триумфа в кинематографе. Слова Майера о том, что только он один, Марио Ланца, призван успешно справиться с этой ранее казавшейся непосильной

задачей, стали пророческими. И по сей день никто не может повторить того, что удалось Ланца.

Работа началась. Поставлена она была широко. Марио погрузился в чтение всевозможной литературы о „короле теноров“, которая когда-либо выходила в мире. Он хотел знать каждый факт его жизни, вплоть до незначительных мелочей. А ведь он, казалось бы, уже знал о нем все. Но Марио вновь и вновь изучал черты характера и привычки певца, манеру говорить, его походку и жесты. Любовь к Карузо была союзницей в нелегкой работе Ланца. Бесконечно помогал и имитационный дар Марио: он до удивления точно копировал манеру пения многих своих коллег - певцов любого диапазона, в тонкостях воспроизводил особенности их речи и поведения. Частым развлечением Ланца было звонить по телефону и голосами Майера или Пастернака приказывать их подчиненным исполнить какую-нибудь чушь. За это на него не обижались.

Это был сон наяву. Ланца жил и дышал любимым образом. Даже в быту он пытался не выходить из „великой роли“: говорил „под Карузо“, ходил по улицам в наряде своего кумира и даже, совершая иногда нелепые поступки, в качестве оправдания ссылался на авторитет Карузо: он делал точно так...

Во многом помогал и друг Ланца синьор Спадони, в прошлом концертмейстер Карузо. Черточки характера и привычки великого певца, подмеченные Спадони, тут же „прилипали“ к Ланца, словно становились и его натурой. Все эти мелочи поражали зрителя своей подлинностью, достоверностью и убедительностью, особенно тех, кто видел или был знаком с Карузо. Но вряд ли кто знал, что именно тогда Марио впервые стал думать и о своей преждевременной смерти...

Режиссером фильма был назначен Ричард Торп. Это был талантливый человек. И все-таки Ланца подчас позволял себе оспаривать иные режиссерские решения. „Нет, не может такого быть, - настаивал Ланца. - Карузо не поступил бы таким образом". Уверенность Ланца Торпа убеждала. Он не осмеливался спорить со знатоком искусства великого тенора. Он сдавался.

-Что ж, тебе лучше знать. Ты у нас его лучший биограф - исследователь, - говорил Торп Ланца с мягкой иронией уступчивости, но безо всякой игры или тем более насмешки. Марио в самом деле поражал всех познаниями о мире Карузо. Отношения главного исполнителя и режиссера были безупречными. Это делало трудную, во многом специфическую работу успешной, азартной, скорой.

И на этот раз Ланца пришлось изгонять из своего мученического тела „дьявола лишнего веса". Терри Робинсон был рядом. Иногда, повоевав с этой „худосочной девкой - диетой", Марио посылал к черту ее капризы, все эти тюремные порции и отводил душу в сытной, простите за крепкое слово, жратве. „Тигр", взревев, валил свою клетку наземь и мчал по кулинарным джунглям, доказывая всем и вся, что он, конечно, чтит устав голливудского монастыря, но не настолько, чтобы изгнать из жизни удовольствие. Непредсказуемость в поведении Ланца продолжала смущать окружающих. Сам Марио часто позволял себе нарушать аскетические режимы, потому что чувствовал в себе запас прочности - и организма, и голоса, и самочувствия, и души.

Теперь у него превосходная форма - вокальная и внешняя. А главное, у него творческий настрой: он снимается в таком сказочном фильме, поет то, что пел его любимый Карузо, и живет на экране судьбой короля теноров.

Ланца хотел и в новой ленте видеть своей партнершей Кэтрин Грейсон. Но выбирал режиссер. Он не увидел в ней

маленькой, кроткой и нежной Дороти, спутницы жизни великого тенора. На роль приглашена хрупкая и очаровательная Энн Блайт. Что ж, Голливуд - созвездие, „млечный путь" звезд. Есть из чего выбирать. Лучшее из лучших. В расчет идет слишком много соображений и претензий.

Но все-таки все внимание - главному герою. Именно ему, исполнителю роли Карузо, предстояло убедить сначала искушенного голливудского, а затем и прочего зрителя в том, что эта серьезная картина не станет скучной и не „отпугнет" массового зрителя. Луис Майер так и говорил Марио:

- Ты, мой дорогой мальчик, должен сделать все, чтобы развеять это дурацкое мнение. „Великого Карузо" должны принять сердца миллионов...

Марио уверенно кивал головой. Он лучше других понимал то, что имел в виду его шеф и наставник. Ланца чувствовал, что это не только его звездный час, но и пик судьбы Луиса Майера, последняя сенсация, звонкая голливудская отходная, венец тому, что этот киномагнат совершил в студии „МГМ".

Марио вышел из кабинета с горящими глазами. Майер вдохновил его. Терри Робинсон, увидев необычайно взволнованного друга, спросил:

-Что случилось, Марио?

- Терри... Знаешь, дружище, многие не любят его... – он показал рукой на массивную дверь кабинета босса. - Я считаю Майера гигантом. Когда он уйдет, мне его очень будет не хватать.

Фильм отснят за восемь недель -срок кратчайший даже по канонам Голливуда. Срывов у Марио в процессе съемок не было почти никаких. Не отменен ни один съемочный день, не возникла ни одна капризная сцена. Факт, говорящий о многом. Значит, можно и так. Значит, причины не только во „взбалмошной кинозвезде". Дьявол в душе Ланца

уступил место ангелу: как никогда он добр, ласков с коллегами.

Но не это было главным. Чудо, как гроза, разразилось с премьерного экрана студии „МГМ“. Голливуд взорвало успехом „Великого Карузо“. Киномагнаты ошеломлены. Давно здесь такого не происходило. Подобного художественного и коммерческого успеха не мог предвидеть никто. Ланца должен был выступать здесь, в „МГМ“, перед зрителями на премьере. Тысячи поклонников ждали певца. Ланца не приехал. Никто не знал, почему. Говорили, что у него заболело горло... Похоже на то, что наш герой „перегорел“. Напряжение скоротечных съемок, мучительное ожидание последнего кадра, итога, может быть, всей промелькнувшей, как и этот фильм, его жизни, выступление за несколько дней до выхода „Великого Карузо“ на экраны в „Голливудской чаше“, где его слава певца превзошла „невозможные размеры“. Словом, Ланца решил уединиться, пережить и понять: что произошло?

Для своих поклонников он послал чек на оплату премьерных билетов. У кинотеатра поднялся ропот разочарования. Публика жаждала увидеть кумира „живьем“. Но когда погас в зале свет и начался фильм, огорчение исчезло: Ланца - Карузо, его игра и его голос взяли всех в плен.

Больше всего было удивления от поразительного сходства Ланца с образом Карузо. Киномузыкальный мир пронзило шоком: никто никогда не верил в такое. Образ великого певца считался недоступным для воплощения. Здесь две опасности: либо утрирование, либо примитив. Певческий и актерский талант Ланца убедил в другом: оказывается, можно иначе. Марио подтвердил свою миссию на земле в роли „наместника“ великого Карузо. Эти, казалось бы, фантастические слова теперь обретали реальный смысл. Для миллионов людей Марио Ланца после

выхода фильма стал зримым Энрико Карузо. Великим Карузо наяву.

И в наши дни картина „Великий Карузо" находится в золотом фонде „Метро-Голдвин-Майер", дав студии доход в 25 миллионов долларов. Фильм и сейчас нередко демонстрируется в кинозалах и по телевидению США и Европы. Он выпущен огромным тиражом в видеозаписи. Я часто смотрю его. Годы не стерли художественной ценности этой картины, несмотря на неточности в изложении биографии Карузо. Известно, что Марио Ланца перед началом съемок с негодованием говорил о выдумках в истории великого певца и сценаристу, и продюсеру. Но можно понять голливудских боссов, которые ставили своей целью создание в меру серьезной ленты и вместе с тем думали о вкусах широкого кинозрителя. Бизнес все же превыше всего...

То, что для фильма не было написано ни одного шлягера, говорит о серьезных намерениях продюсера и музыкального руководителя. Ланца в фильме поет только сцены из опер, неаполитанские песни и романс композитора Хардело-та „Потому" (исполненный и Энрико Карузо). Но „шлягер" все же выявился совершенно стихийно... Композитор Аронсон для одной из сцен фильма (где Энн Блайт - жена Карузо Дороти, - танцуя с мужем, неожиданно напевает песню) обработал старинный вальс „Над волнами". Музыка понравилась Ланца, и он напел ее на пластинку под названием „Прекраснейшая ночь года". Впоследствии этот диск вышел миллионным тиражом и стал для Марио Ланца „золотым диском" и одной из самых больших его удач. Но вернемся к нашей истории.

Здесь, пожалуй, важно поговорить о другом. С Ланца в картине пели первоклассные исполнители - солисты „Метро-политен-опера": Бланш Тебом, Ярмила Новотна, Дороти Кирстен, Джузеппе Вальденго, Джилберт Рассел...

Их ансамбль - украшение музыкальной части фильма. В том, что Ланца окружила такая блистательная вокальная „оправа“, была во многом заслуга дирижера Питера Германа Адлера, давнего знакомого Марио, которого Ланца и рекомендовал для работы в фильме о Карузо. Не все гладко складывалось у Марио со звездами „Мета“. Внешне, в процессе съемок, все было, кажется, пристойно. „Метовцы“ не могли не оценить высочайший дар их коллеги. С другой стороны, их отличало некое чванство, свойственное элите оперной сцены. Они смотрели на Ланца как на очень яркую кинозвезду с блестящими вокальными данными. Что касается оперы... Тут солисты „Метрополитен-опера“ сразу становились амбициозными: дескать, по отношению к Ланца это еще вопрос. Часто стихийная и всепобеждающая сила таланта Ланца разбивала в пух и прах всяческий снобизм оперных певцов и они восторженно и, надо полагать, искренне говорили Марио о том, что хорошо бы ему на этом фильме закончить кинокарьеру и перейти к главному призванию всей его жизни - опере.

Марио сердечно благодарил за дружеские пожелания, но отговорка оставалась прежней: он не готов для „Метрополитен“, он еще молод, и у него все впереди. И вновь ссылался на опыт Карузо.

Среди многочисленных похвальных рецензий и статей о Ланца - Карузо были и такие, которые пытались высмеять актера, приписав ему „комплекс Карузо“. Да, Ланца любил возвращаться в разговорах к излюбленной теме о Карузо; да, он продолжал и после съемок рассказывать в старомодном костюме легендарного певца, вращая тростью, модной в 20-х годах. Конечно, все это придавало ему эксцентричность. Но мало кто мог понять до конца душу Ланца. Ему просто не хотелось сразу мгновенно скинуть с себя этот приятный груз великой роли. Его подетски увлеченная натура радовалась такому большому успеху. Ведь ему, простому парню из Филадельфии, с

детства боготворящему Карузо, выпала честь первому сыграть в кино своего великого кумира. И главное, так успешно.

Ланца всячески пытался продлить это счастье удачи. Многие этого не воспринимали. Нужно понимать большого артиста. Понимать и прощать, как прощают прихоти любимого ребенка...

В поведении Марио была еще одна важная черта артистической натуры. Та, что отличает великого артиста от ремесленника этого цеха. Эта черта-искренность. Искренность вообще одно из лучших качеств любого человека. И особенно это ценно в мире искусства, где истинные мысли и чувства, как бы по игровой инерции сцены, часто глубоко прячутся. На поверхности остается лишь искусная игра (игра в жизнь - худшая из человеческих игр), а значит - обман. Рано или поздно открываются забрала и срываются маски этих „вечных актеров“.

Такие открытия приносят нам горечь разочарования.

Если скользнуть взглядом поверх облика Ланца, вряд ли поймешь его душу, несмотря на то что она всегда отличалась чрезмерной открытостью, граничащей с „божественной наивностью“. А это оборачивалось против него, питало скандальную прессу, обожающую неординарность, доведенную до пародии, гротеска, до фарса, до откровенной лжи. „Звезд нужно разоблачать“ - вот девиз бульварной прессы. Повторю еще и еще раз: всю эту чепуху Ланца принимал близко к сердцу. Хотя, разумеется, он знал цену этому и хорошо понимал, что легенды низкого пошиба - всего лишь обратная сторона славы. Но до конца своих дней так и не мог привыкнуть к досужим вымыслам.

Разговор на эту тему мы завели не случайно. Мало выпадает на долю знаменитостей обычной человеческой радости, тихого семейного уюта. Ланца еще не успел как следует прочувствовать успех „Великого Карузо“, как сразу

же его стали терзать толпы беззастенчивых почитателей, сонм завистников и „благожелателей“, все эти газетные „удавчики, квакающие, как весенние жабы“. Настроение Марио менялось. Искренняя радость вдруг уступала тягостной депрессии. И тогда он начинал увлекаться „стеклянной подругой“. Тут же невольные ссоры с Бетти. Шум в доме, особенно плач ребенка, он совершенно не выносил... Ланца в панике покидал дом и как бродячий кот слонялся по чужим углам наедине с болью, разочарованием, одиночеством... А одиночество всемирно популярного артиста страшно. От него веет адом... Не дай-то Бог никому пережить такое... Когда неминуемо приходило чувство пустоты и раскаяния - Марио возвращался. Улыбка его была виноватой, усталые глаза печально-застенчивы. Он обнимал жену, детей, будто не видел их целую вечность... Теперь у Марио с Бетти появилась еще одна дочь. Она родилась 3 декабря 1950 года. В честь бабушки Марио ее назвали Элисой.

Глава 21 **«КОРОЛЬ В ЗАТОЧЕНИИ»**

Много надежд возлагали на эти гастролы. Они должны были развить и закрепить успех Ланца в последнем фильме. Это было рекламное турне „Великого Карузо“.

К гастролям по городам Штатов с особой серьезностью относился менеджер Ланца Сэм Уэйлер. Он предложил певцу тщательно подготовиться к ним, совершив специальную оздоровительную поездку в Палм-Спрингс. Марио мог бы здесь отдохнуть, сбросить лишний вес. А это значит - фунтов 50, не меньше. Но Ланца не имел никакого желания работать. После огромного напряжения на съемках фильма, а затем охватившей его радости по поводу триумфа певец еще не остыл. Он жаждал раскрепощения, дружеских посиделок, семейного уюта и душевного спокойствия.

Вся эта канитель с похудением Марио чертовски надоела. Сколько можно! Да, он согласен помучить себя гантелями, поразмяться боксом, попотеть в беге в этом своем прорезиненном комбинезоне... Все, что угодно, но только не диета. Да и до каких пор он должен подыгрывать публике и всем этим воротилам из Голливуда. Теперь Ланца - звезда номер один. Своими фильмами он доверху набил казну кинокомпании. Не только его игра и его пение, - он сам стал всенародным шлягером.

- Пусть теперь меня принимают таким, какой я есть, - не только думал, но и говорил вслух Ланца.

Любой артист - что уж говорить о таком выдающемся! - имеет право на отдых. Тем более после окончания столь важной работы. Хотел этого и Ланца. „Великий Карузо" снят. Разве нельзя расслабиться: принять гостей, подурачиться, отведать вин, закусок, в чем наш герой знал толк? А тут снова режим, чтобы удержать за хвост славу, опять и опять битва за форму, чтобы непременно нравиться. Да и не просто кому-то - всем!

В доме на улице Лас-Палмс шум не стихал; разогретая компания, ведомая неукротимым Ланца, перекочевывала из дома в окрестные рестораны, пирушки затягивались далеко за полночь...

Словом, работать Марио хотелось все меньше и меньше. Настроение наконец повергло его в совсем нерабочее состояние, и тогда уж менеджер мистер Уэйлер безнадежно разводил руками и недоуменно вопрошал: что же делать? Он хорошо знал характер Ланца.

Приходилось советоваться и думать за спиной певца. Уэйлер уповал на здравый смысл и авторитет Каллиникоса. Концертмейстер, естественно, был заинтересован в гастролях: понятно, что для него это был шанс и заработать, музицируя со столь знаменитым исполнителем, и прославить свое имя, работая рядом с великим артистом.

Голос маэстро звучал жестко и раздраженно:

- Марио должен совершить это турне. У него контракт! И у меня, кстати говоря...

- Я все знаю, Коста, - устало отвечал менеджер, - но ты по смотри на него... Марио не может ехать в таком виде и с таким настроением.

После паузы Сэм Уэйлер начинал объяснять Каллиникосу про какое-то „возмещение убытков“, если турне все-таки сорвется, о возможной выплате части гонорара... Каллиникос был близок к отчаянию: все его планы и надежды, да и вся карьера музыканта могли рухнуть из-за характера Ланца. Это ужасно, когда твоя судьба зависит от кого-то другого... Он был привязан к Ланца, как пес бывает привязан к своему хозяину поводком (да простится такое сравнение).

Несколько дней продолжалось напряженное и мучительное неведение. И вдруг на зыбком и неверном горизонте ожидания возник сам Ланца. Раздался телефонный звонок. Прозвучал усталый голос Марио:

- Я согласен, Коста, поработать над формой. Мы совершим это турне... Мне кажется, совершим...

И хотя тон разговора был несколько робок, в нем прослушивалась надежда, а главное, желание переступить через себя.

Марио взял себя в руки. Мгновенно из беззаботного бражника превратился в спартанца. Открылись двери спорту. Марио даже поддался диете. Только подумайте, что стоило человеку, буквально вкушавшему пищу богов, опуститься до помидорных ломтиков, вареных яиц и какого-то обезжиренного молока! Спать Марио укладывался теперь в 10 часов вечера, вставал в 8 утра. С Терри уходили они в горы. Бег в горах - нечто невероятное. Марио сносил и это. Он словно нарочно истязал себя как монах. Ежедневно они с Терри молотили друг друга в боксерских перчатках. Робинсон утверждал, что из Марио вышел бы превосходный боксер. А Терри знал толк в подобных делах.

Что ж, если человек талантлив, он талантлив во всем.

Помимо спортивных достижений Ланца отличался способностями к живописи. В эти напряженные дни как бы для резкой смены занятий он любил порисовать. Живописью он увлекался с детства и к тому времени писал картины вполне профессионально. Не забывал, разумеется, и музыкальные занятия. Утром и вечером вместе с Костой Ланца по несколько часов репетировал у фортепиано.

Надо сказать, что „преображенный" Марио вовлекал в свой режим буквально всех, кто его окружал. Ну зачем, скажем, бегать Каллиникосу, да к тому же в этом дьявольском резиновом мешке? Бегал, потому что понимал: Марио нужна компания, нужны малые жертвы друзей. Каждый из близкого окружения Ланца знал, что завтра певец воздаст сторицей за любую помощь, да и просто так, без всякой услуги, от превеликой щедрости своей души одарит каждого, кто окажется рядом, друга ли, недруга... Когда он начнет работать во всю силу...

16 февраля 1951 года в городе Скрантон началось это ответственное турне. Замелькали городка и штаты: отсюда, из обиталища „Эр-Си-Эй Виктор" - в Нью-Йорк, из Нью-Йорка - в Иллинойс... Потом Флорида, Калифорния, Канзас, Небраска... Размах гастролей истинно американский. Шлейф успеха летит следом за певцом. Реклама делает свое дело. Спекулянты - тоже. Билет стоит 5 долларов. Это официальная цена. Их продавали в десять раз дороже.

Рецензии наполнены восторгом; по американским традициям не забывалась и материальная сторона: все спешили сообщить, что гонорары мистера Ланца - самые высокие в Штатах.

Жаждущих услышать и увидеть „суперзвезду XX века" было много больше, чем мест в концертных залах. Менеджеры фирмы „Коламбия Артисте" весьма желали бы, чтобы Ланца выступал и на стадионах, и на прочих крупных

площадках. Пока Марио пел для нескольких тысяч, но чтобы удовлетворить всех, он должен петь для сотен тысяч, для миллионов!

По контракту, который в Соединенных Штатах обычно подобен складно сбитому сценарию, было оговорено посещение и некоторых культурных и торговых центров, салонов грамзаписи, где певец должен был оставить автограф на своих пластинках. Салоны, разумеется, были заранее оповещены. И как только Ланца переступал их порог... Каллиникос говорит об этом одним словом: „Кошмар!" Здесь не сидели разве что на люстрах и форточках. Море женщин распирало салонные берега... Не будем пересказывать в который уж раз то, что бывало в подобных „пожарных" случаях с нашим счастливым несчастным героем.

А Марио все еще мог не только сдерживать, но и покорять своей невозмутимостью и физической сопротивляемостью напор толпы. Его „вечное" перо мелькало над конвертами пластинок и собственными фотографиями, на лице обворожительная и часто озорная улыбка (а фотографии тут как тут!), сквозь гвалт порой проносилась меткая его реплика, вроде этой, произнесенной в одном музыкальном салоне:

- Я думал, что самое шумное место в мире - это Таймс-сквер, но здесь еще почище!

Не знаю, было ли в этих разработанных до мелочей контрактах оговорено пение певца в непредвиденных обстоятельствах. В салоне при виде певца все рты невольно раскрывались и хором произносилось неизменное и банальное, что Ланца приходилось слышать столько раз за свою жизнь: „Спой, Ма-ри-о!"

Марио не знал, что делать. Петь или улыбаться? А может, его голос вроде пожарного брендспойта? Может, толпа тогда и утихнет, если ее окатить звуками? Он начинал

петь, но не слышал, какие звуки у него летели из горла. Он обладал одним из самых мощных голосов в мире, но его не слышно было в двух шагах. Да и многим, буквально ошалевшим от близости своего кумира, было не до красоты пения. Нестихающий шквал голосов; истошные просьбы разновозрастных поклонниц: „Марио, будь моим любимым! Марио, поцелуй меня!“

Ланца вообще-то относился терпимо к подобным излияниям: ну что тут особенного? Отчего не поцеловать? Экая невидаль... Но тут, сдавленный, как мешочник в автобусе, он с веселой мрачностью думал: „Как же вас, красавицы, много!“

К тому же он был утомлен от шума поклонниц, которые мешали спать, ходить, есть, думать или просто ни о чем не думать. Осаждались не только входы в отели, но и двери в номер. Всю ночь за дверью возня, переговоры, вскрики, смешки, стук каблучков, который часа в три ночи был подобен молоту. Марио начинала донимать бессонница, а это значит, что на следующий день одолевала вялость, плохое настроение, раздражение.

Как-то, ворочаясь в постели с боку на бок от шума в коридоре, он злобно прорычал Каллиникосу:

-Давай подожжем этот чертов отель!

-Это не поможет, Марио. Они начнут тебя спасать, - зевая, отвечал друг, деливший со своим „хозяином и кумиром“ бремя популярности.

В такие вот бессонные ночи, в мучительной полудреме Марио пробовал отвлечь себя приятными воспоминаниями. То он думал о звонке вице-президента Элбена Баркли, который просил его спеть для президента Трумэна. Главе Белого дома особенно нравились две вещи из репертуара Марио: песня „Будь моей любовью“ и ариозо Канио из „Паяцев“. Президент слышал их как-то в радиопрограмме Хедды Хоппер, журналистки, необычайно симпатизировавшей певцу. Что же, у президента

демократический вкус: песня „Будь моей любовью" пришла по душе миллионам американцев, да и не только американцев... Фирма „Эр-Си-Эй Виктор" наградила Ланца за эту песню Золотым диском. Это рекорд в истории звукозаписывающей компании. Еще ни одна пластинка какого-либо певца не продавалась в таком количестве. На церемонии вручения Золотого диска в Голливуде присутствовали родители Марио, его семья, а также Рэй Синатра (двоюродный брат Фрэнка Синатры), который подготовил эту запись...

Чаще же в такие минуты без сна Марио одолевали тяжелые мысли. Что-то не совсем так складывалось у него в жизни. Какая-то сила, незримая и цепкая, ограничивала или как бы направляла его шаги, будто он не человек, а паровоз, летящий по рельсам. Он, Марио, рад бы сойти с этой дороги. Да не может. Его поезд катит дальше и дальше, мелькают сцены, рампы, месяцы, годы, словно станции, шумные и пестрые перроны, на которых лица, цветы, голоса, крики. И руки, море рук, жадно тянущихся к нему, в опасной близости... А поезд все никак не остановится на той станции, где Марио вышел бы и остался навсегда, потому что именно там главное дело его жизни...

Вспомнились письма Энрико Розатти. Старый маэстро упрекал своего ученика за тот путь, который он, Ланца, избрал. Это мучило, причиняло боль, которую Марио хотел бы забыть. „Пока ты будешь петь, где бы ты ни был, ты должен работать, работать и работать!" Это так, маэстро. Он согласен. Но как обмануть судьбу? И как победить себя? И обстоятельства, которые часто сильнее... Вот если бы поговорить с учителем по душам, объяснить ему... Контракт с Голливудом, обязательства, слава, деньги... Все это преодолимо. Время, маэстро, еще немного, и он выберется из этой дьявольской колеи, избавится от этого назойливого блеска, режущего глаза... Последнее письмо старого Розатти - такое же строгое и невозмутимое. Марио помнит в нем каждую строчку, каждую запятую. „Ты должен знать, что

сейчас ты еще не Карузо и, возможно, им никогда не станешь. Но если ты будешь работать над собой и над своим голосом, то ты можешь стать не Великим Карузо, а Великим Ланца!"

А гастрольный вихрь мчит дальше Ланца и его „свиту" по городам ликующей Америки. Кочевая жизнь артиста непомерно трудна. Тут и маленькие развлечения - утеха. Здесь необходимы и шутка, и розыгрыш.

Марио уж и не помнил, сколько раз за это турне ему приходилось публично объявлять об очередном дне рождения Терри Робинсона. Дело в том, что его друг и помощник во время концерта продавал по 50 центов программки. Вот Ланца и решил ускорить эту их скромную торговую операцию.

В один из вечеров в день рождения Терри Марио после исполнения очередной песни поднял руку и попросил у почтенной публики внимания.

- Леди и джентльмены! У нас уже целая куча предложений на бис. Постараюсь исполнить все ваши просьбы... Но я прошу вас сделать кое-что и для меня. Сегодня день рождения моего славного друга Терри Робинсона. Это тот симпатичный парень, который продает программки в вестибюле. Сделайте ему подарок, купите у него эти программки.

Все программки были мгновенно раскуплены. Марио был рад, как дитя... Каллиникос вспоминал, что в результате дней рождения у Терри было больше, чем клавиш фортепиано.

И несколько гастрольных штрихов почерпнем из воспоминаний самого Терри Робинсона.

- Однажды вечером в Майами, в театре, где пел Ланца, вышли из строя кондиционеры. Марио, как всегда, не растерялся: „Разве не превосходен этот зал? Но приношу свои извинения за то, что кондиционеры не работают, и за

причиненные в связи с этим неудобства. Знаете что, уважаемые дамы, снимайте-ка ваши туфли. А вы, господа, расслабьте ваши галстуки. Я ослаблю свой, и мы все отдохнем, а я вам спою".

Во Фресно, штат Калифорния, Ланца в сентиментальном расположении духа сказал мне: „Ты знаешь, я ведь никогда не видел своей публики вблизи. Давай возьмем такси, подведем ко входу и будем смотреть, как она входит в театр".

Такси остановили напротив. Ланца (он был на заднем сиденье) обратил внимание на людей с костылями и инвалидов в креслах-колясках.

- Поди скажи администратору, чтобы этим людям выделили места в первых рядах. Пожелание Ланца исполнили. Он был доволен...

День 12 марта 1951 года, пожалуй, был самым волнующим для Марио Ланца. Маршрут турне привел его в родную Филадельфию. Здесь должен был состояться концерт в знаменитой Академии музыки, где его когда-то услышал и благословил на профессиональную сцену дирижер Сергей Кусевицкий.

Было, правда, одно обстоятельство, которое делало пребывание Ланца в родном городе немного неуютным, напряженным. Ему все еще казалось, что в Филадельфии к нему относятся с недостаточным вниманием и уважением, что есть еще обиженные земляки. Причиной тому был недавний случай, который неожиданно обернулся неприятной историей.

Дело было так. Крупнейший американский журнал „Модерн Скрин" решил напечатать большое интервью с исполнителем главной роли в фильме „Великий Карузо": узнать подробности жизни Ланца в Филадельфии, расспросить о том, как он пришел к своей феноменальной славе, и, конечно, о работе над ролью великого Карузо.

Так в доме Ланца появился репортер, отличался гостеприимством. Встретил он гостя не какой-то дежурной светской чашечкой кофе, а кое-чем покрепче. Так что беседа быстро превратилась в застолье. Пошли тосты, разговор свернул с официальных рельсов, потек по руслу настроения, свободно перескакивая с пятого на десятое. В беседу включился Терри Робинсон - у него тоже возникло желание рассказать о своем детстве. А детство его проходило в суровом и беспокойном районе Бруклина, где он жил до четырнадцати лет. Рассказал он о бандитах и гангстерах той печально знаменитой местности Нью-Йорка. Наутро в хмельной голове репортера была настоящая каша. Материал вышел с чудовищными ошибками. К рассказу Ланца примешались слова Робинсона. Согласно этому интервью, похожему на кентавра, Марио провел трудное детство в Филадельфии, где чуть ли не каждый житель был мафиози. Выходило, что "Малая Италия"- самый страшный, самый мрачный город в Штатах.

Представьте себе гнев филадельфийцев, прочитавших свежий выпуск „Модерн Скриня". Они гордились своим знаменитым земляком. В ярость пришли даже близкие друзья Марио, знавшие его с детства. Все обличали его в подлой измене. Толпа оскорбленных двинулась к бакалейной лавке деда Сальваторе. В окна полетели тухлые помидоры и камни. Вслед за ними слова: „лгун", „клеветник", „подлый изменник", „плевать на его талант", а также „плевать и на нашу любовь к нему, мы растопчем ее и испелим..." Земляки Ланца, как, впрочем, и наш герой, были чертовски темпераментными. Их любовь возносила до небес, но гнев ниспровергал до врат ада... Кто-то на виду у всех даже разбил несколько пластинок Марио.

Ланца удивила реакция филадельфийцев. Неужели они не верили ему? Но, как бы то ни было, путаница интервью слетела с журнальной страницы и больно ранила в самое

сердце его земляков. Пошли гневные письма. В иных содержалась чудовищная угроза - похитить Коллин. Марио и Бетти не на шутку испугались. Дело принимало весьма драматический оборот. В доме был вынужден поселиться „телохранитель" Терри Робинсон. Он спал на раскладушке в гостиной Ланца, откуда хорошо просматривались входная дверь и лестница, ведущая к спальне. Была предупреждена полиция, вокруг дома поставлена охрана. Посылки и письма проходили досмотр саперов...

Короче, начался переполох. Марио стал сомневаться в преданности друзей дома.

Вот тебе и звездный час!

Пришлось действовать. Сначала Ланца пишет покаянно-объяснительную телеграмму в журнал „Южная Филадельфия Америкэн". Вслед за этим опростоволосившийся „Модерн Скрин" публикует рассказ Ланца, названный „Мой родной город"...

Это был урок не только для того незадачливого репортера, но и для героя интервью. С тех пор Ланца стал опасаться любых бесед с газетчиками. И откровенничал он только с проверенными временем и делами корреспондентами.

Последняя точка в этой истории - визит Ланца на родину. Он приехал в Филадельфию вместе с Робинсоном. Родина простила его. Таков нрав у его замечательных земляков, в крови которых, как и у Марио, также много детской непосредственности, любви и ненависти, а главное - справедливости и преданности духу родины... Его встречал мэр города, радостная толпа сопровождала своего любимца, который, будто блудный сын, возвратился в родные пенаты. На огромных транспарантах слова: „Добро пожаловать домой, наш дорогой Марио!"

Он уезжал из родного города с грустью, сердечно прощался с друзьями, близкими и родными, словно расставался навеки с милым детством. Его ждал Голливуд. Его ждал „Великий Карузо“...

И вот новая встреча с родным городом. Она оказалась счастливой. Его горячо встречали. Да и Ланца постарался показать землякам самое лучшее, на что он способен...

Нечего и говорить стом, что не все желающие могли попасть на выступление знаменитого соотечественника. Многие просто обращались к Марио, что называется, по старой дружбе... Как-то певец привел с собой на концерт свыше четырехсот друзей. Куда их посадить? В зале - аншлаг. Разве что на сцену? Первую половину программы Марио пел лицом к залу. После антракта он вышел на сцену и сказал:

-Дамы и господа! Весь вечер эти люди, сидящие сзади, видели только мою спину. Вы не возражаете, если я повернусь и буду петь сейчас для них? Его друзья были очень довольны.

Так что, кажется, никаких обид Марио не заметил и на этот раз. Филадельфийцы толпились возле дома Ланца на Мерси-стрит, просили у него автографы, дружески обнимали, Марио по мере возможности публично и очень искренне выражал свою любовь к родине своего детства. Когда всяческие церемонии и обязательства по контракту были исчерпаны, Ланца спешил в местный магазинчик грампластинок своего старого друга Петрелла. Сияющими и грустными глазами глядел он на этот маленький салон, где некогда проходили его встречи с таким прекрасным и загадочным миром музыки, где с пластинок звучал голос его кумира Карузо. Радостно и вместе с тем печально шагать по следам своего детства. И он подумал: „Да, Марио, ты снова здесь. Но ты совсем другой. А того, что было, не вернуть...“

Итак, двадцать два города США покорены. Взята еще одна вершина. Многотысячные залы и скромные салоны запомнят этот чудо-голос.

Закончим главу словами Константине Каллиникоса:

-Если бы вы видели и слышали, что происходило в 22 городах США в течение февраля, марта и апреля 1951 года, вы бы поняли тогда, как может воздействовать артист на публику. Я был там! Я видел это! Я слышал это! Я был потрясен этим! Был часто обижен, иногда терпел унижения, но, разумеется, мое имя не было Марио Ланца.

Автор вынужден ненадолго прервать маэстро Каллиникоса для комментария.

Нам остается только завидовать маэстро - очевидцу того концертного триумфа певца. Но я почему-то был уверен, что свой рассказ об этих триумфальных гастролях Каллиникос расцветит и впечатлениями чисто музыкальными: что пел Ланца, как пел, что нового слышалось в его искусстве? Ведь Марио был в зените славы. Возможно, впечатление от пения Марио было для его аккомпаниатора столь ошеломляющим, что маэстро посчитал излишним вдаваться в музыковедческий анализ, требующий больше ума, чем сердца. Силовое поле успеха - вроде гипноза. Можно все слышать и все видеть, но объяснить ничего нельзя. Или дело в другом? Чтобы оценить истинный размах гигантского здания, необходимо расстояние. Каллиникос находился все это время так близко к Ланца, что впечатления его чаще ограничивались случайными, хотя и укрупненными деталями или просто всплесками восторженных чувств.

Каллиникос продолжает:

- Ланца в эти месяцы превзошел себя. Общее впечатление от гастролей выразил солидный журнал „Тайм“: „Даже Карузо не был так обожаема и не внушал такого поклонения, какое вызвал Марио Ланца во время гастрольного турне“.

Когда я вспоминаю это турне „Великого Карузо“, я вижу толпы народа, в каждом городе - усиленные наряды полиции, охраняющие Марио Ланца, иначе он был бы раздавлен беснующимися поклонниками; беспрерывные визиты официальных лиц и приветственные церемонии, нескончаемые пресс-конференции, к которым Ланца всегда питал отвращение; бесконечный ажиотаж вокруг него, подглядыва-ние в замочную скважину, непрошенные вторжения в его артистическую комнату, необходимость терять время после каждого концерта, ожидая, пока толпы рассеются; возвращение в отель за полночь; обрывание пуговиц и похищения носовых платков... Ланца превзошел все мои ожидания!

Выглядел он превосходно: атлетического сложения стройный, энергичный, элегантно одетый - Марио любил носить темно-синий костюм, с золотистыми полосками галстук, черное, пригнанное по фигуре пальто, черные туфли, серые носки, серые перчатки и серый шарф.

Он был притягательным в любой толпе. Когда он стоял на сцене и пел, он был просто великолепен!

Ланца был кумиром, идолом толпы, но никому и в голову не приходило, что в то же самое время Марио гнетут растерянность и одиночество. Его тяготило положение знаменитости. Временами он позволял себе стать мишенью в диком напоре толпы. И он никогда не хотел мириться с вынужденной изоляцией, которая неволью наступала после того, как он кончал петь. Эта изоляция действовала на него угнетающе. Он никак не мог понять, почему его держат взаперти, как узника, выпуская только на концерты...

Сидя в номере отеля, который он теперь не покидал за исключением дней своих концертов, Ланца имел достаточно времени для размышлений. Он думал о себе, и бесконечные сомнения одолевали его. Он искал вокруг врагов, сомневался в друзьях.

И в самом деле, Марио Ланца никогда в своей жизни не был по-настоящему счастлив. На протяжении турне он считал себя самым высокооплачиваемым узником в мире.

Глава 22 ПО ВОЛЕ КОНТРАКТА

Луиса Майера торжественно проводили на покой. Его место унаследовал некто Дор Шери. Этот человек, словно нить в лампочке, светился самодовольством, часто переходившим в самолюбование. Был он к тому же категоричен и безапелляционен. Свое мнение ставил как точку или печать -превыше всего, превыше всех. Он пришел в „МГМ" в пик успеха Марио Ланца, и, естественно, певец стал объектом пристального внимания и изучения нового босса студии. Разумеется, сразу же поспешили сообщить ему в подробностях о капризах суперзвезды и о том, что бывший хозяин Луис Майер находил-таки ключ к стихийному норову Ланца. Мистер Шери с нетерпеливой внимательностью слушал подобные объяснения, усмехался и говорил свое категоричное:

- Видывал я и не таких звезд за свою жизнь. И терпеть капризы таких сумасшедших мальчиков, как Ланца, не собираюсь...

Но говорилось это больше для острастки, чем для дела: Шери был опытным бизнесменом, и закрывать золотую жилу он не намеревался.

Певец в то время еще был на гастролях по городам Штатов. К его приезду было задумано подготовить сценарий нового фильма.

Марио вернулся. Он все еще жил в атмосфере триумфа, но жесткие рамки киноконтракта не давали возможности отдохнуть. Этой всесильной бумаге чуждо понимание того, что артист измотан изнурительными переездами из города в город и что нужно просто

отоспаться, беззаботно пожить в кругу семьи. Нет, для делового Голливуда это непозволительная роскошь - медлить со звездой, лучи которой достигли всей планеты.

Джо Пастернак пытался быть терпеливым. Он ходил по своему кабинету, глядя то на Ланца, то в окно. Послеполуденное солнце расцвечивало венецианские шторы. Продюсер не любил, когда с ним долго и упорно не соглашались. Он привык диктовать сам, не отступая от задуманного ни на шаг. Сценарий созрел. Сюжетные линии выверены. А герой... Герой, как это уже бывало не раз, хоть в каких-то чертах должен напоминать самого артиста, Марио Ланца... Пастернак остановился возле певца. На Ланца все еще были приметы облика Карузо... Котелок, тросточка, старомодного покроя костюм. Продюсера это немного шокировало. Да и не только его одного. Вдуматься в причину подражания Карузо не было времени. Голливуд не дает времени для лишних раздумий. Фильм о великом Карузо - пройденный этап. Дальше... Дальше по воле контракта... Джо Пастернак чуть тряхнул головой, словно хотел сбросить наваждение. Надо взять себя в руки, настоять на своем, новый босс мистер Дор Шери - на его стороне... Вместе они смогут сломать капризы Ланца.

-Ну, скажи, Марио, что ты хочешь?

- Я пока ничего не хочу.. Вы мне расскажите содержание нового фильма и что следует мне играть, а я вам скажу, что я думаю об этом.

Ланца был раздражен и непреклонен. Что за черт! За его спиной сочиняют всякую чепуху. Понятно, если бы он был простака в этом деле, но ведь это не первый его фильм. Можно было бы и посоветоваться. Хорошо, пусть мистер Джо Пастернак расскажет подробнее.

Идея фильма принадлежала продюсеру. Оттого-то он и настаивал на ее реализации. Сюжет был явно примитивным, обыгрывался армейский этап биографии Ланца. Но, конечно, ничего общего с тем, как и где нес службу наш

герой. И вовсе не учитывалось известное, неприязненное отношение Ланца к воинским порядкам, дисциплине, муштре и прочему. Но Ланца служил. Это было... Значит, следует обыграть и это.

Сюжетный мотив таков: молодого певца из „Метрополитен-опера“ родина призывает в армию... Эти слова, произнесенные Пастернаком, возмутили Марио. Почему именно „Мет“? Какое кощунство! Или они не знают, какое у него святое отношение к этой достойной оперной сцене, приход на которую он откладывает по достаточно веским причинам. А тут „Метрополитен-опера“! И зачем его солисту понадобилось служить в армии? Конечно, долг есть долг. Но здесь, кажется, явная натяжка. Легкомысленный ход... И этот примитив нужно играть вслед за „Великим Карузо“... Ну да ладно, что там еще они придумали?

Итак, призыв в армию, разумеется, расставание с любимой и ангельски совершенной девушкой, мытарства с армейскими порядками, которые, правда, вскоре певцу-новобранцу начинают чуть лине нравиться, и он становится образцовым воякой. Действие картины должно происходить то на сцене оперы, то в солдатских казармах, в радиостудии и на концертной эстраде.

Рассказав сюжет, Пастернак добавил:

- Я думаю, что мы попадем в цель. Сюжет - для тебя.

Твои поклонницы теперь полюбят тебя как простого солдата. Им понравится армейская форма на любимом певце... После войны прошло не так много времени, и я думаю, роль солдата будет напоминанием о недавнем героизме...

Ланца резко встал из кресла, сверкнул глазами, прищурился. Это было его обычное выражение гнева. Он стал ходить по комнате, тяжело переводя дыхание и ударяя рукой об руку, - его привычный при возбуждении боксерский жест.

- Мистер Пастернак, я не ослышался?! Вы хотите после „Великого Карузо" предложить мне играть эту дребедень? Вы посмеете заставить Карузо служить в армии? Я не думаю, что Марио Ланца когда-нибудь пойдет на это!

Джо Пастернак не уступал. Он приблизился к Ланца. За его спиной все-таки контракт, у него опыт голливудской „дрессировки" непослушных светил. В его голосе появилась нота раздражения.

- Ты хочешь играть самого Бога? Я предоставлю тебе эту возможность. Но... - Он потряс перед самым лицом Ланца ворохом сценарных листов. - Но сначала ты исполнишь роль солдата. По контракту ты обязан...

Ланца, не дослушав продюсера, хлопнул дверью. Он постарается объяснить с новым боссом. Но по дороге к нему Ланца остыл. Мистер Шери не производил на Марио благоприятного впечатления. Его теперь понял бы и поддержал только один человек во всем Голливуде - мистер Луис Майер. Но, увы. Старик навсегда покинул свое беспокойное „золотое гнездо".

И все-таки Ланца пришлось подчиниться. Работа шла туго, нервно. Битвы на съемочной площадке не утихали. Сломать настроение Ланца не удавалось никому. Если уж ему что-то сразу не нравилось, то не нравилось ему и все остальное. Невзлюбил он и свою партнершу по фильму певицу Дороти Морроу (он хотел сниматься с суперзвездой Ланой Тэрнер), и от этого больше всего доставалось любовным сценам, которые приходилось снимать по многу раз. Он сопротивлялся как мог. Фильм Марио тянул, как самолет на автопилоте через сплошной туман. Дотянул он до финиша только благодаря профессионализму. Разве что была хороша музыка, особенно чудесная песня Ники Бродского, названная так же, как и этот, по словам Ланца, „фильм-

хлам", - „Потому что ты моя". Собственно, расчет и был на музыку, на пение Ланца и его экранное обаяние.

Осмелюсь сказать свое мнение по поводу фильма „Потому что ты моя". До недавних пор я не видел этой картины, так же как не смотрел и последующих: „Семь холмов Рима" и „Серенада в Мексике". В нашей стране на экранах они не шли, в видеокассетах за границей не продаются. Но в недавней своей поездке в Америку мне довелось познакомиться с другом семьи Ланца - Винсентом де Финн. Винсент и его жена Антуанетта добрейшие люди, а их гостеприимный дом-поистине музей Марио Ланца. Личные вещи певца, клавиры, пластинки, скульптуры, фотографии... Кажется, им нет конца... как нет конца обаянию этих двух американских итальянцев и их преданности памяти Ланца. В этом доме я и увидел все фильмы с Марио Ланца.

Должен сказать, что фильм „Потому что ты моя" мне понравился - он с тонким юмором, с развлекательным сюжетом и прекрасной музыкой... Видимо, Ланца еще „жил" в „Великом Карузо", и поэтому картина не воодушевила его. Но вернемся к тем дням.

Съемки затянулись на полгода, недешево обошлись и „МГМ", и Ланца. И все-таки, как бы по инерции, показ поющей кинозвезды первой величины дал студии и на этот раз достаточную прибыль. Фильм получил по официальной шкале качества две звездочки. „Великий Карузо" - три с половиной. Вот что значил авторитет кинозвезды, но главное - голос Ланца.

Опять усталый, раздраженный, Марио почувствовал одиночество. Это было одиночество в толпе. Он стал раним к случайным словам друзей, мнителен в отношении собственных финансовых дел. Ничего удивительного. Вокруг певца было столько нахлебников, начиная с

налоговых служб, отбирающих от его миллионов четвертую часть, и кончая разросшейся прислугой.

Стали слишком раздражать его и действия менеджера Сэма Уэйлера. Его „правая рука“ по части финансов оказалась нечистой. Уэйлер вместо объяснения предпочитал скрываться или играть в молчанку. По мнению Робинсона, Уэйлер позволял себе некоторые махинации в делах певца.

Подозрительность, сопряженная с нечеловеческой усталостью от работы на износ, довела отношения Ланца с Уэйлером до критической черты. Часто возникали ссоры, которые вскоре закончились неизбежным разрывом. Было заключено новое соглашение: Уэйлеру полагалось отныне получать 5% от всех гонораров Ланца в течение 11 лет.

Студия в лице Шери и особенно Пастернака стала для Ланца вроде мулеты для быка. Марио становился по отношению к ним все более враждебным, недоверчивым, мнительным. В такие напряженные дни смертельно усталому человеку нужна помощь со всех сторон: со стороны дома, родителей, друзей, коллег. По сути, ему нужен был лишь один полезный друг-отдых. Отдых как отвлечение от бешеного творческого ритма, как увлечение чем-то простым и вечным. Но нервы были настолько напряжены и оголены, что вряд ли и отдых мог теперь ему помочь. Впервые у окружающих Ланца появилась мысль о том, что теперь Марио без помощи психиатра не обойтись. Сам же он и теперь, и позже, когда пришлось все-таки начать встречи с врачами, в панацею медицины не верил. И это было очень на него похоже...

Глава 23 **«ЧУДЕСНАЯ СКАЗКА РАФАЭЛЫ»**

Собственные боли и недуги отводит чужая беда...

Ее звали Рафаэла. У нее было два брата и три сестры. Жила она в Нью-Йорке, штат Нью-Джерси. Отец ее работал

мастером по холодильным установкам. В их шумном доме Рафаэла была самой задумчивой. Ее сердце, как ни у кого из близких, отзывалось всему прекрасному и доброму. Ее хрупкость и грациозность, кроткие, льющие тихий свет глаза покоряли окрестных мальчишек. При ней они робели, без нее по-рыцарски хранили ее чистый облик.

А Рафаэла отдала свое сердце другому...

Кажется, это звучит несколько наивно и даже банально. Но что делать, это было действительно так.

Одиннадцатилетняя девочка боготворила человека, который намного ее старше. Более того, он был для нее недосыгаем. Его знал весь мир. Ее, Рафаэлу, не знал никто.

Она закрывала глаза и видела Голливуд. Видела таким, каким рисовало ей воображение... Городом-сказкой с фонтанами и аллеями чудес, по которым неспешно с пестрыми зонтиками от солнца и смешными пуделями прогуливаются герои экрана. В центре сказочного города - замок на хрустальной горе. Он так высок, что выше него только небо. В саду того замка поют птицы...

Но вот из окон донесся чудесный голос. Даже птицы умолкли, уступив место певцу. Это принц. Такие голоса бывают только у принцев. Он красив, добр, справедлив...

Рафаэла впервые услышала Марио Ланца и подумала, что это сон. Сон наяву продолжался до самой беды. До самого конца.

Это всегда бывает неожиданно. Хотя таковы и жизнь, и смерть. И часто с теми, кто больше других имеет право жить на земле. Болезнь оказалась неизлечимой... Лейкемия. Ее не умеют лечить до сих пор.

О болезни сказали родителям. Они с замиранием сердца смотрели на дочь, не видя в ней никаких зловещих признаков. И тем не менее безжалостные дни неотвратимо приближались. Не более года...

Отчаяние действительно. Оно поднимает на решительный шаг. Рафаэла должна узнать счастье, прежде чем... И это будет справедливостью, дарованной Богом. Но нужно уговорить „Бога“. Таким Богом для Рафаэлы был Марио Ланца из далекого Голливуда.

И мать Рафаэлы решилась. Она позвонила в Калифорнию. К телефону подошел Терри Робинсон. Миссис Фазано все ему рассказала.

Терри сначала подумал о том, что это обычный звонок от сумасшедших поклонниц. Причин для подобных выводов хватало. И все-таки что-то было в голосе этой женщины, в сбивчивом ее рассказе... Терри не бросил трубку.

-Но что может сделать мистер Ланца? Чем он поможет вам? - спросил он участливо.

- Не могли бы вы попросить мистера Ланца, чтобы он только поговорил по телефону с дочкой. Больше ничего не нужно.

Не хочется и не будем говорить уже в который раз об отзывчивости Марио Ланца. Не нужно говорить об очевидном, о том, что, скажем, море большое или солнце яркое.

Ланца не поступил бы иначе.

Он позвонил незамедлительно. Трубку передали больной девочке. Это были для нее минуты неземной радости. Сам Марио Ланца говорил с ней своим голосом. И смеялся, и шутил с Рафаэлой... И пел только для нее. И радовался, что девочка знает, как зовут его дочек, да и все-все знает про Ланца, про фильмы и песни, и о чем певец мечтает... Даже миссис Бетти успела поговорить с ней. Какая она милая и добрая, жена Марио Ланца! „Как я чувствую себя? - Рафаэла запнулась, глубоко вздохнула, так, что ее дыхание стало слышно за столько миль.-Я чувствую себя наверху блаженства!“

А потом опять взял трубку Ланца и спел Рафаэле рождественскую песню „Silent Night“

Тихая ночь, светлая ночь.
 Все молчит, все сверкает
 Вокруг юной девы-матери
 И младенца.

Невозможно, наверное, описать, как слушала любимый голос девочка и что переживала в эти минуты. А что чувствовал Марио Ланца?

Святой младенец,
 Кроток и нежен,
 Спит в небесном покое.

И Марио не выдержал, голос его дрогнул, сорвался... Спасительно упала на рычаги трубка. Разговор окончен.

Он в сильнейшем волнении оглядел всех, кто был рядом. В глазах его блестели слезы. В них - растерянность и боль. Это выше его сил. Да и у кого их достанет, чтобы петь обреченной девочке? Рафаэле с душой ангела.

- Я не верил, что допою песню до конца... - Он накрыл обеими руками только что замолкнувший телефон, словно боялся, что трубка снова щелкнет и он опять услышит тихий голос Рафаэлы. - Я лишь представил себе эту приговоренную к смерти девочку. Рядом со мной стояли все вы... мои дети... Это было почти невыносимо для меня. Но я понимал, что я должен допеть... И не мог..

Ланца никогда не останавливался на полпути. Он сделал больше, чем просила мать Рафаэлы. Марио пригласил девочку к себе в гости.

Приближалось Рождество Христово. Ему хотелось, чтобы этот светлый праздник с ними поделила Рафаэла.

А потом началась чудесная сказка. Самолет примчал Рафаэлу с матерью и сиделкой в Калифорнию. Отель в Лос-Анджелесе, лучший номер, пять удивительных дней счастья,

за которые можно отдать всю жизнь. Жизнь, которая уже не принадлежит человеку.

Рафаэла вступила в дом своего кумира. Как здесь хорошо и как просто! Она играла с детьми Ланца и других кинозвезд. У Рафаэлы были открытки с их изображениями. Теперь она видела многих кинозвезд и их детей так близко, как будто видела свою маму, братьев или сестер. А потом она переступила порог этой сказочной страны Голливуд. И мистер Ланца показал Рафаэле, как и где он снимается, поводит ее по всем закоулкам студии, познакомил с теми, с кем он работал. У нее сразу стало столько новых друзей! И какие все они замечательные люди! А Рафаэла отчего-то боялась их. Она думала, что это не просто люди, а какие-то гиганты, наделенные сверхъестественной силой. А они, оказывается, улыбаются ей, говорят смешные слова, пьют с ней кока-колу...

Ланца и сам не хотел, чтобы кончалась эта сказка, этот чудесный сон Рафаэлы. Но что поделаешь. Время... Самолет увез девочку домой. А Ланца с тех пор пел ей каждую пятницу по телефону. И вслед за его голосом к Рафаэле летели подарки: игрушки, сладости, цветы, пластинки, фотографии с сердечными словами певца...

В эту пятницу Марио Ланца, как обычно, позвонил Рафаэле. Трубку взял ее отец, Луис Фазано. Его голос был глух.

-Мистер Ланца, к сожалению, Рафаэла уже никогда не сможет услышать ваш голос. Она умерла вчера. Последние ее слова были о вас...

Это произошло 29 января 1953 года. Рафаэле было всего двенадцать.

Вот и вся история... Тяжелая, печальная и светлая. Правда - до последнего слова. Некоторые бойкие газеты подхватили ее, чтобы, как всегда, снять пенки с чужого горя. Какие-то газетчики усердно пытались представить эту, по их словам, сентиментальную историю как „выдумку

репортеров в рекламных целях". Можно было бы и не говорить об этом перед лицом смерти юной Рафаэлы. Рафаэла останется в сердце Марио. Он не только не будет кричать об этом в газетах и журналах, он не скажет об этом вслух никому. Беду принимают и отводят, если это возможно, делом, а не словом. А добрыми делами не козыряют.

Рафаэлу похоронили с фотографией Марио Ланца и золотым крестиком, подаренным ей певцом в те счастливые дни ее чудесной голливудской сказки.

Глава 24 **ИЗГНАНИЕ ИЗ ГОЛЛИВУДА**

Голливуд ненасытен. Звезды роем вьются над ним. И все ему мало! В машину бизнеса спешат запустить новое кинодело. Без паузы. Время - деньги...

Ланца устал? Отдохнет потом... Когда-нибудь. Никто не знает, когда. И знать не желает... Следующий за „Великим Карузо" фильм „Потому что ты моя", по мнению критики, скомкан, он явно не получился. Да и не мог получиться таким, как предыдущий. После „Великого Карузо" нужно было остановиться и внимательно обдумать следующий сценарий. Нельзя после шедевра выпускать в свет мюзикл, удерживаемый на поверхности кинематографического моря лишь чудесным пением и личным очарованием Марио Ланца. Таково мнение прессы и, главное, самого Марио Ланца.

Но Голливуд не терпит промедления. Да, не очень получился фильм. Что ж, завтра новая картина превзойдет нынешнюю. Как полагают голливудские вседержавные дельцы, зритель жаждет только нового. Звезда еще горит! Вот что важно. Звезда - это не вчера и не завтра, а сегодня, сейчас...

Потому-то, не особенно задумываясь об удачах или неудачах того, что уже вышло в экранно-кассовое

тиражирование, Голливуд уже возбужден новинкой. На этот раз на горизонте „МГМ" - музыкальный фильм на основе хорошо известной оперетты композитора Ромберга „Старый Гейдель-берг" (в американском варианте - под названием „Принц-студент"). Ланца давно мечтал об экранизации какого-нибудь большого музыкально-театрального произведения. Лето 1952 года вроде бы складывалось для Марио удачно. Оперетта прекрасна. Ланца предвкушал новую и интересную работу. Подробней ознакомившись со сценарием, певец предложил усилить его музыкальную часть новыми песнями. Они заказаны блистательному мелодисту Николасу Бродскому и поэту Полу Френсису Уэбстеру. Продюсером снова назначен Джо Пастернак, режиссером - Куртис Бернард (**Настоящее имя – Курт Бернхардт*). Дирижировать будет Константине Каллиникос.

Работа над новым фильмом, как всегда, началась с записи фонограмм. Для этого киностудия представила певцу оснащенную звукоизоляцией комнату, расположенную над баром „МГМ". Уединение Ланца для подобной работы было вынужденным. Прежде запись фонограмм превращалась в бесплатные концерты. Стоило только Ланца начать петь, как тут же к залу стекалась толпа из сотрудников студии. Грохотали аплодисменты, отовсюду сыпались заказы спеть ту или иную известную песню, певца окружали любители автографов. Какая уж здесь работа!

Студия довольно-таки умело и оперативно наладила изготовление фонограмм. Марио разучивал свою партию принца Карла-Франца, делалась очередная запись, а через несколько часов у него в руках была пластинка. Работал он с азартом. Как обычно, почти без повторных дублей. Запись получалась с первого раза. И снова, по мнению окружающих, в том числе и Каллиникоса, Ланца пел так, как будто пел в последний раз. Сколько сердца певцом было вложено в каждую запись, сколько темперамента, тепла, искренних чувств! Вели Марио интуиция художника, его

понимание вечных чувств, которыми была щедра музыкальная ткань оперетты, и новые песни, дополнившие ее музыку.

У Марио отличное настроение. Все шло превосходно. Записи готовы. Певец начинает думать о внешнем рисунке роли, отталкиваясь от фонограмм, запечатлевших арии, песни, романсы. Уже назначена встреча с режиссером...

Большой артист подобен айсбергу. Мы видим только его сияющую светом вершину. Остальная, глубоко скрытая часть - это жизнь артиста-человека. Что мы знаем о ней? Где линия правды? Истина часто скрыта. Отсюда и легенды, досужие сплетни... Настоящий художник пытается утаивать обыденную сторону жизни, чтобы не разрушать облик творчества - то, что видят и любят миллионы. Но так ли беззаботна и прозрачна жизнь Ланца?

Не все просто в семье. Бетти ждет ребенка. Беременность протекает необычайно тяжело. Чтобы пригасить боль, расслабить нервы, Бетти приходилось прибегать к транквилизаторам. Облегчение временное, после чего нервы напрягаются еще больше. Дом часто превращался в суший ад.

Все это, конечно же, не могло не сказываться на работе Ланца.

Сегодня у него хороший творческий настрой. А завтра... Завтра - пустота, раздражение, злоба. Отдых невозможен - не позволяет проклятый контракт, который подчас видится Марио гигантским вампиром, вождеденно сосущим его кровь. В эти часы неминуемы срывы...

В один из таких черных дней Марио невольно выплеснул гнев на раздраженную Бетти. Ссора превратилась в скандал. Врач дома предупредил, что, если подобные сцены будут повторяться, у жены мистера Ланца может случиться выкидыш. Гроза в доме никак не унималась. Марио в отчаянии: через час ему записываться на

грампластинку. Но как можно петь в таком состоянии? Не только петь - тут и жить не хочется... На запись он не пошел. Вместо себя отослал компании „Эр-Си-Эй Виктор" чек на 8000 долларов как возмещение убытков.

Для художника необычайно важна нормальная обстановка для творчества. Ведь творческие проблемы сами по себе-мучение. И только на них артист должен тратить огонь души. Быт должен уступить место творческому бытию. А что же творилось изо дня в день, из года в год вокруг нашего героя? Кроме семейных вспышек отвлекали и про-должали раздражать его денежные проблемы: то как с неба свалившиеся неуплаченные налоги, то недоверие к менеджеру Уэйлеру, с которым Марио вынужден был расстаться... Но разве от этого легче? Не ему же, художнику Ланца, бросаться в финансовый омут, оставив в стороне главное дело жизни - искусство.

Но настоящая гроза была впереди... Домашние заботы померкли перед тем, что ждало Марио Ланца в эти дни. Вот уж верно: беда не приходит одна.

Съемки „Принца-студента" начались. Ланца прибыл на студию для прослушивания вместе с режиссером музыкальных номеров фильма. Все вроде бы идет как надо. Но вот зазвучала песня Бродского и Уэбстера „Возлюбленная". На лице режиссера гримаса недовольства. Едва запись закончилась, Куртис Бернارد с резкой откровенностью проговорил:

- Мне не нравится ваша трактовка записанных произведений, особенно этой песни. Вы играете в фильме прусского принца. Подобный персонаж должен быть менее эмоционален, я бы сказал, холоден, неприступен. Вы же, мистер Ланца, поете слишком темпераментно и, вы меня простите, даже сексуально...

- Именно поэтому у немцев никогда не было хороших певцов! - взорвался Марио. - Какая, к черту, разница, кто вы

такой и что вы такое, когда перед вами горячо любимая девушка... И когда у вас единственный шанс: либо сегодня, либо никогда! Понимаете? Вы говорите ей об этом всем сердцем, каждой клеткой тела, и это ваше последнее слово, после которого вы, возможно, расстанетесь с ней навсегда. Только равнодушный и холодный, как сосулька, кретин может петь песню о любви спокойно!

Режиссер не изменил своего мнения. Видно, он сам был из „свиты снежной королевы". Даже после убедительных и искренне переживаемых слов певца, которого никто в мире не мог уличить в душевной фальши, мистер Бернارد с немецкой обстоятельностью, дотошностью и методичностью продолжал настаивать на своем. Марио взбесило это назойливое и, ему даже показалось, преднамеренное, расчетливое упрямство режиссера. И он хлопнул дверью.

Автору этой книги хочется держаться в повествовании „золотой середины" объективности. Но как певец я принимаю сторону Ланца. Доводы Марио совершенно справедливы. Куртис Бернارد имел время вполне изучить творчество певца. А значит, он разбирался в его артистическом темпераменте. Вялых, холодных влюбленных Ланца никогда бы не сыграл. Да и что такое подобный тип „влюбленных"? Разумеется, на свете все бывает, и если персонаж оперетты задуман вроде „рассуждающего мороженого", принца не чувства, а чванливости и манерности, то скажите, причем здесь Марио Ланца? За что любят Ланца во всем мире? Именно за его редкий вулканический темперамент, за стихию страсти и открытости. Да и откуда в голосе Ланца взяться холодности?! А ведь прекрасно знали об этом и продюсер, и новый босс „МГМ". И что же?

Мы не знаем подробностей всего разговора, случившегося вскоре в кабинете Джо Пастернака. Во всяком случае, беседа, по воспоминаниям очевидцев, длившаяся много часов, достигла градуса кипения. Нам известен лишь фрагмент этой горячей встречи-перепалки.

Ланца. Я не могу работать с этим режиссером. Мы снимаем большой музыкальный фильм, а он ни дьявола не смыслит в музыке...

Пастернак. И все-таки у меня нет повода нарушать пункты контракта. Мистер Бернارد утверждён согласно контракту...

Ланца. Контракт, черт возьми, должен служить искусству, а не наоборот... Или режиссер, или я... Немецкое „шинкен" и итальянское „спагетти" не едят вместе. Я никогда не сработаюсь с этим пруссаком...

А отступать Марио не умел. Решение принято: он объявляет бой „МГМ". Он еще посмотрит, как сложатся события...

На следующий день Марио пришел на съемочную площадку. Пришел, честно говоря, с надеждой на то, что руководство студии опомнится, уступит, примет его сторону. Ведь именно он, Ланца, одарил „МГМ" фильмами, принесшими и продолжающими приносить миллионные доходы и славу кинокомпании.

Он увидел на съемках Бернарда. Режиссер, как ни в чем не бывало, разгуливал по павильону. Марио, что называется, дрогнул душой. Это было выше его сил...

Где Терри Робинсон? Верный Терри рядом.

- Слушай, Терри, а не прокатиться ли нам на авто?

Робинсон, еще ни о чем не догадываясь, завел машину.

Сели... Куда же ехать? Терри посмотрел на друга. Его лицо было бледным. Челюсти сжаты, глаза прищурены.

- Поедем-ка за город. - Он зло усмехнулся. - И больше мы сюда не вернемся!

За машиной взвился пыльный хвост.

А на студии через час-другой разразился скандал. Ланца сорвал съемочный день! Опять этот Ланца! Полетели по закуткам Голливуда вести, зашевелилось киношное море, взбурлило...

Марио все еще надеялся на то, что руководство примет его условия, поймет, что совершает непростительную ошибку. Он все еще ждал голливудских гонцов, ждал извинений, раскаяний и прочих знаков внимания. Он и сам немного остыл. Чего не бывает. Фильм должен получиться прекрасным. Наконец, работа выше склок. Он уж постарается доказать это... Но ничего не знал Ланца о воле, упрямстве и амбициозности мистера Шери. Тут, как говорится, нашла коса на камень.

По указанию босса „МГМ“ Марио Ланца снят с картины. Согласно контракту на все его доходы наложен арест. Более того, киностудия не замедлила в отместку запретить артисту выступать в популярнейшем радиошоу, финансировавшемся компанией „Кока-Кола“, в течение всех судебных месяцев. Мгновенно прочное финансовое положение Марио рухнуло и сразу же достигло критической точки. Доход оставался только один - гонорары от пластинок „Эр-Си-Эй Виктор“.

Приговор вынесен. Но боссы „МГМ“ продолжили игру. Ланца для них - золотая жила. Надо во что бы то ни стало сломить его характер. Мистер Шери прибег к „иезуитским приемам“. К Ланца стали подсылаться люди босса, которые якобы по собственному почину желают уговорить певца покаяться и вернуться к работе. Расчет на известную доброту и демократичность Ланца: не руководству, так „простым смертным“ „МГМ“ певец не должен отказать. Сам „народ“ просит его...

Но Ланца не сдавался. Каждый новый шаг студии к примирению отзывался в нем еще более озлобленным упрямством, равно как и чувством внутреннего

удовлетворения: без него, оказывается, все-таки не могут обойтись!

Эта печальная история, кажется, таит в себе и не совсем очевидные мотивы. В общем-то Марио „измотал" и вывел из себя чванливого босса и довольно-таки скрытного, „себе на уме" продюсера и других, причастных к делу... Это можно понять. Странно другое. Как вся студия, в которой большинство было на стороне своего любимца Ланца, не смогла удержать знаменитого певца в Голливуде. Был факт, после которого Ланца бесповоротно распрощался с „фабрикой грез". Последняя капля, переполнившая чашу его терпения. Не в характере Марио фанатическое упрямство. Был он человеком принципиальным, во многом бескомпромиссным. Это так. Но сердцем отходчив. Наступил момент, когда Ланца готов был вернуться. И уже начал приводить себя в форму... Как вдруг ему становится известно, что на роль Карла-Франца приглашен молодой смазливый актер Эдмунд Пурдом... Вот когда Ланца понял окончательно: это конец! Его решили изгнать из Голливуда!

Были в этой истории и грязные приемчики, вовсе уж недостойные мира искусства. Босс „МГМ" опустил до сбора подноготного досье о Ланца. С азартом сысканого агента пустился он на поиски компрометирующих сведений о дерзкой и капризной кинозвезде. Ланца едва сдерживал себя, чтобы не переступить черту терпения. Иногда все же переступал... Итальянец все же, хоть и американского „разлива". Нервы сдавали. А раз настроение ни к черту, то пошли в ход еда и вино.

Эдмунд Пурдом - новый герой фильма - запел голосом Ланца. Это было дикостью. Но таково драконово условие победившего в „деле Ланца" Голливуда. Записи певца, безвозмездно отданные фильму, гасили все долги Марио по

счетом, предъявленным студией за исполнение Ланца обязательств по контракту. Более того, певца заставили перезаписать ту самую „конфликтную“ песню „Возлюбленная“, чудесную песню о любви. <...И тогда студия „МГМ“ не намерена возбуждать судебного дела». Что оставалось Ланца?

Конфликт улажен. Двери студии „Метро-Голдвин-Майер“ захлопнулись перед нашим героем. Навсегда! Голливуд отвернулся от своего кумира. За окном этого роскошествующего холодного кинодома - очередной звездопад. И никому нет дела до того, попадет ли еще когда-нибудь в цепкие голливудские руки новая звезда, равная солнечному Ланца. Сети расставлены. Жаждающих быть пойманными бездна...

Как все быстро проходит, исчезает, как дым, забывается. И даже великое. Это грустно и несправедливо...

А у жизни свой черед. И вот уже с успехом идет по кинотеатрам мира фильм „Потому что ты моя“. Королева Великобритании Елизавета выбрала его для показа при королевском дворе и пригласила Марио для участия в премьеры. Ланца отказался, несмотря на столь лестное предложение от самой английской королевы. Формально же он сослался на тяжелое состояние жены, Бетти, ждущей ребенка. В истинной причине, а главное, в своем мучительном настроении, связанном с голливудским конфликтом, он признаваться не хотел.

Фильм показали в лондонском театре „Импайер“ на Лесестер-сквер 27 октября 1952 года. Впервые на празднике кино в Великобритании демонстрировали музыкальный фильм Голливуда, когда его главный герой не сидел рядом с королевой...

Но вся английская пресса недоумевала по другому поводу: отчего это комитет из девяти солидных людей

выбрал для королевского показа один из слабых мюзиклов года? Возможно, королеве нравился голос Ланца. Нравился до такой степени, что его очарование перекрывало кинематографические слабости.

По мере того, как настроение Ланца теряло высоту и падало в бездну, взлетали до небес газетные вопли по случаю сенсационного исчезновения преуспевающего певца из Голливуда. Но, как всегда, чепухи в статьях было больше, чем правды и здравого смысла. „Скандалный фонтан" прорвало. Почему Ланца ушел из кино, почему пропал с экранов телевидения, из радиошоу, почему его голос не звучит с новых дисков? Поклонники Ланца не хотели верить ни газетам, ни журналам, ни слухам. Они писали письма в адрес кумира. Вопросы задавались только ему. Для ответов пришлось специально нанять двух девушек. Они и успокаивали многотысячных почитателей таланта мистера Ланца, как могли. Писали по возможности правду. Хотя всю правду никто не мог объяснить. Даже сам Ланца.

Наконец вышел на экраны и этот печально знаменитый фильм „Принц-студент". Покатила новая волна кривотолков. Да и было из-за чего. В самом деле, что за ерунда? Ничего нельзя понять: Ланца вроде бы жив-здоров, а под его голос снялся на экране никому не известный актер?

И только редкие публикации американской прессы старались писать правдиво о том, что случилось в Голливуде: о бизнесе и о долге художника, о том, что талант выше „производителя работа - делателя долларов" и что истинный артист имеет право на подобный шаг, чего бы это ему ни стоило и чем бы потом ни грозило. Подобные мысли обычно венчал вопрос: отчего никто не попытался спасти человека, одаренного самим Богом, спасти от самого себя. Ведь великий артист обычно убивает в себе человека. Так почему никто не встал на защиту Ланца-человека!? Но таких справедливых строк было мало. Скандалная хроника

поглощала их своим истошным визгом и дешевыми мифами о „закатившейся звезде“, о „дерзком и капризном ребенке, не отвечающем за свои поступки“ и прочем.

Мы не знаем, как все это смог выдержать Ланца. В такие дни он обычно переоценивал все и вся: близких, друзей и врагов, пройденный путь, каждый шаг в жизни и творчестве... И если бы не событие в доме Марио Ланца, еще неизвестно, чем бы все это обернулось.

А в дом Ланца пришла радость. Бетти родила первого мальчика. Счастье на время отвело Марио от беды, очистило душу, вселило надежду. У него-сын! А это, дамы и господа, будет посерьезней голливудских картин и разных там коммерческих интриг и скандалов. Это, знаете ли, жизнь!

Счастливые и воспрявшие духом родители нарекли сына Дэймоном Энтони.

Глава 25 **ТРИ ГОДА НОЧИ**

Великий художник не может замкнуться в уюте быта. Терем уединения отвлечет, но не отгонит беду. Голос новоявленного мужчины - сына Дэймона Энтони - радует и вселяет надежду. И все-таки артисту подобного масштаба этого мало. Ему нужна сцена - весь мир; неумолчный рокот аплодисментов, внимание переменчивых репортеров, назойливость неизменных поклонниц, нужна слава... Что бы ни происходило в его мире и как бы ни складывалась его карьера, великий талант больше всего страдает от одиночества.

Утверждают, что эти три с лишним одиноких и напрасных черных года вычеркнуты из его жизни. Но так легко говорить потом, оглядываясь вспять, оценивая пройденное через призму всегда умного времени и со стороны... В реальной жизни так не бывает. Нет

вычеркнутых лет, нет пауз, нет пустот, пусть и тягуче тянулось это время, словно сплошная мучительная бессонница.

С Голливудом покончено. Необходимо переезжать из апартаментов, предоставленных „МГМ“, в новое жилище на Беверли-Хиллз. Это был роскошный особняк, в устройство и оснащение которого фантазия архитектора вложила, кажется, все возможное и невозможное. В центре дома, будто арена, расположился огромный зал, окруженный четырнадцатью комнатами. Стиль обстановки отвечал склонности Ланца ко всему огромному, внушительному: обеденный стол длиною в четыре с половиной метра покоился на вычурных раззолоченных ножках. Не уступали роскошью и стулья с красными, расшитыми золотой нитью подушками.

Пышности интерьера отвечал цвет. Все вокруг было захвачено кричащим красным цветом. Кресла в холле - красные, занавески - красные, даже кожаные папки, в которых Ланца хранил свое дорогое сокровище - пластинки Карузо, - тоже были пурпурными.

Вилла имела несколько ванных комнат, зал для демонстрации фильмов, картинную галерею с портретами знаменитых певцов, винный погреб, под сводами которого, как по туннелю, мог свободно пропыхтеть локомотив.

Но даже самая роскошная обстановка и совершеннейшее устройство быта не может отвлечь от творческих невзгод и разочарований.

Наш герой оказался в трудном положении, в котором имеет значение любая мелочь, любая деталь. Красный цвет, преобладающий в доме Ланца, действует на человека возбуждающе. Успокаивают другие тона, например синий или голубой.

Скажу вскользь про себя. Я люблю и красный цвет, и голубой. Часами я могу смотреть на небо и морские волны. В такие минуты волнение уходит от тебя, тяжелые мысли

уступают место умиротворению, тихой задумчивости. Море и небо держат тебя словно в мягких добрых тонах колыбельной песни. Но не могу оторваться взглядом и от костра. Хотя огонь будоражит и волнует.

Кто об этом знал тогда? Марио с его нервной возбудимостью и изменчивостью настроения нужно было бы иметь перед глазами побольше спокойных тонов. Достаточно было повесить две-три картины с маринистскими пейзажами, чтобы нервы певца поутихли, отвлечлись. А вместо этого перед глазами раздражающая красная „мулета“, как перед разъяренным быком на арене корриды.

Марио замкнулся. Никого и ничего видеть он не хочет. Пение заброшено. Часами просиживал он у себя в комнате, угрюмо уставившись в одну точку. Изредка ставил пластинку. Но долго слушать музыку не мог. Слезы невольно жгли глаза. Роем налетали воспоминания, бывлые обиды, о которых он в другое время вряд ли бы и вспомнил.

Отчего так несправедливы к нему люди? Он понимал, что нельзя от всех ждать дружеского участия. Да и кого назовешь настоящим другом, когда вокруг Марио шумели целые толпы почитателей, бивших себя в грудь и в душевных излияниях кричавших о дружбе навеки? Непонятны были поступки именно тех, кто вроде бы имел право называться другом певца.

Взять хотя бы Силвера. Да, того самого, который рекомендовал Ланца в армейское шоу „На траверзе“ и у которого они - Бетти и Марио, - будучи молодоженами, снимали квартиру. Почему его друг Джонни Силвер так грубо написал о нем в газете? Какая корысть привела его к явной лжи ради дешевой сенсации?

Сейчас Марио с отчетливостью вспомнил эти силверовские слова, поставившие на их дружбе крест.

„Я помню Ланца по армии. Это был детина весом под двести шестьдесят фунтов. Он никогда не здоровался, был неряшлив..."

И так далее. Портрет нарисован черными красками. В нем все - вымысел, все - откровенная ложь. Ланца помнит первую свою реакцию на неожиданную и беспричинную подлость бывшего друга. Негодование, досада и растерянность: за что? Он помнил и любил Силвера. Прочитав пасквиль, Марио ударил кулаком по столу и от горького бессилия заплакал. Бетти, пробежав газетные строчки, принялась успокаивать мужа. Она хорошо знала, что для Ланца нет ничего хуже предательства... Марио поднял голову, вытер глаза, спросил растерянно у жены: „Бетти, скажи, что я ему сделал? За что он меня так ненавидит?" - „Зато, что ты Ланца, а он всего-навсего Силвер".

Ланца теперь не хотелось мучить себя воспоминаниями. Не было сил думать о предательствах близких людей. Но против воли память высвечивала как раз то, от чего сейчас ему было особенно больно.

Да, он был звездой первой величины. В его лучах купались и грелись многие. Ланца любил помогать людям. Любил видеть радость в их глазах. Он сам шел в гору творчества, к вершинам признания и славы тяжело. Одним талантом не прошибешь стену на пути к желанной цели. Ему помогали, и он обязан помогать другим.

Резко, зримо, с подробностями вспомнился ему один случай, невольным свидетелем которого стали Ланца и Робинсон... Вроде бы обычное дело. Гость в доме Ланца, некий дирижер, начавший успешно, но споткнувшийся на очередной ступеньке карьеры. Ему нужна хорошая работа. Человек он, судя по всему, талантливый, да вот неудачливый. Что ж, Ланца может ему помочь. Певец готов рекомендовать его дирижером одной из своих записей в студии „Эр-Си-Эй". Ланца хорошо помнит тот поздний

вечер. Ему удалось уладить дело этого дирижера, и он с Робинсоном решил сделать благородный шаг - поехать к нему в дом и сказать, что все в порядке.

У Ланца на лице зажглась мальчишеская улыбка: он любил приносить неожиданные радости. Он представил, как обрадуется их друг, когда увидит на пороге самого мистера Ланца и мистера Робинсона с пиццей и шампанским в руках... Через несколько минут они были у дома дирижера. В комнатах не было света. Друзья решили обойти дом, чтобы узнать, может быть, не все еще спят. И действительно, наверху, в спальне, светилось окно, оно было открыто и оттуда доносилась брань. Визгливый женский голос невольно достиг слуха Марио и Терри. Жена дирижера кричала мужу: „И нечего тебе ходить на цыпочках только оттого, что Ланца - большая шишка. Ты - артист, а он - так, мгновение, звездочка, которая вспыхнула и быстро погаснет. Он долго не удержится. Он пытается заставить всех любить его..."

Терри предложил уйти, но Ланца, изменившись в лице, остановил его. „Я хочу знать все, что обо мне говорят..." - „Марио, - уговаривал Терри друга, - ну что слушать глупую женщину, какой интерес?" А голос из окна продолжал: „... И поэтому он кормит столькох у себя в доме... И не води меня больше в этот дом... Тебе не обязательно становиться перед ним на колени и о чем-то просить..." Потом от этой распалившейся женщины досталось и Бетти...

И снова в подобных воспоминаниях Ланца было стыдно за этих людей, полагавших себя его друзьями, а на самом деле бездумно и нахально эксплуатировавших талант и звонкое имя голливудской знаменитости. Для него это было дикостью. Ведь многие знали, что сам Ланца без всяких просьб или уговоров будет петь всю ночь, петь с таким же, как и на сцене, азартом, петь где угодно, когда угодно и перед кем угодно. Но сам, без насилия, по настроению, от души и для души...

И снова, думая о человеческой ненасытности, жестокости, грубости и глупости, Марио хотелось забыться, уйти в себя или чем-то отвлечься. Но на улицу выходил он теперь редко. Он - артист. И он потерял форму. Стыдно, если его увидят таким... Усталым, помятым, отекившим от сиденья на одном месте и от бесконечных бутылок пива, ликеров, шампанского, что Ланца презирал и от чего не мог отказаться в эти мрачные дни и ночи чудовищного одиночества среди людей.

Изредка навещали его журналисты. Верней, пытались пробиться к нему. Большинство из пишущей братии - за дешевой сенсацией о нынешнем состоянии нашумевшей звезды, и лишь немногие, буквально единицы, - за правдой и в поддержку обиженного артиста и человека...

После долгих раздумий Ланца сам позвонил известной журналистке Хедде Хоппер, наиболее объективной в своих рассказах о его жизни и творчестве. Он хотел сообщить ей о многом. О том, как никто его, Ланца, не понимает, а главное, не хочет понять. О конфликте с „МГМ" и вообще о голливудской жизни артиста.

Хедда Хоппер приехала к Ланца. После долгого молчания сейчас, как никогда, хотелось откровения.

„Голливудская кумушка" пристально вглядывалась в опального кумира. Ланца взял с места в карьер.

- Настало время, когда я сумею порвать опутавшую меня сеть лжи и клеветы.

Мадам Хоппер задала свой первый вопрос. Он касался скандального фильма, о котором и до сей поры судачили в Голливуде.

-Итак, мистер Ланца, как же обстояло дело с „Принцем-студентом"?

- Режиссер хотел сделать из меня прусского солдафона. Разве нужен был при такой трактовке мой голос? Только поэтому, а не по какой-то другой причине наш контракт разорван.

-А как дела с финансами?

-Плохо, очень плохо...

-А как поживает ваш голос?

Ответ был в духе Ланца. Он запел.

В газете это выглядело следующим образом: сплошь восклицательные знаки... И небольшое добавление: „Его голос звучит лучше, чем когда бы то ни было“.

После такого красноречивого ответа Ланца беседа возобновилась.

В эти годы вопросы о жизни певца и о состоянии его духа не получили прямых ответов. Что в действительности происходило в течение этих трудных дней и ночей жизни Ланца, осталось для ловкой и сведущей журналистки загадкой.

Хоппер сузила мишень прицельного огня.

- Прошу прощения, мистер Ланца... Правда ли, что вы собираетесь расстаться со своей женой?

-А мы сейчас узнаем и про это.

Сложив ладони рупором, Марио крикнул: „Бетти!“

В дверях возникла фигура жены.

-Сколько мы женаты, Бетти?

-Восемь лет.

-А сколько мы еще собираемся прожить вместе?

- Восемьдесят!

Эта финальная часть у Х. Хоппер в окончательном варианте прозвучала так: „С уверенностью можно утверждать, что Ланца не собирается расставаться со своей женой“.

Хедда Хоппер ушла, а Марио вспомнил, как после того дурацкого интервью, данного одному незадачливому репортеру, за которое обиделись филаделфийцы, он стал осторожней относиться к „гангстерам пера“...

Марио улыбнулся. Улыбка, правда, вышла не очень веселой... Что ж, главное, что его земляки отходчивы. А потом... Потом Марио решил, как бы в отместку за то горел-интервью, „отомстить" журналистам. Разумеется, по-своему отыграться, расквитаться, незлобно и с юмором, в котором Ланца всегда знал толк, хотя иные из светских особ полагали, что некоторые его шутки несколько грубоваты. Может быть. Марио любил не английский утонченно-чопорный смех, а итальянский, откровенный, в чем-то раблезианский юмор. Терри Робинсон вспоминает, как однажды Марио пригласил к себе группу журналистов. В дело включился аперитив, развязались языки... Тут-то хозяин дома и решил поиграть в домашний театр, поморочить голову тем, кто зачастую лихо морочит ее другим...

Так вот, Марио попросил Терри подняться к Марии и сказать ей, чтобы она поскорей навела марафет. Отныне Мария будет не матерью Ланца, а знаменитой итальянской актрисой, которая ни одного слова не знает по-английски. Дверь распахнулась, в гостиную впорхнула очаровательная и моложавая женщина. Разумеется, церемония представления, „охи и ахи, книксены, целование ручки. Завязался разговор о будущем фильме. „Примадонна" польщена, что ее партнером будет сам мистер Ланца, а мистер Ланца, в свою очередь, уже по-английски вперемешку с итальянским, стал болтать что-то чертовски лестное об этой итальянской примадонне. Репортеры проглотили шутку как стопроцентную правду, а один из них, самый бойкий и глубокомысленный, спросил, как будет компенсироваться незнание английского языка в американском кино... Марио тут же выпалил: „Совершенно верно, господа, это будет комедия, и вся соль ее как раз в том, что герой фильма тщетно пытается обучить ее языку, а она, - тут Ланца кивнул головой в сторону примадонны, - а она, видите ли, бездарна до такой степени, что отсюда все нелепицы и смешные неурядицы..." Журналистская братва

совсем разомлела от сказанного, а один из „тепленьких“ репортеров так увлекся „очаровательной итальяшкой“, что как бы случайно положил на ее прелестное колено свою руку. В Марио Ланца сразу же проснулся рыцарь-сыночек, и он, кинувшись к соблазнителю, шикнул на него: „А ну-ка, хам, убери лапы от моей матери...“ Конечно, дом сначала замер от удивления, потом его взорвало от смеха, а далее, само собой, от умиления и равно от неожиданности: вот, оказывается, какая у нашей всемирной кинозвезды мистера Ланца молодая и обаятельная мамочка!

Высокая планка, взятая в жизни, требует особого напряжения. Творческий упадок, любая вынужденная пауза тут же оборачиваются прорехами в финансах.

Марио все чаще стали мучить мысли о банкротстве. Конечно, его дела еще не подошли к опасной черте. То он сокрушался по поводу отсутствия Сэма Уэйлера, то снова понимал, что с этим человеком необходимо было расстаться.

В это время вдруг откуда ни возьмись - Бюро по контролю за уплатой налогов, которому бывший финансист и менеджер семьи Ланца недоплатил двести пятьдесят тысяч долларов. Но Марио не хотел возбуждать уголовного дела против Уэйлера. Он помнит и то хорошее, что сделал для него Сэм.

А Ланца предъявлен еще один неожиданный счет: семнадцать тысяч долларов за ущерб, якобы нанесенный владельцу бывшего дома, из которого переехала семья Ланца после расторжения контракта с „МГМ“. В счете фигурировали дорогие вещи из особняка, незаконно возведенный забор, нарушение электропроводки и многое другое... Связываться знаменитому человеку с судом - значит вновь пережить вьедливое любопытство скандальной прессы. Счет пришлось оплатить.

И снова отчаяние от нескончаемых неудач: сначала творческих - самых тяжких, затем прочих, мелких неурядиц. Нервы взвинчены, душа - сгусток напряжений, растущего

раздражения от общества людей. В такие невеселые часы Марио садился к окну, подпирал рукой тяжелую от дум и забот голову. Мысли словно опрокидывались в себя, сжигая его каким-то жестоким, нечеловеческим, обреченным одиночеством. Он даже отказывался разговаривать по телефону. Внешний мир далеко. Там, за окнами дома, - обида, несправедливость; здесь - пустота и бессмысленность вроде бы налаженного уюта, муки памяти, безнадежная усталость...

Недалеко от его особняка шумела светская жизнь. В двух шагах от дома Ланца - площадка для гольфа, элитарный клуб, который так и не принял в свои ряды Марио Ланца. Артисты, по их мнению, люди второго сорта. Ну и черт с ним, с этим гольфом! Марио придумал такую ребяче-скую месть. В его комнате магнитофон и динамики невероятной мощности. И когда кто-то из членов клуба поднимал клюшку, чтобы произвести удар, Марио „врубал" свою запись и игрок обязательно „мазал"... Понятно, все это мелкие утехи от отчаяния, от бездействия, каторжной тоски.

Бетти вновь ждала ребенка. Это было совсем не ко времени. Каждую новую беременность она переносила все мучительней. Непонятный страх, частые нервные срывы, достигающие откровенных истерик, физическая боль, бессонница заставляли ее прибегать к наркотикам...

Состояние жены мучило Марио не меньше собственных забот. В его доме всегда был недостаток, свет, шум гостей, музыка, смех. Теперь вынужденное безделье чувствительно ударило по финансовой части. Пришлось сократить прислугу. Бетти, чтобы хоть как-то залатать денежную брешь, заложила свою любимую норковую шубу.

Понятно, у каждой пропасти есть дно. Марио знал, что нельзя падать вечно. Нужно взять себя в руки. Он него зависит благополучие других и, уж точно, самых близких и

дорогих ему людей. Он еще покажет всем, на что он способен. Рано, рано списывать его в бывшие.

Надо сказать, деловые люди не забывали о том, что на свете существует Марио Ланца и его солнечный талант. Как хищники из укрытия, терпеливо следили они за ходом событий. И достаточно было лишь малейшего сигнала со стороны певца, как тут же предприниматели от искусства готовы броситься навстречу звезде.

Короче говоря, Марио несколько приободрился. Он готов снова начать работать. И вот его приглашают сниматься в теле-шоу „Звездный дождь“. За это он должен получить сорок тысяч долларов и в подарок от спонсоров две автомашины его любимой марки „Крейслер“.

Звезды уже в те времена, когда развивались новые средства записи звука, не хотели рисковать, выступая по телевидению „живьем“. Аудитория телевидения многомиллионная, и любые мельчайшие огрехи во время исполнения будут, конечно же, замечены и истолкованы. Ибо телеэкран - нечто вроде рентгена.

За время простоя Ланца сильно пополнел. По традиции любое дело у него начиналось со спортивных и пищевых истязаний. Что касается теперешней его диеты, то на завтрак - один грейпфрут, на обед - крутое яйцо и кофе без сахара, на ужин - горсть креветок.

Деньги за будущее выступление в шоу уже получены, долги более или менее оплачены, а машины Ланца, король широкого жеста, просто взял, да и подарил друзьям.

Теперь ему нужно достойно выступить по телевидению. День программы приближался, Марио робел все больше и больше. Старая болезнь. И неизлечимая. К тому же большая пауза в работе усугубляла творческие опасения: в голову лезли дурные мысли, проклятая мнительность и сжигающая нутро излишняя, до болезни,

рефлексия. Терри, как всегда, пытался поддержать друга. А Марио еще больше злился.

- Тебе хорошо говорить! - несдержанно кричал он. - Миллионы людей будут пялить на меня глаза, разглядывать словно в лупу: ах, Ланца толстый, Ланца фальшивит, Ланца не держит высокие ноты, Ланца потеет от страха.

То ли от нервного напряжения, то ли от простуды, то ли от того и другого у Марио воспалилось горло, голос перестал подчиняться. Передача оказалась под угрозой. Времени для замены не оставалось. И тогда телекомпания „Си-Би-Эс" решила показать известного певца, встречи с которым так ждали, под фонограмму. Были срочно подготовлены его давние записи: „Марекьяре" Тости, ариозо Канио и песни Бродского из оперетт „Бродячий король" и „Будь моей любовью".

Обман был раскрыт. Кто-то кому-то сболтнул про „это самое рыбе раскрывание рта", то есть про пение под фонограмму, да и сам Марио, видно, не очень удачно артикулировал... Словом, назревал скандал. Первой возопила пресса: „Крупная афера звезды!", „Ланца лишился и голоса, и рассудка!" Критик Шейла Грейм, давняя и ярая противница певца, ядовито бросила публике: < Ланца получил 40000 долларов, не спев ни одной ноты. Подсчет показал, что из-за участия в „Звездном дожде" Марио Ланца шоу посадило к телевизорам 46% всех телезрителей США. И это было потрясающим результатом... >

Марио пришлось поддержать честь мундира. Терри поручено собрать солидную пресс-конференцию.

- Я спою для всех этих бандитов... Но на этот раз никакого бесплатного обеда. Никто не напьется за мой счет. Кофе и печенье - это все, чего они стоят за свои мерзкие статейки...

Повалили, как ночные бабочки на пламя свечи, журналисты; Терри Робинсон по просьбе Ланца намеренно

провел их через весь дом. Дескать, посмотрите, как мы живем... Хотя, честно говоря, зачем Ланца, великому таланту, нужно было пускать пыль в глаза? А потому, что, к сожалению, для многих репортеров быт и деньги - подлинный уровень артиста.

За роялем уже восседал сам маэстро Спадони. Марио вышел вперед и сказал с обычной непосредственностью о том, что оправдываться ему излишне и что лучше он просто начнет петь. И, задержав взгляд на журналисте, который особенно нажимал в своей газетной болтовне на отсутствие у Ланца голоса, добавил:

- А петь я буду, господа, лишь оперные арии, в которых, как вы прекрасно знаете, голосовое бессилие не спрячешь.

Концерт грянул в доме громом небесным. Уж Ланца постарался! Репортерская компания сбилась в угол огорошенная и сраженная. Разумеется, тут же хлопанье, улыбки, возгласы одобрения и, что особенно польстило отходчивому Марио, извинения.

На следующий день этот импровизированный „шефский концерт" во всех подробностях был описан в печати. Те, кто вчера лил грязь, - сегодня изливали восторг. Американские журналисты удостоверили: Ланца по-прежнему велик и недосягаем.

Фирма „Крейслер" и телекомпания „Си-Би-Эс" предложили артисту продолжить участие в шоу. Условия - те же. В это время и от верной Ланца компании „Эр-Си-Эй" поступило предложение продлить контракт еще на три года. Таким образом, на финансовом горизонте Ланца снова забрезжила полоска рассвета. А раз так, значит, время воспользоваться услугами менеджеров. На эту роль взят давний знакомый дома Ланца мистер Ал Тейтельбаум, меховщик. В трудные дни он помогал певцу, предоставляя кредиты.

Стоило Ланца появиться на публике, как тут же знаменитый отель Лас-Вегаса „Нью-Фронтьер" пригласил певца выступить в концертном зале в течение двух недель. Гонорар - пятьдесят тысяч долларов.

Ланца оттаял. Для творчества необходимо настроение! Кажется, судьба снова повернулась лицом к нашему герою, улыбнулась, подмигнула. Ланца пригласил к себе дирижера Рэя Синатру (брата Фрэнка Синатры), и подготовка к концертам в Лас-Вегасе началась.

Марио и сам чувствовал, что так жить больше невозможно. Нужно переломить себя и обстоятельства. Для повышения жизненного тонуса он снова обращается к спорту. Частыми стали семейные прогулки по окрестностям виллы. И как бы в укрепление нового настроения Ланца в его доме в четвертый раз раздался детский крик: на свет появился еще один мужчина. Его назвали Марк. Этот ребенок с библейским именем был у них с Бетти последним. Что ж, четверо детей - это замечательно! Но Бетти пора отдохнуть...

- Больше ты не будешь рожать, - решительно сказал Бетти Марио. - Я не могу видеть, как ты мучаешься во время беременности. Я очень люблю детей, но я люблю и тебя. На Марке и поставим точку.

По вечерам они собирались все вместе у камина. Уютно потрескивал огонь. Марио рассказывал детям загадочные истории, разукрашивая их затейливыми звуковыми иллюстрациями, подражая то птицам, то музыкальным инструментам, а то и самым разным, злым и добрым, звонким и нежным человеческим голосам. А венчала историю лирическая песня, под которую у детей слипались глаза, и папина сказка продолжалась уже во сне.

В Лас-Вегас артист приехал с семьей. На вокзале шум и пестрота. Репортеры, вспышки фотокамер, блиц-интервью, автографы. Публика приветствовала возвращение своего

любимца. Трещали и кинокамеры. Событие необходимо запечатлеть для потомков.

А погода была совсем не праздничная. Слякоть, холод, ветер, над городом какая-то вязкая мгла. Целый час Ланца пришлось играть вынужденную роль возрожденного кумира. Но терпеть необходимо. Лас-Вегас - зеркало американской эстрады. Город пропускал через себя за день множество знаменитостей!

Газеты постарались возбудить публику. Приезд великого певца - случай необычайный. В казино и в компаниях частных игроков даже заключали пари: будет ли петь для них мистер Ланца или отменит свои выступления?

А Ланца чувствовал себя прескверно. От промозглости воздуха во время этой вокзальной суеты у него воспалилось горло. Опять что-то дьявольское вселилось в его жизнь. Какой-то рок! И вновь теперь, когда Марио особенно нужен успех, отмена концертов - катастрофа.

В день выступления самочувствие несколько не улучшилось. Все средства, в том числе и „народные“, ничего не дали. У него нет больше сил. Он в отчаянии рухнул на кровать и, в бессильной злобе взбив кулаками подушку, уткнулся в нее лицом, словно страус в песок, застонал, будто зверь в клетке...

Когда объявили, что концерт отменяется, и врач подтвердил болезнь артиста, в зале начался настоящий шторм. Улюлюканье, свист, гогот. Никто, решительно никто не хотел верить сказанному. Все сочли поступок певца возмутительным и оскорбительным.

Можете себе представить, как, получив свежую сенсацию, пресса открыла рот и с новым вдохновением затрубила о недостойном поведении певца. Ланца струсил! - вот мотив всех тех скороспелых публикаций. По газетам и журналам побежали скабрзные подробности о том, как восприняла отказ певца публика, тут же хлынул поток

домыслов, анекдотов. Словом, старая, печальная песня, известная и Ланца, и всем нам.

Марио забаррикадировался в отеле. Каково ему! Все вроде бы повернулось к лучшему, вошло в нормальную рабочую колею. Как вдруг... Снег на голову. Кого винить? Себя? Других? Судьбу?

Он не знал причины провала. Да и провал ли это? Что за жестокие люди, что за страшное время! Ведь болел и великий Карузо! И что же? Почитатели Энрико Карузо в таких случаях жалели певца, заботились о нем, приносили к нему в гостиницу цветы и нежные письма. А Ланца?! Кто поймет его, кто скажет сочувственное слово или просто вежливо и понимающе промолчит в надежде на лучшие времена?

- Неужели я должен рисковать своим голосом за эти пятьдесят тысяч?! - жаловался он Бетти. - Неужели мое здоровье не стоит большего?

Продюсер концерта оказался почитателем таланта Ланца. Он не стал подавать в суд: „Мы не думаем, что решимся на такой шаг. Да, ущерб материальный и моральный огромен... И все-таки нам по-человечески жаль этого человека. Болезнь нельзя обойти... А его, мистера Ланца, уже достаточно обижали“.

Трудно объяснить эти события однозначно. То ли стечение обстоятельств, то ли сильно истрепанные нервы артиста, так перегружавшего себя до этого работой. А стрессовые ситуации, когда за несколько дней он приводил себя в форму, установленную жестким киностандартом? Или этот его страх перед публикой, спутник его судьбы, - от желания ли показать все, чем он богат, или от чего-то другого, неведомого ни ему, ни близким, ни всем нам, любящим его. Он нередко говорил об ответственности перед людьми. Чаще же он имел в виду другую ответственность - перед Богом.

- Меня все время упрекают, все время подгоняют, заставляют петь больным, - искренне возмущался Ланца. - Я не могу петь неготовым. Пусть уж я буду для всех капризным артистом, чем плохим певцом...

Нельзя сказать, что Ланца всегда наплевательски относился к собственному здоровью. Приходилось быть и настороже с горлом. Скажем, прогуливаясь вместе с Терри, Марио, казалось бы, без всяких причин вдруг начинал кутать шею шарфом. Терри смотрел на него с любопытством, сочувственно осведомлялся: не заболел ли его друг?

- Понимаешь, Терри, - обычно отвечал Ланца, - у тебя есть твой голос, а у моего голоса есть я. Поэтому всю жизнь я обречен на то, чтобы беречь его. А это очень скучная работа.

Вслед за печальными событиями в Лас-Вегасе произошла история, которую мне хотелось бы вам пересказать. Ее поведал мне Терри Робинсон в одной из наших бесед. Должен сказать, что при первых же минутах знакомства с ближайшим другом Марио Ланца я понял, что именно этот добрый, общительный, восторженный и внимательный человек был призван сопровождать в пути легендарного певца. Я попросил его вспомнить какой-нибудь случай из жизни Ланца, не вошедший ни в одну из книг. И вот эта история...

Казалось, случившееся, а вернее не случившееся в Лас-Вегасе, не задело Марио Ланца. Он шел по улице впереди меня размашистым шагом и с высоко поднятой головой.

Так, возможно, мы бы и добрались благополучно домой, если бы не броский на вид бар. Из этого кабачка доносилось брэнчание гитары и неслась знакомая мелодия. Марио остановился и резко развернулся в сторону пивной...

Я умоляюще поднял руки.

- Марио, дружище, не забывай, что у тебя болит горло! Мы должны идти в отель! - Зайдем только на минутку, Терри. Горлу необходимо полоскание, а от пива еще никто не умирал.

И он шумно распахнул дверь кабачка. Я знал, что в таких случаях его ничто не остановит, и последовал за Марио. В темном закутке бара мексиканец играл на гитаре „Гранаду“. Посетители шумели свое... Прополоскав горло кружкой-другой пива, Марио подошел к музыканту, что-то шепнул ему и тут же запел в полный голос. Шум как бы сразу оглох, подавленный неслыханными в здешнем обществе чистейшими теноровыми звуками. Большой Марио пел превосходно. Разразились аплодисменты, громкое „браво“. Ланца вежливо раскланялся, краем глаза поглядывая в мою сторону, как бы спрашивая: „Ну что? Помогло полоскание?“

Когда мой друг вернулся за столик, я сказал:

- Я не понимаю тебя, Марио. Недавно в Лас-Вегасе ты потерял 50000 долларов, а сегодня ты задаром поешь в кабаке...

Ланца, рассматривая на свет очередную кружку пива, невозмутимо ответил:

- Что значат 50000 для толстосумов Лас-Вегаса! Вместо нашего кармана они той же ночью попали в кошельки содержателей игорных домов. А здесь... Ты видел слезы благодарности этих людей?.. Они плакали, а это для меня самая высокая награда.

Марио отпил из кружки, подошел к мексиканцу и под восторженные вопли завсегдатаев кабачка запел вновь и пел несколько часов без устали. Ничего подобного здесь никто не слышал и не услышит впредь.

Вернулся Ланца в Лос-Анджелес „битым“. На нем было новое клеймо: конченный человек. Казалось, теперь все - снова меланхолия, одиночество, мрак. Только уже в чудовищных размерах.

Но... Но судьбе угодно, чтобы истекли, исчезли, растаяли как дым эти три года ночи. И чтобы удача с новой силой улыбнулась нашему безмерно уставшему и невезучему герою...

Помните Джека Уорнера, продюсера кинокомпании „Уорнер Бразерс“, который в свое время отверг Ланца как киноактера по причине его нефотогеничности? Так вот, наверное в отместку конкурирующей фирме „МГМ“ (и, разумеется, вполне осознав свою былую опрометчивость по отношению к Ланца), он решил снять с певцом музыкальный фильм под названием „Серенада в Мексике“. Газеты захлебнулись вестью: „Марио Ланца возвращается в кинематограф!!!“

Глава 26 **ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГОЛЛИВУД**

И снова фильм. Его материал как нельзя лучше отвечает синтетическому таланту Марио Ланца. В основе сюжета - роман Джеймса Кейна „Серенада в Мексике“. История, в общем-то, незатейливая, что типично для музыкального фильма. Марио должен перевоплотиться в бедного юношу, влюбленного в богатую и довольно-таки бездушную особу (известная актриса Джоан Фонтейн), которая, увлекшись чудесным его голосом, оказывает юному дарованию поддержку. Потом коварно покидает возлюбленного. Новый избранник этой дамы талантливый скульптор, которого, если этот сюжет продолжить, она также променяла бы на кого-нибудь еще. Но сам герой тоже не оплошал - новая любовь в лице мексиканской девушки (популярная певица и танцовщица Сарита Монтель) спасла его от страсти.

В общем, сюжет не главное... Главное, чтобы в фильме вновь блеснул Ланца.

Дотошные журналисты, насытившись скандалом в Лас-Вегасе, продолжали донимать киномагната Джека

Уорнера недвусмысленными вопросами о „боевой готовности" мистера Ланца: не подведет ли оскандалившаяся знаменитость и на этот раз? Мистер Уорнер откровенно отвечал, что верит Марио Ланца. Верит как себе. И надеется, что лента будет вовремя и успешно отснята. Прозорливость или риск?

Мистер Уорнер конечно же подметил в состоянии этого великого таланта Ланца признаки перелома. Ему нужна поддержка. Он, Джек Уорнер, влил каплю надежды в оттаявшую душу певца. Ланца откликнулся незамедлительно. Именно в ту критическую пору ему был так необходим шанс на реабилитацию. Он верил в собственные силы. Теперь у него повод убедить в этом и всех остальных.

Работа буквально закипела. Сначала - запись музыкальных фрагментов. Марио осуществил ее на одном дыхании. Такого еще никто ни в Голливуде, ни в звукозаписывающих фирмах любого ранга не видывал.

Музыкальным руководителем картины назначен Рэй Хейндроф. Он вспоминал:

- Я был впервые на подобной записи. Певец блестяще проделал за пятнадцать минут работу, на которую был отпущен весь день. Он зашел в студию, записал все с первого дубля, да так, как будто пел в последний раз в жизни, и через несколько минут вышел.

Для мистера Хейндрофа, может, это и было удивительным. Для тех, кто хорошо знал Ланца, - делом знакомым. Марио чувствовал себя в студии как рыба в воде. Он был спокоен, игрив, весел, позволял в процессе самой ответственной и напряженной работы отвлечься шуткой, подчас потешал технический персонал своими знаменитыми имитациями... Например, начинал главную песню фильма своим голо-сом, а завершал, скажем, голосом Ната Кинг Кола. Эти шутки не мешали работе, и в результате - высокое качество записи.

Думается, именно возможность при случае сделать еще один дубль, тут же исправить любые огрехи и неточности вселяла в Ланца спокойствие и уверенность, что и давало такие фантастические результаты в студийной работе. Другое дело - сцена.

Ланца отличался удивительным, но и безжалостным чутьем, которым он предчувствовал собственное исполнение как никто другой, даже музыкальный специалист. Самокритичность, с годами доходившая до болезненной мнительности, часто руководила его поступками. Это редкое качество, я бы сказал, божественная черта - примета великого таланта, который сам себе высший судья. Если Ланца не предощущал совершенство и предельную гармонию собственного исполнения, он тут же падал в бездну страха. Мало кто понимал его в такие горестные и святые минуты. Все списывали на артистический каприз, на вольность режима... А было гораздо сложнее. Марио боялся не публики, а себя на публике. Своей нервной, взрывной натурой он опасался мельчайшего промаха. Потому что знал: то, что не заметят и что простят кому-то, ему не простят - наоборот, расцветят, раздуют до чудовищных размеров.

Уже по традиции, сделав музыкальные записи, Марио должен был сбросить лишний вес. К зиме 1955 года артист был готов к съемкам.

Нельзя сказать, что ему удалось значительно похудеть, но новый босс понимал, что теперь слава Ланца „правит бал" и форма уже не главное. По крайней мере, не это было самым важным. Все заметили прекрасное настроение у любимого певца и актера. Он был предельно прилежен, корректен, точен.

Голливудский корреспондент немецкого киножурнала „Фильм-ревью" Фридрих Поргес был свидетелем этой работы Марио Ланца.

-Редко я наблюдал у актеров такую поразительную перемену к лучшему, как у мистера Ланца. В последний раз мне довелось видеть его на уже ставшей исторической пресс-конференции, на которой певец убедительно доказал, что голос его превосходен. С тех пор он избегал каких бы то ни было интервью... В этот раз я беседовал с Ланца на студии „Уорнер Бразерс" в перерыве между съемками фильма „Серенада". Поначалу сердечность актера, с которым я целый час беседовал в его артистической уборной, показалась мне наигранной. Но постепенно я понял, что эта лихорадочная страстность - не что иное, как естественная реакция вновь обретшего свое счастье человека. Проявление радости по поводу вернувшегося признания, доверчивость отвергнутого миром великого артиста, который именно сейчас снова нашел самого себя... Глаза Ланца светились, когда он рассказывал: „Я должен выполнить свой долг, от которого я, честно признаться, некоторое время уклонялся. Это действительно нехорошо. Многочисленным зрителям, кому полюбились фильмы с моим участием и которые стали моими верными поклонниками, я должен вновь доказать, что жив, другими словами, что я не забыл их признания, выпавшего на мою долю. Многие из моих поклонников помнили обо мне во время моего трехлетнего уединения. Я постоянно получал письма с выражением симпатии. В этих письмах высказывалась надежда на то, что меня опять можно будет увидеть и услышать в новом фильме. Я знаю, что не имею права разочаровывать этих людей, ведь отчасти я обязан им тем, что снова сумел вернуться... И я опять верю в свою звезду".

Музыка фильма „Серенада" богата оперными фрагментами из „Трубадура", „Африканки", „Федоры", „Турандот", „Арлезианки", „Отелло", а также песнями Николаса Бродского, ставшими волей судьбы мелодичнейшими спутниками голоса Ланца. Лейтмотив

фильма - песня „Serenade" (*«Серенада», англ.*) - блестяще спета певцом и вновь завершена сокрушительным „до".

Для записи дуэта Дездемоны и Отелло из оперы Верди Ланца настоял на приглашении своей любимой певицы из „Метрополитен-опера" Лисий Альбанезе (в Европе она известна как Лючия Альбанезе; так мы ее и будем в дальнейшем называть). Студия хотела пригласить на эту роль кого-нибудь поближе, из Лос-Анджелеса, что, разумеется, было бы дешевле. Но Ланца, как всегда, настоял на своем. Довольной оказалась и Лючия, так как участие в съемках в течение восемнадцати дней было в материальном отношении весьма выгодным предложением.

Они сразу же подружились. После рабочего дня Марио подходил к Лючии и робко спрашивал, можно ли ему поговорить с ней. Хотя, как известно, робким Ланца никто бы не осмелился назвать. Возможно, он боялся нарушить тот чистый душевный тон взаимоотношений, что сложились у него с Альбанезе с первой же встречи...

Отчего-то Ланца иной раз пытались предупредить в отношении к „хрупким и нежным созданиям". Можно подумать, что своей открытостью, прямотой, природной демократичностью он мог кого-то обидеть. Но все эти чванливые и деланные господа аристократы считали возможным при случае напомнить Марио о его несколько вольной манере общаться с благородными людьми, особенно женского пола. Он не забыл, как мистер Пастернак и еще кто-то из заправил „МГМ" все пытались предостеречь его, чтобы он как бы ненароком не обидел этого „ангел-хранителя" леди Энн Блайт, певицу и киноактрису, приглашенную в фильм „Великий Карузо", когда им предстояло впервые встретиться. Для Марио подобные предупреждения были форменной чужью. Да, был он прост (все великие просты), излишне экспансивен, позволял себе чертыхнуться, мог выразиться и покрепче. Но это - характер.

„Пожалуйста, Марио, веди себя с мисс Блайт самым почтенным образом, - наставлял его мистер Пастернак, - иначе эта прелестная юная леди будет шокирована твоими манерами и выражениями". Ланца пришлось дать обещание. „Хорошо, - ответил он, сморщившись, будто проглотил целую ложку уксуса, - я вымою рот с мылом". Потом, конечно, все встало на свои места. Ланца долго держался, но потом, не выдержав своей манерности, сорвался: „Не могу я, черт побери, выглядеть как последний голубой идиот". И тогда в самом деле прелестная и к тому же весьма умненькая Энн Блайт подбежала к мистеру Ланца и, глядя прямо в глаза и мило улыбаясь, проговорила: „Марио, вы мне нравитесь таким, какой вы есть. И оставайтесь, пожалуйста, самим собой..."

У Марио с Энн сложились прекрасные отношения, а успех фильма „Великий Карузо" говорит сам за себя. Да, с женщинами Ланца был подобен ангелу и общающиеся с ним дамы чувствовали себя королевами. В документальном фильме „Ланца - американский Карузо" знаменитая актриса Заза Габор рассказывает о смешном случае, происшедшем во время съемок с Марио в фильме „Серенада большой любви".

- На съемочную площадку заявили немецкие корреспонденты для того, чтобы поговорить с Марио и со мной о будущем фильме. Ланца был наверху, в своей гримуборной, и не знал о нашем присутствии (мы были на первом этаже, в огромном холле). Репортеры начали допытываться, как лучше подступиться к „суперзвезде", у которой, по мнению многих, жуткий характер и привычка ругаться не выбирая слов...

Я сказала, что все это ложь. За несколько месяцев съемок я не слышала от мистера Ланца ни одного резкого выражения. Он джентльмен - в полном смысле слова.

В тот момент дверь кабинета Ланца с грохотом отворилась, из нее кубарем по лестнице полетел один из его

секретарей, и вслед ему звучал оглушительный тенор Марио, который „пел" такое... Я никогда раньше ничего подобного не слышала. Корреспонденты спросили меня с издевкой:

- Фрау Заза, вы всегда говорите правду?..

Но по ходу интервью они поняли, что я не лгала. Марио Ланца вновь был образцом благородства.

Чудесная дружба сразу же началась у него и с его новой музыкальной партнершей Лючией Альбанезе. Часами задушевно, доверчиво беседовали они друг с другом. О жизни, об опере, о делах в „Метрополитен-опера", о великих людях и артистах. Лючия заботливо внимала каждому признанию нового друга, мгновенно оценив его глубочайший талант и трагедийность того, что лишь немногие по-настоящему могли оценить истинный размах и особенность дарования этого выдающегося тенора современности. Певица пыталась убедить коллегу в том, что его голос создан для оперы, и Ланца знал: да, это так. Его не нужно уговаривать, чтобы понять это. Но что-то в его жизни не срабатывает, что-то настоящее, сокровенное никак не вырвется и не уложится в необходимую жизненную и творческую колею. Ему как будто все время что-то мешает...

- Все люди думают обо мне дурно... - говоря это, Марио еще ниже склонял голову. - Вы такого же мнения?

- Дорогой друг, вы должны преодолеть свое настроение. Все не так. И вы это знаете не хуже меня... - Ланца после таких добрых слов поднимал голову и прямо смотрел в глаза этой чудесной, все понимающей, отзывчивой женщины. -Я верю в вас. У вас все будет замечательно. Только надо постараться пережить это время. Когда неудачи валятся на голову. И кому? Человеку, столь обласканному и даром небесным, и славой, и всем, что только природа может дать!

Уже позже, в одном из интервью, Лючия Альбанезе говорила:

-Я чувствовала, что он был тяжелобольным и измученным человеком. Когда на записи Марио совершенно потрясающе спел „Аве Мария" Шуберта, он вдруг бросился прочь. Я побежала за ним и догнала возле его артистической комнаты. Он вытирал платком слезы. Что-то мучительное исказило его лицо. Он неподвижно смотрел в одну точку. Я взяла его за руку и спросила: может, ему нездоровится? Он ответил каким-то пустым, нездешним голосом: „Мне осталось жить недолго... Я скоро умру..."

Я была потрясена услышанным. Хотя я и пыталась его разуверить и успокоить. Но в эти минуты и у меня против воли зародились страшные предчувствия... Дни моей работы с несчастным Марио Лания навсегда в моей памяти. Его прекрасный голос - это голос его души и сердца. Мне так и хочется сказать, что он был даже более велик, чем Кару-зо... Но мое мнение может быть слишком субъективным, так как этот человек и певец слишком покори́л меня.

Фильм „Серенада" был закончен и выпущен на экраны. Как и раньше, последовал успех, возросший оттого, что виновником его был любимый, всемирно известный артист, которого многие уже считали конченным человеком. В прессе даже появились мысли о том, что голос певца стал еще более красивым, благородным и что во внешнем облике артиста появились какие-то новые притягивающие черты. После бури солнце светит по-иному...

Отклик мировой прессы был единокорным - „Серенада" в биографии нашего героя - новая удача.

Успех заразителен... Как, впрочем, и беда. Посыпались новые контракты и ангажементы. А вслед за этим неотступно, будто тень, потянулся и его черный человек -эта дьявольская праздная жизнь, извечно преследовавшая знаменитого артиста. И возникала она тут же - обратной стороной удачи.

Снова Марио Ланца гордо смотрит на мир, он в настроении выйти на люди, прогуляться по белому свету, шаг его тверд и размашист, счета в банке заметно поднялись. И не стоит оглядываться назад, туда, где эти черные годы - полные лишений, обид, подлости, равнодушия... Он все прощает теперь людям, отвернувшимся от него в те тяжелые дни и ночи. У него не злая память. Он снова рад их видеть у себя -и так называемых друзей, и так называемых врагов...

И вновь ворвались в его притихший и погасший было особняк шум, кутерьма, звяканье посуды, пьяные вскрики, лесть, славословия, мед и яд стихийных расхожих слов, над которыми теперь нашему герою не хотелось задумываться.

Почему? Мы не можем сказать об этом наверняка. Может быть, люди перестали интересоваться им? Хотя вряд ли. Возможно, для Ланца наступила очередная полоса удачи, и ему хотелось, чтобы на его празднике гуляли все. Потому что свою очередную победу он одержал не над людьми -над собой!

Как бы то ни было, в его доме снова гремят тосты за удачу в настоящем и будущем. Да и он, несмотря на терзающие душу предчувствия, все же еще надеется на счастливые годы.

Глава 27

ОПАСНЫЙ КОНФЛИКТ

(по мотивам рассказа Терри Робинсона)

В жизни Марио Ланца было столько знакомств, что вряд ли он мог предвидеть в той или иной встрече какой-то умысел, а тем более зловещий.

С известным боксером Роки Марчиано его познакомил Терри Робинсон. Чтобы описать эту встречу подробнее, необходимо немного вернуться назад, в годы мрачного уныния и затянувшейся депрессии.

Терри Робинсон всячески пытался отвлечь друга, любым способом изменить его настроение.

И вот однажды ему показалось, что он нашел человека, который мог бы немного порадовать Марио...

Знаменитого Роки Марчиано, чемпиона по боксу в тяжелом весе, Робинсон встретил в спортивном центре. Ланца в это время тосковал в своем доме, мучаясь уединением. И в то же время он не хотел никого видеть. Стукнула дверь, шаги, голоса... Ланца вздрогнул. Ему показалось, что в его замке появился „чужой". Он резко открыл дверь и уже открыл было рот, чтобы отругать друга... Но увидел Роки. Да, того самого своего любимца Роки Марчиано, чей удар был подобен паровому молоту.

Ланца по-мальчишески присвистнул и бросился встречать знаменитого гостя. Новость тут же облетела весь дом. Марио попросил мать срочно наладить пышный обед.

Весь день новые друзья провели в шуме застолья, вкушали неаполитанские блюда под кианти из собственного винного подвала. В доме впервые за эти годы зазвучала итальянская речь.

Дружба началась. Марчиано следил за успехами знаменитого друга. После выхода на мировой экран фильма „Серенада" Марио получил от Роки телеграмму: „Последний твой фильм удивительный и прекрасный. Ты настоящий чемпион. Если уж ты наносишь удар - его чувствует весь мир".

Спустя некоторое время Марчиано позвонил из Лос-Анджелеса и попросил у Ланца разрешения заехать к нему с друзьями. Что за вопрос, Роки? Ланца рад не только другу, но и всем его приятелям.

Церемония знакомства с друзьями Марчиано сразу же омрачилась. Терри Робинсон догадался, кто они такие. Это были два ярких представителя итальянской мафии - некие Ломбарди и Лючезе. Причем этот самый Лючезе накоротке с могущественным „крестным отцом" мафии Лаки Лючано.

Обида взяла Терри, злоба и какое-то омерзение. Он хорошо знал цену всем этим мафиози. Знал ее и Марио Ланца, который в свое время сам воочию увидел плоды этой кровавой профессии... Он, Марио, не забыл ту тошнотворную сцену из своего детства... Изуродованное, в луже крови тело дядюшки Винсента...

Теперь Марио пил вино с этими „дельцами крови“. Терри мучило невольное раздумье: что общего у этого прекрасного спортсмена, мужественного, открытого, симпатичного человека Роки Марчиано с этими всеильными, звероподобными людьми!? На их счету не одно убийство, наркобизнес, грязные махинации. Почему Роки посмел привести их в дом честного артиста, у которого с тех далеких лет при слове „гангстер“ обрывается душа, напрягаются жилы, сжимаются кулаки?

Терри с напряженным вниманием смотрел то на Марио, то на гостей, предчувствуя недоброе. А Лючезе, у которого была кличка „Три Черных Пальца“, с видом знатока изящного искусства сыпал комплименты в адрес хозяина дома. Дружок Лючезе Ломбарди, не переставая жевать, поддакивал мафиози-меломану и, довольный, как сытый кот на солнце, щурил глаз.

В конце концов тучи сгустились, лезвием промелькнула молния. Но гроза была впереди. Кианти развязало языки. Марчиано решил поговорить о деле. Он придвинул к Ланца стул.

- Марио, дружище, я знаю, что у тебя случаются финансовые трудности... И есть, я знаю, люди, которые доводят тебя до такого бедственного положения. Мне все это знакомо. И я бывал в полном отчаянии...

Но это был только осторожный намек. Ланца сочувственно кивал. Он не знал, к чему клонит Роки. Да, Марио знакомы человеческие низость, подлость, предательство. Что и говорить, ему известны горечь и отчаяние, когда все благополучие враз летит в тартарары, а

вокруг пустота, ничто. Марио доверчив. Он готов поделиться с новыми друзьями всеми своими бедами.

Его слушают с приличествующими моменту сочувствием и пониманием. Ланца не предполагает никакого подвоха. Да нечего бы это, с какой стати?

И вот слово берет подвыпивший Лючезе. Он налил всем по полному бокалу кианти, встал и многозначительно изрек:

- Дорогой Марио, всем твоим невзгодам может прийти конец раз и навсегда... Если с сегодняшнего дня ты будешь работать только на нас. Мы будем сами выпускать твои пластинки, сами продавать. А что касается концертов... Это тоже наша забота. А все полученные от этого доходы мы поделим с тобой поровну. Но, главное, мы, именно и только мы будем беречь тебя от всяческой заразы... От всей этой крикливой прессы... Короче, от всех ненужных тебе... нам...людей... У тебя будет одна забота, наш дорогой Марио, -петь! И баста!

Застолье сковала тишина. Марио сжал губы. Теперь-то он понял и цель визита, и эту выпренно-наглуую речь мафиози. Терри напрягся. Он хорошо знает повадки Тигра. Сейчас разразится бой. Задача Терри отвести бурю. Или, верней сказать, смягчить ее последствия. Голос Ланца подчеркнуто сдержан и невозмутим.

- Это все, из-за чего вы сюда пожаловали?

Гости переглянулись и неуверенно кивнули. Марио остановил взгляд на Марчиано и так же спокойно и размеренно проговорил:

-Роки, ты меня удивляешь. Мне кажется, мы были с тобой друзьями?

Сказав это, он уставился на Лючезе, прицелился, как пистолетом, в его сторону указательным пальцем, процедил сквозь зубы.

-Вон! Убирайтесь к чертовой матери, дешевые убийцы, ублюдки! Я не продаю свой голос. Он дарован мне самим

Богом... А с вашими кровавыми делами я знаком с детства... Еще мой дед гнал из своей лавки точно таких же мерзавцев-цев взашей. Вон отсюда, подонки!

Лючезе, Три Черных Пальца, побагровел, вскочил со стула, словно на сиденье подложили ежа; а обжора Ломбарди так и окаменел с куском пирожного во рту. Любезный разговор обещал стать тexasской бойней. Но очнувшийся и вовремя спохватившийся Роки поспешил увести своих дружков. У двери расшвирупевший Лючезе задержался, прохрипел:

- Слушай, ты, толстый жлоб! Ты глуп, а потому и не понимаешь, с кем имеешь дело. Держи язык за зубами и побереги глотку для своего дешевого пения... А то я застегну тебе рот навсегда!

Ланца в порыве ярости принял стойку боксера, кинулся на мафиози, но Терри успел схватить его в охапку...

Неизвестно, чем бы все это кончилось. Как правило, эти ребята не ходят без „железной подружки" и, если что, долго не думают. Они вообще не любят думать.

Двери захлопнулись. До Марио долетел обрывок угроз отчалившей черной братии. „Мы с тобой еще увидимся, взбесившийся тенор!" - любезно попрощался Лючезе и хотел сказать что-то еще, но тенор грохнул дверью так, что она чуть не соскочила с петель...

Так ли надлежало вести себя в этой трудной ситуации Ланца? Сказать не берусь. Терри отнесся к поведению друга явно отрицательно. Нельзя так оскорблять этих нелюдей. Но что толку выговаривать об этом Марио? Прав, не прав. Опасно, не опасно. Ланца не мог иначе. Характер не переделаешь, не приладишь к жизненным неожиданностям. Да и вряд ли мафия осмелится мстить ему, думал Марио. Слишком он, Ланца, - популярная личность, слишком у всех на виду.

Увы, он непростительно ошибался. Подобные наглые предложения повторялись. Были они столь же методичны, назойливы, с явным расчетом на то, что когда-нибудь провокация выведет певца из терпения, а тогда уж у мафиози и развяжутся руки.

По совету друзей Марио стал осторожней с этими „агентами ада“. Отказываясь, он старался быть более сдержанным на крепкие выражения.

Да, к сожалению, жизнь нашего героя часто осложняли непредвиденные обстоятельства. И вот напасть за напастью. К творческой брешу прибавилась денежная, к безденежью - предательства друзей, а ко всему этому - еще и щупальца мафии... Как тут не взорваться, как не сломаться и не сойти с ума? А Бетти? Она ведь всегда рядом. Она делит с мужем всю горечь будней. И у нее нервы предельно обострены. Больному воображению видится самое страшное. Бетти стали мучать мысли о похищении ее детей. И она знает, что такое вендетта гангстеров. Этот мир не ведает никакой меры. Изощренность их преступлений чудовищна. Преступники играют на самых тонких струнах. За похищенных детей обезумевшие родители отдадут все...

Дом Ланца - проходной двор. Так было всегда. Теперь и Марио, и Бетти вынуждены ограничивать доступ посетителей. Но ведь не будешь же спрашивать у каждого паспорт и требовать характеристики на лояльность. Это глупо и бесполезно. Преступники - превосходные актеры. А подделать документ в наше время - пустяк. Так что с утра до ночи в доме Ланца царствовало напряжение. А легко ли так, с таким вот настроением жить час за часом, изо дня в день?

А теперь я хочу немного забежать вперед, чтобы продолжить эту неприятную, но, к великому сожалению, необходимую тему нашего повествования.

Случай относится уже к европейскому периоду жизни Ланца. Марио с семьей в Италии. Он снимается в новом фильме (подробней я расскажу об этом позже). У артиста огромная вилла. Настроение чудесное. Он на родине предков. А значит, лишний повод поделиться радостью с друзьями, знакомыми и незнакомыми людьми. Опять дом певца гудит. Дети Марио безудержно веселятся, носятся по мраморному холлу на велосипедах и роликовых коньках, устраивают засады, словно в амазонских джунглях, улюлюкают как индейцы, пугая то и дело шарахающуюся прислугу...

В один из таких обычных сумасшедших деньков веселящиеся детишки мистера Ланца чуть не сбили с ног одного весьма почтенного на вид неизвестного синьора, неожиданно возникшего на пороге дома. Им оказался ни больше ни меньше как недавно депортированный из Штатов король итальянской мафии Лаки Лючано собственной персоной. Неприкосновенность и всеилие его были таковы, что... его боялся укусить даже комар.

На лице - приветливая и вполне открытая улыбка симпатичного и доброжелательного господина. Он рад представиться хозяину дома, он с отменной учтивостью и элегантностью чмокает ручку Бетти, теребит голову детям...

И здесь я хочу рассказать о довольно-таки странной черте в характере нашего героя. Он, сам чрезвычайно знаменитый, любил общество знаменитых людей. В его доме появился вождь мафии. К мафии, как известно, Марио категорически нетерпим. Но визит главы подпольного мира польстил ему. Ланца принял синьора Лючано...

Если говорить о внешних повадках этого загадочного человека, то были они в высшей степени привлекательны. В этом и заключался страшный парадокс подобных типов. Истинное зло рядится в одежды ангела... Лючано обаятелен, хитер, умен, он тонкий и острый собеседник, великолепно

владеет искусством мгновенно располагать к себе незнакомых людей.

Разумеется, Ланца не из забывчивых простаков. Он знает, с кем имеет дело. Но вот его любопытство... В самом деле, ему интересно наблюдать за именитым гостем. Хоть он и черный король, но все-таки король... Что тут руководило Ланца? Здесь не было никакого расчета и никакой корысти. А все то же дерзкое мальчишеское любопытство, которое сродни хождению по кромке крыши или прыжкам в реку с крутого обрыва...

Марио не очень-то думал о последствиях этой встречи. Визит вежливости, и только. Поговорят и расстанутся знакомыми. Как парламентарии с белыми флагами во время переговоров. Условились и разошлись. Главное - дистанция.

Они долго беседовали в одиночестве. Те, кто был тогда в доме Ланца, узнав о страшном госте, поспешили исчезнуть. Обстановка мирно текущей беседы успокоила и Бетти: она забрала детей и пошла к себе в спальню.

О чем они говорили? Вообще о чем могут говорить знаменитый певец и знаменитый мафиози? Станный диалог, не так ли? Возможно, темы их разговора были вполне земными. А может, возвышенными? Ну, скажем, мафиози жаловался на вселенское непонимание их деятельности, ее „благотворительной" стороны, некоего „великодушия" по отношению к подвергшимся опасности людям. Так или иначе, „обаятельный гангстер" ушел с миром, оставив Ланца и его близких в полной уверенности, что визит синьора Лючано был вызван лишь его желанием ближе познакомиться с популярной кинозвездой.

Встречи повторились. Коварный человек, мафиози долго не открывал певцу свои интересы по части бизнеса. Возможно, в этом была тонкая игра. Если гость забрасывал удочку -Ланца не клевал. Гость чуть нажимал, Ланца выпроваживал его из дома: вначале безобидно, полушутливо

- дескать, о делах, синьор Лючано, в другой раз... Позже часто на этой почве они ссорились. Но, кажется, этот Лаки Лючано все-таки ценил Ланца за его неземной талант. Он был стоиче́ски терпелив, снося резкости Марио, его откровение в вы-сказывании своих взглядов на профессию гостя. Часто два короля бушевали всю ночь, пока Ланца не выдворял Лаки из своего „государства“. Лючано появлялся вновь...

Думаю, что просто-напросто у этого рафинированного подлеца Лаки Лючано была душа итальянца (и если не душа, то, скажем, натура), который понимал, что Марио Ланца - великий сын его родины. Понимаю, это звучит кощунственно, но ведь любят и ценят великое дарование не только добрые люди. Во всяком случае, если трезво взглянуть на поведение предводителя мафии, то совершенно ясно, что не бизнес интересовал его в отношениях к известному певцу. Зачем ему, гангстеру с миллионными барышами, зарабатывать какие-то (по его масштабам) крохи на искусстве Ланца?! И для чего терпеливо пропускать мимо ушей иные нелестные, часто граничащие с оскорблениями „приветствия“ певца? За малейший обидный намек Лючано любого мог вбить в землю колом. Мафии нужно было имя Ланца.

Короче, каждый из них продолжал оставаться на своих позициях. Мафиози играл роль преданного почитателя Марио Ланца (или был на самом деле таковым), а певец был непреклонен. Он никогда никому и ни за что не мог про-дать свой голос. И в этом он поклялся своей матери. А для него это равнозначно клятве самому Всевышнему

Глава 28 **ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В РИМ**

Начну с вопроса, ответить на который однозначно затрудняюсь и по сей день. По какой причине наш герой,

бесконечно любивший родину предков, так долго не мог встретиться с ней? Марио Ланца, человек решительный и целеустремленный, к некоторым важнейшим обстоятельствам своей жизни относился с осторожностью и раздумчивостью, что со стороны казалось даже робостью или нерешительностью. До невозможного откладывал выход на оперную сцену, отказывался вступить в ряды солистов „Метрополитен-опера“, ссылаясь на то, что он еще не готов...

И вот его любимая Италия, страна, все эти годы жившая в его сердце, мир его мечты, который в далеком детстве смотрел на Альфредо с красочных открыток итальянских видов, что висели на стенах его комнаты.

Теперь он увидит все это наяву...

Может быть, певец потому и ждал так долго счастливого момента встречи с обетованной землей, что хотел въехать в Италию на коне триумфа, то есть не только в цвете славы, но и с какой-нибудь особой миссией - по гастрольным обязательствам или для съемок в фильме.

Марио предчувствовал, что его будут встречать как сына. И он обязан не ударить лицом в грязь - ступить на священную землю своей исторической родины как достойный артист, как певец и как киноактер. Видимо, он ждал случая, когда бы его встретили не как туриста, а как родного человека, хотя на этой близкой и все-таки незнакомой земле у него не было ни родственников, ни друзей.

Заветное желание осуществилось. Ланца неожиданно получил предложение киностудии „Метро-Голдвин-Майер“ продолжить сотрудничество. Вражде вроде бы конец. Марио отходчив. Мы это знаем, и об этом говорилось не раз. Более того, все это могло произойти намного раньше, если кто-нибудь из „МГМ“ сделал бы шаг в его сторону. Ведь не ему же, Ланца, переступить через собственную гордость. Не он ушел, а его изгнали из Голливуда.

Замысел будущей картины принадлежал продюсеру Лестеру Уэлчу, режиссером должен стать Рой Роуланд, музыкальным редактором - Джордж Стоул. Фильм называется „Семь холмов Рима“.

Съемки намечены на начало мая 1957 года. Ланца надлежало приехать в Рим в апреле для записи фонограмм.

Не буду пытаться воссоздать то, что началось в доме Марио Ланца, когда он сообщил своим близким о предполагаемой поездке в Италию. Певец решил взять с собой всю семью. Родители снова увидят родину. Это счастье! И дети его должны увидеть родину предков раньше, чем это удалось их отцу.

Шум, волнение, предотъездная кутерьма, паспорта, гора справок и прочего, поиски прислуги, которая необходима в столь длительном и нелегком пути через Атлантику...

Оглянулись на пустой дом, скрылся за поворотом равнодушный, шумный и сонный Голливуд, исчезли за горизонтом последние небоскребы Лос-Анджелеса, и все объял океан.

Но и длинной дороге наступает конец. Трансатлантический лайнер, преодолев эти бесконечные шаткие мили, сделал широкий разворот на рейде Неаполитанского залива и бросил якорь в Неаполе - в „музыкальном сердце“ Италии. Неаполь встретил Ланца и его семью неповторимым колоритом красок, звуков, напористой и вместе с тем самой певучей в мире речью. А небо Неаполя! А песни, которые сразу же заявили о себе, зажглись и побежали вдоль пирса, по набережной, потекли, резвясь и играя, по улицам и площадям. Они натыкались на узкие щели переулков и тупичков - под мандолину ли, под аккордеон или просто так, вслед долгожданному „блудному сыну“.

Неаполь мелькнул сказочным представлением, пестрым спектаклем будней, больше похожих на праздничный карнавал, и растворился, растаял в голубой дымке.

А дальше - Рим... Вот убран трап самолета, взревели моторы, прощай, Неаполь, „город миллионеров" и фантазеров, мечты и разочарования, город-песня и „город рабочих рук"! Здравствуй, Вечный город!

Самолет замер на бетонке римского аэродрома... Что это? Людское море качнулось и пошло волнами под ноги, к самому трапу. Дрогнул полицейский заслон. Каждому хочется близко-близко разглядеть великого земляка. Ланца и его семейство в плотном кольце взволнованных людей. Молодая итальянка, словно символ родины, подошла к певцу. В одной руке розы, в другой бокал красного вина. Ланца дрогнул душой и почувствовал, как предательски защипало в глазах. Он пил вино за любимую Италию. За ее чудесный народ, за своих новых друзей, земляков. За надежду, свою и всех! До самого дна!

Он заново рождался. За несколько дней он пережил столько чувств! Его любили. Любили страстно и по-детски открыто, как могут любить только итальянцы. Марио чуть ли не в бреду. Его то и дело обжигает странное чувство: ему кажется, что он все еще спит, заснув там, за океаном, в уютной каюте. Он оглядывался, жадно всматривался в приметы старой новой родины, в лица итальянцев и не мог успокоиться. Столько света! И здесь он какой-то особый, ласковый, веселый...

Часто где-нибудь в гуще уличной толпы его вдруг что-то останавливало. Он смотрел на мир со стороны. Как будто кто-то давным-давно отснял все это на кино пленку и теперь ему показывает...

Или внезапно Ланца начинал чувствовать себя человеком, только что очутившимся на свободе после долгих дней заключения. Так все его удивляет, умиляет, будоражит,

то веселит, то окутывает легкой, приятной дымкой печали. И в такие минуты он мысленно переносил себя в Голливуд. И опять становилось нехорошо, неудобно. За океаном слишком озабочены деланием денег. И там он этого вроде бы не замечал. Здесь, в Италии, кажется, деньги тоже не на последнем месте... Но как они, итальянцы, умеют веселиться и чувствовать самое простое, обычное, земное. Таких людей любил Марио, потому что таким был сам... И еще он, шагнув на этот итальянский „сапожок", заметил одну особенность, удивившую его. В Голливуде, да и во всей Америке, расхожим, привычным словом было „дай". Здесь гораздо чаще звучало совсем другое - „возьми".

Понятно, душа Ланца восторженно откликнулась щедрому солнцу Италии. Он не всегда был восторженным. Там Ланца жил по другим законам. Иные его черты не смогли полностью раскрыться. Нужна была иная почва. Здесь он почувствовал себя истинным итальянцем, хотя, как известно, родился в Америке, и вышел в люди, и достиг вершины славы в американской среде. Но, по существу, все эти годы он оставался итальянцем - был щедрым, темпераментным, жизнелюбивым, азартным и озорным, как эти черноглазые и темноволосые юркие подростки, снующие следом за знаменитым земляком, сошедшим как ангел с неба на их землю с голливудского экрана...

Короче, Ланца с удивлением и удовольствием отмечал, что нет, все-таки он не американец. Американцы много трудятся и мало отдаются праздности. Марио желал бы перевернуть эту житейскую формулу. Хотя попробуй погуляй и пороскошествуй в этом заводном и бездушном Голливуде. Вылетишь в трубу, разоришь семью, пустишься по миру. Да и налоги в Штатах! Во много раз больше, нежели тут, в Европе.

В общем, наш герой преобразился, перевел дыхание. Надо менять привычные гнезда, ломать устоявшийся

порядок вещей. Конечно, от себя не уйдешь и не уедешь. Но вот для настроения... Километры и мили, перестук колес поезда или призывно-щемящий пароходный гудок, новые города, незнакомые лица врачуют душу.

В Риме Ланца поселился на вилле Бадолио. Некогда этот роскошный дом принадлежал Муссолини, а затем от кровавого дуче перешел в качестве поощрения фельдмаршалу Бадолио, когда тот отличился в эфиопскую кампанию. Вилла расположилась на римской окраине в одном из самых дорогих и элитарных районов столицы, где царила тишь да благодать. Дом начинался с внушительных кованых, затейливо орнаментированных ворот, возле которых зловеще маячила охранная будка. Да и домом в обычном понимании эту виллу не назовешь. Дворец, настоящий дворец! Чего здесь только не было! И спортивный зал, и бассейн, и теннисный корт. Потолки и полы выложены мозаичным мрамором. Все блистало, чудесно отражаясь и снизу и сверху, преломляясь и множась, как в калейдоскопе. Антикварная мебель, старинные вазы, часы, статуэтки - это вполне могло бы занять место в любом музее мира.

Для записи музыки к новому фильму отведено уникальное по интерьеру и акустике помещение, принадлежащее Ватикану, - „Аудиториум Анджелико“.

Был приглашен симфонический оркестр Итальянского радио и именитые дирижеры Джордж Стоул и Ирвинг Аронсон.

Неуемный талант Марио, подкрепленный и благодатно напитанный духом родной земли, с избытком насытил новую киноработу. Кроме обычных сфер - певческой и актерской - в фильме нашлось для него еще одно „амплуа“: Марио мастерски, изобретательно спародировал известных эстрадных и джазовых певцов - Перри Комо, Френки Лейна, Дина Мартина и короля джаза Луи Армстронга.

Запись музыки успешно завершена. С оперными отрывками соседствовали прекрасные песни, а вместе с этой строгой красотой - шуточные имитационные музыкальные трюки. Лейтмотивом фильма стала песня „Арриведерчи Рома" („До свиданья, Рим"). Ее написал известный итальянский актер Ренато Рашел. Он также снялся в этой ленте и, как всегда, успешно, своеобразно и весьма к месту. Партнершей Марио стала молодая итальянская кинозвезда Мариза Алласио.

График фильма идет как надо. Ланца не просто дисциплинирован (что в иные времена для него было „верхом достижений"), но работает с явным удовольствием. И вдруг...

Да, уважаемый читатель, мы столько раз с вами останавливали ход повествования этим выражением. Что ж, таков наш герой, такова его стремительная жизнь. Слишком много держали его плечи, слишком часто немела душа у самой черты невозможного, на границе земного и сверхчеловеческого...

Опять он дьявольски устал, опять сник и погас. Да и когда? За несколько дней до окончания работы, которая летела как состав по накатанным рельсам. Пал духом... Вновь, вновь эта насильственная, нечеловеческая голодовка. Теперь, кажется, уже не хозяин организма, а сам организм взбунтовался и подал мозгу команду: будет тебе, Марио, веселый антракт!

И артист сдался - устроил себе две разгрузочные недельки, которые обошлись ему в 35 тысяч долларов. Но это ладно, Марио не привыкать платить неустойки кино- и грамстудиям. Срыв стоил ему большего - здоровья. Пришлось вызывать врача...

Разговор с доктором он вел на равных. Марио не любил подчиняться и уступать даже тогда, когда над ним маячила тень обреченности.

Врач методично и, как ему казалось, убедительно говорил о серьезности заболевания. Диагноз зловещ: затвердение стенок артерий, ведущих к сердцу, признаки диабета, подагра... Не слишком ли много для тридцатишестилетнего мужчины, внешне здоровяка! Так что, дорогой синьор Ланца, к сожалению, покой и диета, диета во что бы то ни стало... Тут Марио, помянув своего любимого дружка черта, попробовал объяснить врачу, что никакой итальянец не проживет без спагетти и вина. Доктор вежливо улыбался. Марио хмурился. Сказал тихо, глухо, как бы только себе: „Если я должен умереть, пусть так оно и будет". И уже громче, вскинув голову, добавил: "Зато я умру счастливым и веселым".

После непредвиденных „каникул" Ланца возвратился на съемочную площадку. Через несколько дней был отснят последний кадр.

Фильм „Семь холмов Рима" прогремел так же, как и предыдущие кинематографические работы Марио Ланца. Даже Нью-Йорк, до этого позволявший себе колкую скептику в адрес голливудской звезды, теперь взхлеб хвалил Ланца, считая эту ленту чуть ли не лучшей после „Великого Карузо". Артист, просматривая подобные рецензии, с грустью признавался в том, что „нужно было мне уехать из Штатов, чтобы меня разом полюбили все газетчики".

Думается, реплика эта, скорей всего, от усталости, от настроения. Нельзя столько лет кряду сжигать нервные нити в душевном напряжении. Нервная система - не электричество. Перегоревшую лампочку можно заменить. Нервы безвозвратно умирают... А что касается газетчиков.. Тут наш герой вряд ли прав. Познал он газетно-журнальные вихри восторга. И вовсе не дутые, не ради красного словца. Знал он их столько раз, в том числе и за океаном. На американской земле, что дала ему жизнь.

Глава 29
**«КОРОНОВАННАЯ КОРОЛЕВА»
И «НЕКОРОНОВАННЫЙ КОРОЛЬ»**

По-прежнему жизнь и творчество, будто качели, возносили Марио в небеса удачи и тут же низвергали в пучину, где неизбежны одиночество, тоска, мучительные срывы и, как следствие, болезни, которых у него, к великому сожалению, прибавлялось от года к году.

Работа над фильмом завершена. Снова, как некогда, из киностудии Ланца отправляется в концертное турне, которое отстояло от предыдущего, под названием „Великий Карузо" (по двадцати двум городам США и Канады), на шесть лет. И вновь, как в былые времена, Марио предстояло вступить в бой за право доказать высокое звание всемирного артиста. А подобные схватки венчались победой лишь тогда, когда удавалось победить себя.

Победить себя, не изменяя себе.

Истекал год тысяча девятьсот пятьдесят седьмой. Началось большое турне по Европе. Вновь партнер Ланца - его верный друг маэстро Каллиникос. Именно он стал непосредственным участником и свидетелем событий, развернувшихся в Лондоне. Пусть он и расскажет о последнем мучительном и в то же время, вопреки всему, удивительном переломе нашего героя, сумевшем преодолеть, казалось бы, непреодолимое.

Исповедь Каллиникос назвал так: „Три дня в Лондоне".

- Это продолжалось три дня и три ночи: невыносимые мучения моего друга Марио Ланца я буду помнить всегда. Ничто, кажется, не могло его остановить. Никакие доводы и убеждения не могли тронуть его сердца. Он словно сознательно поставил цель - разрушить себя. Он совершенно потерял власть над собой... Он непрерывно пил шампанское в течение семидесяти двух часов. А через три

дня ему выступать перед королевой Англии... Компания „Коламбия Артисте" в Нью-Йорке и Лесли Грейд в Лондоне сообщили Ланца, что торжественное представление состоится в Палладиуме - самом знаменитом концертном зале Лондона - в понедельник 18 ноября 1957 года...

Когда поезд подъехал к вокзалу „Виктория" в Лондоне, Ланца нетерпеливо выглянул из окна вагона. На перроне была огромная толпа. Мы сразу попали в море приветствующих Ланца людей - от самых юных до пожилых. На плакатах написано: „Добро пожаловать, Марио!", „Привет, Ланца!" Женщины тут же набросились на него. Одни его обнимали, другие прыгали возле него, третьи пытались целовать.

Поклонницы сбили его с ног. Но ему удалось подняться, вырваться из их объятий. И он стал искать убежища в одном из вагонов „Золотой стрелы".

Марио был смущен, он задыхался. Костюм измят и испачкан, без единой пуговицы, рубашка на груди висела ключьями. Шляпы, шарфа, галстука и трости как не бывало. Все лицо в губной помаде... А глаза сияли радостью. „Наконец-то за эти десять минут я впервые могу вздохнуть свободно", - говорил он, все так же смущенно улыбаясь.

-Ну кому это нужно?- пробовал я возразить.

- Великолепно! - Марио кивнул на толпу, бушующую на платформе. -Если такое прекратится, мы останемся без работы...

Все начиналось многообещающе, но потом...

Ланца ожидала пресс-конференция в отеле „Доркастр", где он остановился. В прошлом корреспонденты были или подобострастны, или жестоки по отношению к певцу. Это очень пагубно сказывалось на нем, так как Марио, человек с большим самолюбием, казалось, только и мог процветать в атмосфере любви и преклонения. Против жестокости и подлости у него была единственная защита - грубость. Зная это, пресса

пыталась спровоцировать его, вывести из себя, чтобы в целях сенсации освещать все это на страницах своих газет и журналов. А Марио, читая потом их рассказы, просто заболел от горя и ярости.

Когда пресса толпой ринулась в его апартаменты, Ланца стал готовиться к пресс-конференции как к очередной пытке. Он нервничал и, казалось, предчувствовал приближение несчастья.

Я надеялся, что вопросы английских корреспондентов будут тактичнее. Но мои надежды не оправдались. Первый вопрос был:

-Каков ваш вес на сегодня?

Ланца приходил в гнев от подобного любопытства. Он даже с друзьями избегал говорить об этом... Уязвленный, он помедлил, бросил свирепый взгляд на задавшего этот бестактный вопрос и ответил:

- Слава Богу, я не обижен весом, если вас это интересует. Но, черт возьми, разве вам больше не о чем поговорить с артистом?

Ланца сжал губы... Это означало, что он начинает выходить из себя.

Затем последовал еще один вопрос, точно такой же, как и предыдущие.

-Какова ваша диета?

После паузы последовал каскад красочных ругательств. Марио сыпал ими, как знаками препинания...

Началась травля, а с нею и новые муки Ланца. Он пришел в ярость, поняв, что его спровоцировали, что он стал мишенью для насмешек и издевательств.

Я знал, что теперь, после этой пресс-конференции, которая, конечно же, была сорвана, он будет пить.

Весь следующий день он пил шампанское. Пил один, пил с официантами, пил с поклонниками...

- За что? - Он сгребал со стола ворох газет и оглядывал тех, кто был с ним рядом уставшими, воспаленными, мутными глазами. - Ну почему... куда бы я

ни приехал, все говорят только о моем весе, фигуре, диете? Я ведь не цирковой феномен, а обыкновенный человек... Певец, артист...

Была пятница, но в субботу ничего не изменилось. Я знал, что Марио все равно не пойдет со мной, и отправился в Палладиум один репетировать с оркестром.

Возле Палладиума выстроились сотни людей, ожидавших певца, который должен был приехать на репетицию. Британские полицейские были наготове, чтобы оградить Ланца от толпы...

После репетиции я вернулся в отель. Сегодня Марио выпил столько, сколько было в состоянии выпить несколько человек. В воскресенье утром я пришел к Ланца с намерением заставить его прекратить пить, прежде чем на глазах у всех он угробит себя. Я вошел к нему в номер вместе с официантом, который нес ему очередную бутылку шампанского. Мое сердце упало, когда я увидел Марио. В своем синем халате он стоял посреди комнаты, нетвердо держась на ногах. Лицо его было опухшим и небритым. Он с трудом взглянул на меня.

Пустые бутылки из-под шампанского окружали его. Обычно он просил, чтобы их тут же уносили. Значит, он пил быстрее, чем их успевали убирать. Было десять часов утра. Только одни сутки, всего двадцать четыре часа отделяли его от встречи с королевой.

Для Ланца, человека, обладающего большой физической силой, было достаточно и суток, чтобы прийти в норму, если бы сейчас же он прекратил пить.

Питер Причард, его лондонский агент, стоял у камина и безнадежно наблюдал за Ланца. Увидев меня, он подошел и негромко пожаловался.

-Я не знаю, что делать... Может быть, вам удастся остановить его?

Агент плохо знал Марио Ланца. Никто во всем мире не сможет остановить его, пока он сам не остановится...

Марио налил в новый стакан шампанского и подтолкнул его по крышке пианино в мою сторону.

- Выпей, Коста... Жизнь коротка и летит, как птица... Придет смерть, и все... - проговорил он с драматическим надрывом и по-итальянски.

Я и раньше слышал от него подобные фразы, поэтому перестал обращать на них внимание.

- Я не хочу пить, - жестко сказал я.

- Тогда давай петь!

Сказав это каким-то отчужденным голосом, он тут же запел „Потому что ты моя"... Эту прекрасную песню Ники Бродского.

Я содрогнулся, настолько это было скверно для голоса Марио. Кончив петь, Ланца снова наполнил бокал шампанским и подошел ко мне.

- Да, это плохо... - медленно и едва разжимая челюсти, будто преодолевая дикую зубную боль, проговорил он. - Завтра будет лучше. Не беспокойся, Коста. И что у тебя за привычка беспокоиться по пустякам?!

Я выскочил вон из номера... Потом наступил перелом.

- Он кричал, затем зарыдал горько, упал на диван и все повторял, что его здоровье совершенно разрушено и никому до этого нет никакого дела, - позже рассказывал мне мистер Причард. Вошел официант, поставил новые бутылки шампанского, забрал пустые и ушел. Ланца молча взглянул на них, поднялся с дивана и ушел в спальню.

Я не знаю, стыд или физическая боль заставили наконец Ланца прекратить оргию и взять себя в руки. Ведь почти трое суток после этой проклятой пресс-конференции он не спал, почти ничего не ел, а только без конца пил шампанское.

В воскресенье, в два часа дня, он уснул. Рано утром в понедельник Ланца позвонил мне. Удивительно, его голос звучал чисто, хрипоты не было.

- Не беспокойся, Коста, - начал он с известной мне успокоительной интонацией, - все будет по-прежнему. Мы хорошо проведем концерт сегодня вечером...

Так прошли эти бредовые, чадные, мучительные три дня, о которых с болью и искренним сочувствием поведал нам Константине Каллиникос.

Впереди было торжественное представление. Роскошный, гигантский, рассчитанный на 2500 мест, дворец „Палладиум" в сверкании огней, главным украшением которого была ее величество королева Англии.

Не будем говорить о степени волнения „пробудившегося" Ланца. Дорога на концерт - как в тумане, в глаза бросился плотный полицейский пикет... Прибыла королевская свита, королева Елизавета и принц Филипп, а следом вереница официальных лиц и гостей. Смокинги, декольте медленно заполняли зал; сверкали драгоценности, соревнующиеся с блеском хрустальных люстр и светильников. Церемониймейстер провозгласил начало торжественного ритуала... Господи, как же долго они играют национальный гимн! Марио никак не может сосредоточиться, да и чувствует себя неважно. Шепчет Каллиникосу, вытирая с лица обильный пот: „Коста, если я забуду слова..."

Сначала выступали английские актеры, кинозвезда Джуди Гарланд, и только потом очередь Ланца. В перекрестном свете прожекторов, держащих певца словно самолет в небе, он выглядел на этой огромной сцене одиноким путником в пустыне. А дальше - темный провал, бездна... Вдруг оттуда вскипел прибой аплодисментов, поднялся, набежал, ударил в сцену, словно в гранитный берег, разбился, рассыпался и откатился, взяв новую силу... Объявили его имя. Он расслышал его как самую большую неожиданность. Шагнул, повинувшись инстинкту, к невидимой точке где-то в центре сцены. Вскинул голову. Поймал взгляд

дирижера. Маэстро Каллиникос внимательно и как можно спокойней смотрел на него из оркестра, как никто понимая состояние своего дорогого и несчастного друга. Как ему, Марио, одиноко сейчас со своими горькими и тревожными думами. Дирижер улыбнулся певцу. У них это добрый, взбадривающий знак к действию: „Не робей, Марио! Все будет отлично!" Марио мысленно оценил жест друга и...

Очнулся он, то есть вполне ощутил себя твердо стоящим здесь, на „твердой почве" сцены, в реальном пространстве и времени, только тогда, когда уже подходила к концу его любимая песня „Потому что ты моя"... Глубокие мужественные звуки вели его словно поводырь. Голос звучал! Вот что важно! Он не мог сказать наверняка, как именно звучал, возможно, после этих трех дней и ночей не так, как в лучшие времена. Но это все же был его чудесный, завораживающий, повелевающий голос.

Начало вроде бы удачно. Он сам это чувствует. В зале доверительная обстановка. Публика во власти певца. Теперь он споет им серенаду „Ночь любви". Нужна нежная страсть, нужна красота, мягкая, струящаяся, ласкающая полетность звука... Красота - ведь это такое сердечное лекарство! Третьим номером прозвучит популярная ария Каварадосси „Горели звезды" из оперы Пуччини „Тоска". Это уже проба голоса по высшему оперному счету. Зал то волнуется и бурлит, то цепенеет от глухой тишины... Венчают программу неаполитанские песни. В них Марио постарался вложить всю свою любовь к родине, которая так чудесно разгорелась, когда ему выпала доля ступить на землю любимой Италии.

После концерта первая дама Англии, не скрывая волнения, подарила певцу признание:

- Мистер Ланца, я никогда не думала, что из человеческого горла могут исходить такие прекрасные звуки.

Польщенный артист отвечал с присущей ему находчивостью.

-А я, ваше величество, никогда не мог себе представить, что такая молодая и очаровательная женщина может править столь могущественной державой, как Великобритания.

Газеты шумно отреагировали на эту встречу певца и королевы: вот он каков, этот знаменитый мистер Ланца! Не упустил случая пофлиртовать даже с самой королевой. Хотя, между нами говоря, ее величество сама растаяла от комплимента всемогущественного певца, этого некоронованного короля.

Итак, Марио Ланца понял, что это победа! Он победил самого себя. Выбрался из долгого, душного, давящего туннеля сплошной ночи. Выбрался, ведомый спасительной силой голоса, к свету!

Глава 30 **«ГЛАДЬ» и «УХАБЫ» ЕВРОПЫ**

Лондон покорен. Ланца продолжил выступления по городам Англии и Шотландии. По его признанию, особенно запомнились ему Шеффилд, Глазго и Эдинбург.

И снова Лондон, на этот раз три триумфальных концерта в „Королевском Альберт-холле“, вмещающем восемь тысяч слушателей.

Компания „Эр-Си-Эй Виктор“ записала один из этих концертов на магнитную ленту и выпустила пластинку, по которой мы имеем возможность ощутить живое дыхание того успеха.

Огромный зал не оснащен звукоусилительной техникой, поэтому выступлениями в именитом Альберт-холле Ланца в очередной раз доказывал, что голос его полон силы, полетности и красоты.

На всю гастрольную поездку по Англии Ланца составил один репертуар, включающий арии из опер и песни. Это свидетельствует о широте художественных интересов и возможностей певца. Привожу полностью его концертную программу: „Плач Федерико" из оперы Чилеа „Арлезианка", один из вокальных опусов Монтеверди, „Солнце над Гангом" Скарлатти, „Пьета Синьора" Страделлы, „Расскажи о голубом небе" Джанники, „Добрый день, моя прекрасная Бе-ренд", „Дом на холме" Чарльз, ария Каварадосси из „Тоски" Пуччини, неаполитанские песни „Что моя мама хочет знать" Нутиле, „Марекьяре" Тости, „Потому что ты моя" Бродского, „Арриведерчи, Рома" - песня из фильма „Семь холмов Рима"... Сверх программы Ланца спел песенку Герцога из „Риголетто" Верди.

В конце января 1958 года Марио Ланца самолетом прибыл в Мюнхен. Представители дирекции западногерманской фирмы, организаторы турне, устроили артисту торжественную встречу. Огромный букет желтых гвоздик, которым одарили Марио, тут же с рыцарской учтивостью роздан присутствующим дамам.

Вечером в гостинице пресс-конференция. Ланца твердо решает не ввязываться в сражение с репортерами. Правда, поводов для стычек вроде бы пока нет. Ланца объясняет собравшимся, сколь ответственно он относится к гастролям в Европе и, в частности, в Германии. В его тоне и пафос, и улыбка.

- Мой голос для всех. Он не знает никаких национальных границ. Ведь музыка - это мост между небом и землей... Говорят, Мюнхен славится замечательными деликатесами. Я непременно попробую всего и отведаю моего любимого немецкого пива.

Первое выступление на следующий день, 26 января - в актовом зале Немецкого музея. Знакомая картина: ищущие лишнего билетика, снующие спекулянты, раз в пять-шесть

дороже перепродающие билеты, раскупленные за несколько недель до концерта. Впрочем, то же самое будет в Висбадене, Киле, Ганновере, Нюрнберге, Штутгарте, Гамбурге, где певца будут встречать и чествовать как национального героя.

Мюнхенская публика горячо отнеслась к певцу. С немецкой настойчивостью и обстоятельностью, но и неожиданным темпераментом публика требовала на бис популярных песен, знакомых по фильмам. Ланца рад был, да не мог откликнуться на столь нетерпеливые просьбы немецкого слушателя. Ну как объяснить им, что есть предел усталости. Что позади напряженные дни работы, а впереди новые города, новые люди, для которых также нужно гореть. Ведь выступление через силу, против воли становится каторжной галерой. А ведь искусство - высшая форма свободы... Но как все это объяснишь? Он здесь, на сцене, обливается потом с помутившейся от непреодолимой усталости головой, а там, через рампу -они, заплатившие за свое право требовать все, что хочется. Их можно понять. Да, великие таланты возмущают стихию зала. Восторг становится массовым. Это буря, которую ничем не унять. Только новый выход, только умиротворяющий на мгновение волшебный гипноз голоса.

То же самое в Штутгарте. Стон публики в зале „Лидерхалле“. Ланца пел сверх программы. Слушатели довольны. Публика ценит жертвы в искусстве. А критики, эти большей частью бесстрастные хроникеры, умничают, рассуждают о „напряженности пения“ и прочем. „Штутгартер Цайтунг“ как бы между прочим замечает, что поет Ланца все-таки с трудом, с чрезмерным напряжением и что „о легкости исполнения не может быть и речи“. Что ж, у каждого право писать то, что он считает нужным. Но на минуту представьте себе другое: к примеру, мистер Ланца вдруг решил объехать тот или иной город. Понятно, маршрут утвержден контрактом. Ну а все-таки - взял, да и передумал.

Заплатил неустойку - и мимо. Был бы праздник в городе? Осталась бы память о событии, которое случилось первый и последний раз? Так отчего же критика мельчит, подкусывает? Или она не знает, какой ценой расплачиваются за божественный дар великие артисты?!

Робинсон вспоминает, что в Штутгарте Марио был не в лучшей своей форме. Чувствовал он себя неважно. Перед самым выступлением его прихватила приступ подагры. По-прежнему мучили диабет и флебит. Приходилось прибегать к уколам, чего Марио отчаянно не любил, на воспаленную ногу он натянул резиновый чулок... И вот предчувствие чего-то нехорошего от этих уколов оправдалось. Один из них оказался явно неудачным. Игла ли была нестерильной, или задела какой-нибудь нерв, но так или иначе началась токсикация в ослабленном организме. Заражение крови - дело нешуточное, а тут еще эта боль в ноге (ходил он, опираясь на палку), подскочила температура... Но Марио, бог весть как, пересиливая себя, продолжал выступления.

Подобные самоистязания не бесконечны. Врачи взяли за больного артиста более решительно. Гастроли прерваны. Марио возвратился в Рим. Клиника...

А по всей Германии слух о том, что Ланца не вернется. Лживый репортеришка пустил в возбужденную читательскую среду дешевую утку: дескать, он лично видел певца, беззаботно потешающегося в одном из ночных клубов Рима. Наглая выдумка взбесила больного Ланца, ввела в излишний азарт. Он встал с больничной койки и, вопреки всем увещаниям и предупреждениям врачей, заявил, что гастроли в Германии состоятся.

И снова доказал всем неукротимость характера - продолжил гастроли.

За Ганновером - Киль... Зал на семь тысяч зрителей, тридцатиметровая сцена, опять никаких микрофонов. Ланца, больной (ко всем недугам еще и сильная простуда), поначалу просто растерялся. Снова нечеловеческие усилия. Концерт прошел успешно. Что делалось с певцом, что было в душе - об этом мы можем только догадываться. О выступлении свидетельствуют „Любекские новости“:

«В зале воцарилась тишина. Итальянские арии, народные песни, Пуччини, английские шлягеры. Весьма обширная и тщательно продуманная программа... Становится заметным уже после первых тактов, что этот пожинаящий славу, избалованный вниманием публики человек не может считаться главным образом только „продуктом рекламы“. Марио Ланца - безусловно выдающийся певец! Сам материал, который представляет этот удивительно благозвучный, с густым тембром голос, - это неслыханный дар природы. У Ланца в горле бриллиант, а в груди - Страдивари. И он умело распоряжается этими сокровищами».

После Киля - концерт в крупнейшем городе Западной Германии Гамбурге. Он назначен на 15 апреля 1958 года. Запомним и эту дату в ряду трагических дней нашего героя, толкавших его к роковой черте.

Марио по приезде в этот город чувствовал себя еще хуже, чем в Киле. Простуда не отпускала. О других его болезнях не говорю. Теперь они словно вторая его натура. А с этим приходится считаться. Певец охрип. Не то чтобы петь - он и слова произнести не мог.

Вот подробности этих дней.

Г.-М. Хаузнер, автор книги „Трагедия одного голоса“, рассказывает, что ровно в 12.20 вместо ожидавшегося кумира публики на сцене появился директор Гамбургского концертного бюро Коллен и объявил, что, по полученным сведениям и по свидетельству врачей, Ланца заболел и

вынужден отменить выступление. В зале словно рухнул потолок. Вопли, угрозы, свист... Объяснить что-нибудь не было возможности. Никакие свидетельства врачей, которые уполномочен был сообщить почтенной публике господин Коллен, не принимались. На сцене и в проходах зала появилась полиция. Кое-как бурю смягчили. Коллен вышел на авансцену и по-немецки обратился в зал только с одним вопросом: нужно ли договориться с мистером Ланца о дне, на который можно перенести его выступление. Воздух в зале, будто парусину, снова распорол дружным криком: нет! не нужно! И тут же полетели, замелькали клочки демонстративно изодранных программ. Они летали по залу как хлопья снега... На сцену с трудом пробился Константин Каллиникос. У него был некоторый опыт подобных публичных объяснений и, разумеется, извинений. Улюлюканье и гвалт поднялись с новой силой. Толпа вопила и извергала брань. Разгоряченные зрители брали штурмом сцену. Фоторепортеры вскарабкались на рояль и оттуда защелкали камерами. Оставаться на сцене было опасно. Каллиникос с помощью полицейских спешно ретировался. А толпа, кипящая, как в чертовом котле (большинство слушателей были уже в пальто и шляпах), продолжала топтать ногами. Кто-то начал по-школярски хлопать клавишной крышкой рояля, кто-то отпихнул его и заиграл траурный марш Шопена, а какой-то остряк загорланил оперную арию, пытаясь изобразить „знаменитого тенора“.

Кому-то, может быть, удастся объяснить или даже оправдать столь откровенно циничное, безобразное и бесчеловечное поведение гамбургского слушателя. Я не берусь за это.

А что же Ланца?

Еще в полдень его лечащий врач осмотрел певца. Обнаружено покраснение горла и глубокий бронхит. Срочные меры лечения не возымели успеха. Не помогли и

сильные дозы инъекции всевозможных лекарств. Болезнь оказалась серьезней, чем предполагалось. Тут уж никакая сила воли не выручит, никакие „сверхъестественные“ средства.

На следующий день после скандала поверенный Ланца в Гамбурге хотел было задержать певца, воспрепятствовать его выезду из города и даже попытался отобрать у Ланца паспорт. И только вмешательство американского генерального консульства сумело предотвратить эти незаконные действия. Кроме того, импресарио Коллен подал на певца иск в суд о возмещении артистом убытков за несостоявшийся концерт.

Вконец расстроенный, подавленный и злой, Ланца утренним рейсом вылетел в Рим.

В гневе, возмущении, обиде захваченный эмоциями Марио вряд ли подозревал тогда, как он тяжело болен.

Глава 31 **«СЕРЕНАДА БОЛЬШОЙ ЛЮБВИ»**

Турне отняло слишком много сил. Его вновь гнетет глубокая депрессия. Отчаянные, черные мысли о скорой смерти становятся еще более назойливыми, неотступными. Марио гнал их старым способом: пытался забыться в шумных компаниях. Но заболевшую душу так уже не исцелить. „Чем лучше вечером, тем хуже утром“. Да, как бы легко и беззаботно ни было в кругу знакомых, в людской бездумной суете, неминуемо наступало утро, а с ним и безжалостное одиночество. Словно чья-то неотвратимая рука ставила передним зеркало самобичевания. Тяжелые думы и предчувствия буквально выжигали нутро.

Это стало началом дерзкой и бесшабашной игры со смертью.

Он раздвоился. Два фронта его существа - душа и тело - вступали в последний этап схватки. Тело требовало отдыха и лечения, а душа - новых, смертельно опасных

наслаждений. И не в этом ли трагический диссонанс феномена Марио Ланца? Он понимал, как необходимо вести себя великому дарованию. И в то же время нечто противоречивое, кощунственно-дерзкое нашептывало ему: а зачем, ради чего, к чему жертвоприношения? Жизнь не повторится. Жизнь - удовольствие. А искусство? Искусство - не монастырь, а артист - не монах, не смиренный послушник. Воля - вольному...

Словом, внутренние необъяснимые противоречия разрывали душу: на одном полюсе - мрачные раздумья о скорой кончине, на другом - радужные планы на будущее...

Ему предложили гастрольную поездку по Южной Африке. Мысленно он представил себе экзотический континент. И то, как его будут встречать и слушать незнакомые люди, у которых, по-видимому, не такие, как у американцев или европейцев, эмоции, привычки, эстетические чувства. Но если подумать о ее практической стороне, эта поездка сразу отзывалась чем-то неприятным, болезненным. Там, в Африке, жарища, там непривычные условия жизни. А если он провалится?! Он, снискавший мировую славу артист! И снова Ланца начинал переживать известное состояние - боязнь себя перед огромным скоплением народа. Понятно, еще и нервы... Теперь его нервная система повелевала им и подавляла, лишала его воли...

Бетти серьезно беспокоило состояние мужа. Но она боялась заговорить с ним о психиатре. Любой намек на лечение выводил Марио из себя.

- Может, вы меня еще в психушку отправите?! Неужели вы не понимаете... я болен физически... А морально... морально устал. Просто устал! Вы поймете это только тогда, когда я умру.

Бетти уже не могла сдерживать слез. Растроганный Марио смотрел на жену с жалостью и болью. Он все-таки сильный, он, несмотря ни на что, все вынесет. А вот Бетти... За что она мучается?

И он спешил ее отвлечь, успокоить.

- Давай устроим себе второй медовый месяц... Уедем куда-нибудь, где не будет никого, кроме нас.

Бетти вытирала слезы, грустно улыбаясь.

- Все эти годы я ждала от тебя этих слов.

Чуть позже их мечта сбылась. Они бросили все и уехали в благословенные горы Швейцарии. В их жизни самые счастливые дни выпадали на Рождество. На этот раз светлый праздник был только для их семьи. Никаких нянек, слуг, импресарио. Никто не требовал автографов, интервью, не было ни режима съемок, ни концертных обязательств, ни финансовой казуистики. Только близкие, только отдых, веселье, коньки, санки, снежные бои...

Таких счастливых дней у семьи Ланца больше не будет.

Ну, а сейчас Марио в тяжелом унынии. Он замкнут в стенах собственной крепости - виллы на тихой улице. Сад за окном печален и одинок. Таким, по крайней мере, видится он нашему герою. Безмолвствуют гигантские сосны и кипарисы. Они словно вслушиваются в эту гнетущую тишину.

Ничего не остается, как снова и снова играть в эту опасную игру жизни и смерти, безоглядного саморазрушения. Опять вино, шампанское, пиво... Слуги исполнительны. Они знают о запрете хозяйки. Но синьор Ланца требует и обещает вознаградить за услуги. Всем известна его щедрость.

А менеджеры в то время пристально следили за певцом. Ланца, кажется, задержался в Европе. Не предложить ли ему новую киноработу? Например, немецкая киностудия „Корона-фильм" будет счастлива поработать с голливудской суперзвездой. Певцу предложение по душе. Ему и правда не хочется ехать в Африку. Вот и повод

отложить или вовсе отменить гастроли. Договор с продюсером Александром Грютнером подписан. Картина называется „Серенада большой любви“.

Что и говорить, сегодня знаменитый артист далеко не в лучшей форме. Продюсер тонко, как бы между прочим, подружески намекает синьору Ланца, что не мешало бы обратиться к помощи врача. Есть прекрасный специалист - доктор Фрювейн из Мюнхена. В другие времена Марио вряд ли согласился бы. Никаких врачей он не признавал. Но сейчас ему хочется сниматься в новом фильме. Он знал, что эта работа вырвет его из затянувшегося сплина.

Марио согласен. Он едет в Мюнхен.

Результаты медицинского обследования весьма удручающи: размеры печени и сердца увеличены чуть ли не вдвое. Доктор Фрювейн настаивает на срочном курсе лечения в лесном санатории на озере Вальхензее, в Баварских Альпах, неподалеку от Мюнхена. А чтобы Ланца не очень тосковал, ему разрешено жить там вместе с семьей. Бетти взяла детей и незамедлительно приехала к мужу.

Известно, что Марио всегда был отвратительным пациентом. Он настолько „не умел“ лечиться, что от него буквально заболели сами врачи. Но сейчас Марио готов был смириться, лишь бы настал день съемок нового фильма. Да и предчувствовал он, что этот фильм может стать для него последним. Не потому, что он был нездоров и не надеялся на новые встречи с экраном. Дело в другом. Марио Ланца как никогда был близок к решительному шагу всей жизни - наконец-то посвятить всего себя опере.

Резко изменившийся, благодатный образ жизни, курс лечения, „сухой закон“ поправили здоровье Ланца. Он заметно похудел. А для экрана это, как известно, совсем неплохо.

На сей раз процесс работы был нетрадиционным. Раньше Ланца вначале записывал в студии музыку к картине, а затем, уже перед камерой, артикулировал под фонограмму. Сейчас все было сложнее. Киностудия „Корона-фильм“ арендовала на время съемок здание римской оперы и пригласила участвовать в фильме ее оркестр, хор и солистов. Проще говоря, Ланца должен петь как в обычном оперном спектакле, который записывался на магнитную ленту. Работа ответственная. Петь нужно „набело“, в оперном театре и перед самыми строгими судьями - оркестрантами и вокалистами знаменитой Римской оперы, знавшими лучших артистов мира.

Настал съемочный день, а с ним вновь сковывающий страх обуял певца. В груди у Ланца немота и дрожь, горло предательски заволокло пеленой. Перед самым началом записи Марио пожаловался дирижеру Джорджу Столлу: „Чувствую себя как под пистолетом: одно неверное движение, и в меня всадят пулю“. Маэстро сочувственно кивнул и поддержал артиста комплиментом, сказав, что его голос в прекрасной форме и что бояться ему нечего. Но что слова для Марио! Пот катил с него, ноги ватные, в горле ком...

Но вот зазвучало вступление к ариозо Канио. Кристально чистым, густым голосом пропеты первые фразы: „Играть, когда словно в бреду я...“ Это как будто про него. Он пел, как на последней исповеди. Столько раз мы говорили об этом... И говорим снова, ибо в этом одна из чудесных и загадочных черт Марио-художника: спеть - и умереть! Казалось, ничто - ни удары судьбы, ни болезни, ни бездумная растрата своего некогда могучего организма - не коснулось этого божественного дара, его голоса. Дирижер восторженно всматривался в певца. Возможно, он думал в эти мгновения истинного художественного наслаждения: «Что за странный народ эти певцы! Перед выходом на сцену

им непременно нужна молитва... Видите ли, „сегодня совершенно не звучит голос, и я не знаю, как буду петь..."»

Страх и нерешительности как не бывало. Теперь только мир звуков, льющихся вольно, без всяких усилий, с легкостью минующих рифы сложнейших, тесситурно высоких музыкальных фраз. „Смейся, паяц, над разбитой любовью..." А вот и финальное „карузовское рыдание", самый последний аккорд...

Малая пауза показалась певцу вечностью. А музыканты, освободившись от оцепенения, бросили инструменты, вскочили с мест, опрокинув пюпитры с нотами, захлопали, закричали дружно: „Браво, Марио, брависсимо!" К ним присоединились аплодисменты и восторженные приветствия солистов и хора. Долго-долго длилось это стихийное чествование. Из зала кинулся к сцене директор Римской оперы синьор Витале. По-итальянски красноречиво всплеснув руками, он закричал певцу: „Послушайте, дорогой Марио, вы должны немедленно бросить все и идти на оперную сцену. Вы рождены для оперного театра... Я сейчас же готов заключить с вами контракт. Опомнитесь, пока вы еще молоды!"

Во взгляде Ланца вспыхнул огонь. Его понимают! Его чувствуют по-настоящему! Их мнение совпадает с его собственным! А это так чудесно, когда тебя понимают... В смущении он проговорил: „Да, вы правы, синьор Витале, я должен прийти в оперу... Это единственная цель моей жизни..."

После этих искренних слов певца, прозвучавших в полнейшей вежливой тишине, все, кто был на сцене и в зале, с новой силой устроили певцу овацию.

Ариозо Канио отснято с первого дубля. Столь же великолепно исполнены отрывки из опер „Аида", „Отелло" Верди и „Так поступают все женщины" Моцарта.

О своем знакомстве с Марио Ланца в этот день вспоминает известный актер Ганс Зенгер. По сценарию в

эпизодах, связанных с Римской оперой, он должен был находиться в ложе театра в обществе очаровательной партнерши Ланца по фильму, исполнительницы главной роли Иоганны фон Коциан.

- Я впервые разговорился с Марио в Риме, во время записи музыкальных фрагментов в опере. До этого он казался мне далеким, угрюмым и недоступным. Я тогда не знал, что бедный Ланца постоянно пребывал наедине со своими мучительными предчувствиями. Я был всегдашним поклонником его пения. Но, услышав его „живьем“, я был очарован и потрясен его голосом и игрой. Не выдержав, я подошел к нему, чтобы выразить свое восхищение. Марио весь засиял от нескрываемого удовольствия по поводу комплимента от своего коллеги и сразу же проникся ко мне симпатией. Мы стали часто встречаться, и я имел возможность наблюдать за этим человеком. Мне пришла в голову мысль, с которой сразу же согласились мои друзья -Иоганна фон Коциан и Ани Розар: я сравнил Марио Ланца с раненым оленем. Как-то я осмелился и сказал об этом самому Марио. Он сразу как-то сник и погрустнел, а потом с тихой задумчивостью проговорил: „Как вы сказали, дорогой Ганс... раненый олень? Да, именно так...“ И он отвернулся, чтобы скрыть повлажневшие глаза.

Съемки завершились благополучно. В Соединенных Штатах фильм прошел под названием „Как впервые“ и имел необычайный успех. И вправду, в который раз думал Марио, стоило ему только уехать из Америки, как слава, приумноженная во много крат, вернулась домой. Действительно, нет пророка в своем отечестве.

„Серенада большой любви“ - последняя лента Марио Ланца. С большим успехом прошла она и по нашим экранам. Я часто пересматриваю видеозапись ее с чувством щемящей грусти. Передо мной облик певца, который не допел свою песню. Через год его голос станет лишь

достоянием истории, благодарной памяти современников, а позже и потомков. Я снова и снова смотрю эти кадры... Какой голос! Совершеннейшая чистота, превосходное смыкание голосовых связок... А тембр, переполненный обертонами, как ночное небо - звездами! Такое ощущение, что голос певца живет отдельной жизнью и, в отличие от своего хозяина, сдаваться не собирается. Наоборот, в полнокровности и красоте голоса - вызов судьбе. В его звучности, напоре - провозглашение жизни.

А выглядит Марио в этой картине уставшим, нездоровым. Утомленное лицо глубоко страдающего человека, припухшие веки, взгляд померк, он какой-то вымученный, в нем почти ничего не осталось от прежнего блеска, улыбка без знаменитой ланцевской лукавинки и озорства, в движениях какая-то неуверенность... Но, возможно, мне только так кажется. Ведь это - последний, прощальный его фильм. И я смотрю на него как на завещание артиста. Может, оттого-то и видится в его взгляде и жестах печаль ухода.

Снова, как и во многих предыдущих своих лентах, в „Серенаде большой любви" Ланца играет почти самого себя. Его герой - известный оперный артист, за которым закрепилась молва как о капризной звезде, о человеке ненадежном, жаждущем лишь земных наслаждений. Разумеется, таков наш герой в представлении газетчиков, любящих раздувать до чудовищных размеров недостатки знаменитостей. Но в этот экранный сюжет, конечно же, не адекватный жизненному прототипу, Ланца привносит и свое настоящее „я" - щедрость, любовь к простым людям, горячее и отзывчивое сердце. Герой фильма непочтителен к чопорной знати. Например, он заставляет эту „блистающую" аристократию ждать его в оперном театре, а в это время на улице, под ливнем, вдохновенно поет для „низшего сословия", для тех, кто не достал билетов на его спектакль.

Герой Марио Ланца предан в любви, свободен в чувствах. Он полюбил прекрасную благородную, но, к несчастью, глухую девушку. Он настойчиво борется за свое, за их счастье. Исколесил вдоль и поперек Европу в поисках врачей, способных избавить его любимую от тяжелого недуга. Ведь она не просто не слышит. Она не может услышать его голоса, в который герой фильма вкладывает всю страстность, всю свою любовь. Она должна исцелиться и услышать эту серенаду большой любви. Все заканчивается счастливо. Девушка обретает слух. А герой, узнав любовь, чистые жертвенные чувства героини, преодолевает, побеждает свои былые пороки.

Как было бы чудесно, если бы эта экранная сказка сбылась в собственной жизни Марио Ланца.

А теперь небольшие отрывки из рецензий на „Серенаду большой любви“.

После премьеры фильма в Нью-Йорке 13 августа 1959 года газета „Нью-Йорк Тайме“ писала: „Поразительным является тот факт, что фильмы с далеко не глубоким сюжетом благодаря участию в них Марио Ланца становятся волнующими и прекрасными. Певец поет сейчас как никогда, и голос его звучит еще блистательней“.

«Голос Марио Ланца в последнем фильме, - читаем мы в „Дейли Ньюс“ от 15 августа, - демонстрирует нам превосходную форму, а певец - прекрасное исполнение, будь то рок-н-ролл, лирическая песня или же оперная ария. В музыкальной части фильма вообще нет слабых мест...»

Итак, новая победа. На его горизонте - новый восход славы. Ни у кого, кажется, не должно быть никаких сомнений в том, что Марио Ланца крепко удерживает радугу своего успеха за оба ее конца. И она, это чудо-радуга, переливается всеми цветами, где есть и хрустально-голубой цвет надежды... Вот только пройдет эта страшная усталость, эта невероятная опустошенность... Вот только...

Из Берлина он вернулся изможденным. Его организм словно отключили от жизненной энергии. Осталась только воля. Он переступил порог римского дома и понял, что на этот раз нужно лечиться... И так, как он не лечился никогда.

Он ложится в римскую клинику „Валле Джулиа”.

Глава 32

«О, НИКОГДА Я ТАК НЕ ЖАЖДАЛ ЖИЗНИ...»

Вот мы дошли до того момента жизни Ланца, с которого автор начал свое вступление к этой книге.

Его зовут так же - Марио. Он художник. Он поет свою арию-исповедь перед расстрелом. Трагическая надежда. Жажда жизни. Но жизнь обманчива...

Марио Каварадосси, персонаж оперы „Тоска” Пуччини, - любимый герой Ланца. Он думает о нем и здесь, в клинике „Валле Джулиа”. Но вряд ли знает о том, что их судьбы пересеклись.

Да, именно в эти тяжелые дни Марио Ланца хотелось петь и петь, сниматься в фильмах, выступать на оперной сцене... А он вынужден отлеживаться в этой клинике... Странно, какое у нее поэтическое название - „Валле Джулиа”, „Долина Джулия”. Красиво и печально. Печальная красота.

О чем мог думать тогда бедный Ланца? Наверное, он закрыл глаза и попытался вообразить себе долину своей жизни. Но болезненные думы сковывали фантазию... Еще недавно он с мальчишеским оптимизмом, безоглядно откладывал на будущее то, что мог воплотить уже тогда. Вот, скажем, оперная сцена... „Метрополитен”... Цель всей жизни. И что же? Теперь он уже не получал приглашений из этого прославленного театра. Еще недавно с легкостью отклонял он предложения лучших театров мира. Ссылаясь на молодость и неподготовленность. Тогда ему было двадцать семь, двадцать восемь. Сейчас ему под сорок. Он в

расцвете вокальных возможностей, у него опыт... Но где взять силы, чтобы распорядиться судьбой?

Он похож на раненую птицу. Мысленно она - в небе, чертит круг за кругом, даль неоглядна, горизонт раздался, отступил. Но как взлететь наяву?

Остается мечта. И еще разве что воля...

Друзья и знакомые, навещавшие Марио, стали замечать в больном перемену. В его глазах затеплился свет. На лице стала чаще появляться улыбка. Настроение... Он шутит. В один прекрасный день Марио вдруг разразился напористым, яростным монологом.

- Я не хочу сдаваться в руки проклятой смерти. Я хочу жить и петь еще очень долго. Я снимусь как минимум еще в трех фильмах... А потом я хочу петь в опере и снимать оперу в кино. Раз кинопродюсеры не хотят тратить на это свои деньги, я создам свой фонд для этой цели... Фонд, который будет финансировать создание киноопер. Я мечтаю, чтобы люди, не имеющие возможности попасть в театр, могли бы наслаждаться ими на киноэкране, слушая прекрасную музыку в больницах, санаториях, домах для престарелых, в школах. Многие скажут: „Ланца сошел с ума". Но для меня это уже не будет новостью. Я твердо уверен, что человек, не верящий в святость высокого искусства, не верит ни во что.

Бетти смотрела на мужа удивленно раскрытыми глазами. Марио, только вчера доводивший ее до слез, сегодня неузнаваем. Марио полон надежд! Он так волнуется! В его словах - жажда действовать!

Это минуты счастья. Бетти устала от безнадежности и безысходности. Марио выбрался из ада одиночества и отчаяния. Не нужно ему говорить об этом. Она просто обнимет его. А слезы... Что слезы! Плачут и от радости...

Почувствовав малейшее облегчение, Марио вырвался из клиники. Бросился в пучину дел. Поначалу он подписал новый контракт с верной ему компанией „Эр-Си-Эй Виктор"

на запись грампластинок. Сроком на пять лет. Затем дал согласие участвовать в новых художественных фильмах „Гранада“, „Таков мой муж“ и экранизации оперы Леонкавалло „Паяцы“. Он наконец-то принял приглашение Римской оперы и неаполитанского оперного театра „San Carlo“. Он может петь любые партии по своему выбору и в любое удобное для него время. Продюсеры стали думать и о таком проекте на скорое будущее - фильма, где Ланца снялся бы в паре со всемирно известной оперной примадонной Марией Каллас, которая как-то призналась, что мистер Ланца - единственный в мире достойный ее партнер.

Марио всегда был убежден в том, что пластинки и кино - это все, что оставляет певец после себя миру. Компания „Эр-Си-Эй Виктор“ не могла не заметить азарта Ланца к работе и поспешила откликнуться на желания певца.

Сначала музыкальный редактор фирмы предложил Ланца записать любимые произведения из репертуара Энрико Карузо. Двойной альбом так и будет называться: «К а р у з о – Л а н ц а». Компания была уверена, что два совмещенных диска дадут возможность людям, слышащим в Марио второго „короля тенора“, сравнить эти два божественных голоса.

Хочу поделиться впечатлением от этого альбома.

Великий Карузо, как всегда, демонстрирует выдающийся голос, непостижимую вокальную технику, мастерство исполнения труднейших пассажей, мордентов, трелей, колоратур и т. д. А также, конечно, идеальную вокализацию и филирование звука, чистоту интонаций, блистательную кантилену... Словом, все то, что называется высочайшим искусством владения бельканто.

Но вот голос Ланца... В комнату входят доброта, искренность, горячее сердце, любящая и щедрая душа певца. Задушевный голос, обволакивающий, ласкающий тембр. И чувства, чувства и еще раз чувства. Становится

ясно, почему певец пел без дублей. С одного раза он в песню или романс вкладывал все свое сердце. Второй дубль требовал времени, чтобы пережить смерть, это умирание в каждой новой ли, старой песне или арии. Возможно, кто-то возразит: а было ли у него истинное мастерство, позволяющее петь ровно, когда хочешь и сколько хочешь? Отвечу так: мастерство и душа - вещи разные. Редко они уживаются. Бывает, хочешь идеально спеть какую-то фразу, начинаешь вокализировать, ломать голову над тем, как правильно прикрыть верхнюю ноту, а для этого задолго начинаешь готовиться к встрече с ней, и... душа отключается, отринутая холодным рассудком мастерства, а верней сказать, ремесла. И наоборот. Дашь волю чувствам, захлестывают эмоции, и... прощай, „вокальная школа"... Понимаю, высшая цель - соединение души и мастерства. Но полное слияние этих двух стихий - удел гения, а стало быть, редкость в искусстве.

И Ланца, случилось, было под силу сочетать в своем пении и щедрое сердце, и уроки маэстро Розатти. И тогда была недостижимая высота, на которой у слушателя захватывает дух. В такие минуты мои друзья, бесконечно поклоняющиеся искусству Карузо, Джильи, Монако или Доминго, слушая Ланца, восклицали с искренним восторгом: „Такого не было и, наверное, не будет!"

Я не хочу убеждать кого-то или разубеждать. Поклоняйтесь своим кумирам... К великому сожалению, Ланца не сделал в своей жизни, как считают, главного шага - не посвятил себя опере. Но вправе ли мы винить певца, который не мог предвидеть, сколь мгновенной, скоротечной будет его жизнь. Ясно одно: отпущено ему было во сто крат больше, чем он истратил. И, останься он жив, может, не было бы ему равных и в оперном искусстве.

Но вернемся к тем дням, когда певец только что записал свои последние пластинки. Одновременно с альбомом «Карузо-Ланца» Марио готовит еще одну запись с коротким названием: „Марио". Ее он полностью посвящает неаполитанским песням своего детства. Их пела ему мать Мария... В это время он вызвал ее из Америки в Италию вместе с отцом и дедом. Он написал, что безумно соскучился. Это была правда. Ну и, возможно, чуть-чуть корысть: Мария помогла бы сыну по части неаполитанского диалекта. А в результате даже итальянцы разводили руками, слушая пластинку: нет, не может так владеть неаполитанским наречием человек, не живший доселе в Италии!

За этими двумя альбомами уже спешил третий - запись известной оперетты Рудольфа Фримля „Бродячий король". В студию пришла вся семья Ланца. В такой милой домашней обстановке Марио творил чудеса. Ничего подобного работники солидной компании не видели. Мнение было единодушным: сон! Певец записал всю пластинку всего за шесть часов. Блестяще, безукоризненно! Послушайте сами, и вы поймете общее волнение, этот художественный шок.

Мария не хотела покидать сына. Она не видела его года два. А Италию - целую вечность. Но в Калифорнии дела. На аэродроме Марио тихо и ласково попросил мать: „Знаешь, возвращайся на Рождество.. А к тому времени вспомни-ка еще какие-нибудь неаполитанские песни... Я хочу записать как можно больше родных мелодий".

У трапа ревущего самолета Мария вдруг остановилась. По ее лицу пробежала тень. Она, пристально посмотрев на сына, сказала, верней, крикнула, перекрывая шум моторов:

- Фредди, мой мальчик, держись подальше от таких людей, как Лаки Лючано. От этих мафиози ничего, кроме неприятностей, не получишь. Ты же всегда

говорил, что никогда не будешь с ними сотрудничать. Держи слово. Опасайся гангстеров.

- Не волнуйся, мама. - Марио улыбался. - Ты же знаешь, я не продаю свой голос.

- Да, да, я знаю, но этот человек околачивается в твоём доме, а ты с ним так грубо разговариваешь, споришь. Я все время ждала, что вы вот-вот подеретесь...

Марио обнял мать, озорно приподнял от земли. Мария была по-прежнему легкой, изящной, моложавой. Пусть она не волнуется. Ничего плохого не случится. А то, что этот Лючано торчит в его доме, - ерунда. Не может же он, ее сын Фредди, отказать себе в итальянском гостеприимстве.

Моторы надрывно взревели, невыносимым гулом взрезая плотный, как одеяло, воздух, самолет задрожал и медленно тронулся с места. Разгон, дымный голубоватый шлейф за стальной птицей, ставшей точкой, исчезнувшей за линией горизонта.

„До скорого свидания, мама!"

Записана еще одна, четвертая по счету, пластинка - „Песня пустыни", по мотивам известной оперетты Ромберга. И вновь блистательная победа.

Теперь, кажется, записано все, что задумано... И все-таки что-то тревожит... Вдруг, как проблеск молнии, воспоминание. Год 1951, запись пластинки „The Lord's Prayer" („Мольба к Богу" - романс композитора Малотте, положенный на текст молитвы „Отче наш"). Все эти годы Ланца хотел записать „Молитву" заново. Теперь это нужно сделать. Он осуществил эту запись. Она оказалась последней в жизни певца.

Наверное, это не просто случайное совпадение... Ланца думал о светлом завтра, но душой все же предчувствовал глас судьбы, предвестие близкого рокового конца.

Глава 33
«ПОСЛЕДНЯЯ МОЛИТВА»
(по мотивам рассказа Т. Робинсона)

Настало время, дорогой читатель, перевернуть последние страницы жизни легендарного артиста. Самые трагические и самые загадочные...

Упорство „короля мафии" Лаки Лючано вконец сломило сопротивление Ланца. Он уговорил Марио дать один лишь концерт в Неаполе - благотворительный. Лючано долго убеждал певца, что сбор от этого концерта пойдет на святые дела.

- Мы, - говорил главарь, - способны и на добрые чувства.

Ланца сдался, но тут же оговорил: только лишь один концерт и только благотворительный, в полном смысле этого слова. Он робко признался в этом Бетти... Бетти расстроилась. Она помнила слова Марио, сказанные матерью, о том, что он никогда не будет сотрудничать с мафией. Но что делать? Марио и сам теперь чувствовал себя виноватым.

Недавно он исполнил задуманное и вновь записал „Молитву". Обычно ранее записанные произведения отлетали от него, как осенние листья. Конечно, приходилось петь ту или иную арию или песню повторно, но ему всегда хотелось нового, неизведанного. А вот к „Молитве" - совсем другое чувство. Она всегда притягивала, волновала, тревожила. Хотелось слушать ее снова и снова.

Вот и сейчас он сидел в своем кабинете и в который раз переслушивал „Молитву".

В комнату вошла Бетти. Марио поднял к ней усталое бледное лицо. На лбу - крупные капли испарины. Бетти

встревожил его вид. Как бы в ответ на ее немой вопрос Марио сказал с тяжелым придыханием.

- Да, Бетти, что-то я себя неважно чувствую...

- У тебя нет болей в груди? - Бетти показалось, что у него сердечный приступ.

Марио покачал головой.

- Нет, у меня очень болит нога. Я думаю, что это из-за моего веса. Я должен готовиться к записи фонограммы для фильма „Гранада"... Мне нужно сбросить фунтов пятнадцать.

Он встал, прошелся по комнате, остановился возле жены.

- Знаешь, Бетти, я не могу выступать на этом благотворительном концерте в Неаполе. Мне лучше провериться у доктора Морика и лечь к нему в клинику на тщательное обследование. Мне нужно несколько дней отлежаться, чтобы дать ноге отдых...

Бетти в сильном волнении прижала к груди руки.

- Ты хочешь подписать себе смертный приговор? Эти люди не шутят. Тебе не надо было с самого начала соглашаться на концерт, если ты не хотел его давать. Это не „МГМ", тут так просто не отвертись. Какой грязный скандал они устроили тебе, когда ты не явился на репетицию...

Марио устало махнул рукой, тяжело вздохнул.

- Господи, что мне их угрозы. Всякие убийства случаются только в кино, Бетти. - Он невесело улыбнулся. - Да и мое имя слишком громкое для тех, кто попытается что-нибудь против меня затеять. В конце концов будет расследование, и правду узнает весь мир...

- Марио, ты сошел с ума! Что ты несешь?

Он будто не слышал слов жены.

- Нет, эти люди не пойдут на такое. Им не нужен громкий шум. Эти звери - ночные охотники... И вот что я тебе скажу, Бетти. Пойди-ка к организаторам концерта... А я сейчас начну

подписывать альбомы. Ты сможешь раздать их бесплатно... Понимаешь, вместо меня...

Бетти поняла, что сейчас спорить с ним бесполезно. Он твердо решил лечь в больницу.

На следующий день он уже был в клинике „Валле Джу-лиа". Началось активное лечение, был применен новый терапевтический метод, якобы позволяющий значительно похудеть. В основе лечения - комплексное внутривенное вливание.

Рядом с Марио неотступно находился его шофер. Он спал в больничной палате. Похоже, что этот человек выполнял и обязанности телохранителя. Для Ланца выделена специальная сестра. У нее также была охранная роль - она оберегала певца от санитарок и прочего персонала, жаждущего заполучить автограф знаменитости.

Мир огражден больничными стенами. Единственная связь - телефон. Марио как-то позвонил в Филадельфию. У него прекрасное настроение. А раз так, то Марио хочет петь. Целый час его голос летел через океан. Его слушали мать и отец, потом к ним присоединился Терри.

Мария удивлена, что ее сын в больнице. Когда они расставались, ничего болезненного в нем она вроде бы не заметила. В ее вопросе недоумение:

- А ты, дорогой мой мальчик, уверен, что заболел?

- Мам, у меня что-то с ногой. Я говорил тебе...

Они сделают анализы, и я вернусь дня через два. А вы с отцом приезжайте на Рождество. Ведь вы приедете?

- Да-да, Фредди, твой отец ждет не дождется. Я все время говорю ему, что осталось ждать всего два месяца... Ты же знаешь, какой он нетерпеливый. Он хочет выехать немедленно...

Марио услышал голос матери. И ему стало хорошо, уютно, повеяло домашним теплом, как давным-давно в Филадельфии, когда они жили все вместе.

Потом Марио поговорил с Терри.

-Алло, Тигр, что слышно хорошего?

- Хорошего слышно, что ты должен бросить этот свой спортивный зал и приехать сюда. Тебе место рядом со мной. Если бы ты был здесь, я был бы в форме и ложиться в больницу худеть мне бы не пришлось. Ты же знаешь меня и мой организм лучше, чем все остальные. Приезжай на Рождество вместе с моими. Мы устроим большой праздник. Я познакомлю тебя здесь со всеми, и у меня всегда для тебя найдутся симпатичные девочки...

- О, Марио, ты не меняешься...

Так неплохо завершился этот день. А на следующее утро Бетти разбудил звонок из клиники. Звонил врач. Сообщил, что у синьора Ланца большое сердце. Бетти не могла понять, о чем это ей говорят. Как сердце? Она не может в это поверить...

Вслед за этим звонком последовал другой. Шофер Ланца каким-то таинственным шепотом, словно это было страшным секретом, сказал, что про сердце ничего не известно, вот только сестра думает, что у него воспаление легких.

Что за чепуха?! То сердце, а теперь воспаление легких.

Бетти в растерянности. Чуть позже - новый звонок. Да, вроде бы все-таки сердце. Диагноз подтверждает врач-кардиолог.

Дома недоумевает Бетти, в клинике возмущается Марио.

- Черт! Я же силен и здоров как бык. У меня не большое сердце. У меня болит нога. Так ногой и занимайтесь. И нечего усложнять ситуацию...

Но протест Марио пропал, как вода уходит в песок. Его словно нарочно не хотели слушать.

Вот вам и хорошее настроение! Вечно эти умники-врачи. Да они кого угодно залечат, лишь бы им дать волю и заплатить как следует.

Нужно что-то делать. Он позвонил Бетти.

- Скажи, что они со мной делают? Я приехал сюда только проверить ногу, а они меня всего утыкали иглами и вливают в меня какую-то гадость! Бетти, какого черта я здесь торчу!

Бетти как можно жестче сказала ему:

- Успокойся, Марио. Так надо. Хоть раз в жизни тебе нужно смириться и строго выполнять все, что говорят врачи.

А потом другим голосом она проговорила:

- Концерт через день, Марио. Ты слышишь меня? Я не знаю, что делать... Так что ты, пожалуйста, ничего не выдумывай. Лежи и слушайся докторов.

Через час-другой Марио опять звонил жене. И уже не скрывал своего отчаяния.

- Они мне все время твердят, что у меня большое сердце. И они настаивают, чтобы я здесь остался. А я хочу домой, я соскучился по тебе и по детям.

Бетти жалко его. Но надо ему потерпеть. Ведь он же не ребенок. Ее голос звучит сердито.

- Перестань, Марио, звонить мне каждые пять минут. Я все равно ничего не могу сделать. Слушайся врачей и отдыхай.

Неожиданно Марио заплакал.

- Может, это конец, Бетти? Я всегда говорил тебе, что долго не проживу.

У Бетти все внутри оборвалось. Но она понимала, что нужно взять себя в руки.

- Да, дорогой, ты и через пятьдесят лет мне скажешь, что ты долго не проживешь. Так что отдыхай пока. Когда вернешься домой, у тебя будет много времени, чтобы

поиграть с детьми, а сейчас не мешай мне. У меня тысяча дел... Я тебе расскажу, чем кончится вся эта затея с концертом.

А несостоявшийся концерт обернулся скандалом. Альбомы, которые принесла Бетти, никого не усмирили. Цены на билеты были взвинчены. Спекулянты поработали на славу. Когда в зале сообщили, что певец в больнице, началась буря. Как Бетти выскользнула ужом из этого взбаламученного ада - неизвестно. Слава Богу, осталась жива.

Теперь Бетти думала лишь о том, чтобы до Марио не дошли все эти скандальные подробности. Она связалась с врачом. Попросила, чтобы газеты, в которых наверняка постараются раздуть это событие, не попали к мужу. Он человек горячий. Разъярится и вырвется из больницы! А потом случится то, что никто не сможет предсказать, даже она, его жена.

Врач обещал оградить его от свежих новостей и удержать синьора Ланца в больнице столько, сколько необходимо.

А что же Марио? У него план: бежать! В тот же день предполагаемого концерта он велел своему шоферу привезти из дома смену белья. Это был маленький заговор обреченного. „Поезжай ко мне домой, - шептал он шоферу, оглядываясь по сторонам, - пусть никто не знает, о чем я тебя попросил. Привези мне во что переодеться и давай-ка выкатываться отсюда к чертям, прежде чем меня не уробили всеми этими вливаниями“.

Это последние слова Марио Ланца, которые мы произносим. Сейчас он в совершенном одиночестве, наедине с собой, в этой клинике с поэтическим названием. Он и судьба... В тисках больничных стен, замкнувших его жизненный круг.

Шофер вошел в дом на улице Брюссель, 56. Его увидела старшая дочь Ланца Коллин. Она удивлена: этот человек никогда не оставлял своего хозяина.

-Где отец?

- Он там, в кабинете у доктора. Я сейчас к нему еду.

-Отец что, сильно болен?

-Нет, нет, он просто устал. Это переутомление...

Шофер тут же возвратился в клинику с одеждой. Вошел в палату. Марио Ланца был без сознания. В его руке торчала игла внутривенного вливания. Шофер крикнул, чтобы пришла медсестра. Она вышла откуда-то из глубины здания. Шофер показал ей на банку, в которой должно быть лекарство. В капельнице было пусто. В тело Ланца поступал только воздух...

ЭПИЛОГ

Это случилось 7 октября 1959 года.

А в то время Бетти не находила себе места. Все у нее валилось из рук. Ее все еще мучил неприятный осадок из-за того, что она так резко выговаривала накануне Марио. Она-то лучше других знала, что он большой только для других, для нее Марио - еще один, самый капризный ее ребенок. Нет, надо поехать в больницу. Нужно поддержать мужа.

Ее мысли перебил телефонный звонок. Она вздрогнула... Звонил доктор Сильвестри, детский врач, знакомый их семьи. В клинике он очутился случайно.

-Здравствуйте, Бетти. Это доктор Сильвестри...

Бетти не дала ему договорить.

- Доктор, я хочу, чтобы к телефону подошел Марио...

После небольшой паузы голос доктора Сильвестри прозвучал сдавленно.

- Мне очень жаль, Бетти, но вы уже не сможете поговорить с ним. Марио только что умер. Примите мои соболезнования.

Бетти, вскрикнув, уронила трубку...

Весть о кончине великого певца полетела по миру. А вместе с ней и загадка его смерти, которую не удалось разрешить и по сей день. Одни говорили о смертельном уколе, случайной роковой медицинской оплошности - пузырек воздуха попал из иглы в вену. Кто-то винил эту новую терапию, которая якобы не была утверждена медицинской службой США. Третьи описывали его кончину иначе: Ланца сидел на кушетке, читал газеты и журналы, и вдруг раздались стоны. Сиделка Ансельма услышала последние его, полусознательные слова. Они были такими: „Я люблю тебя, Бетти, Бетти..." А потом ему часа три безуспешно делали искусственное дыхание... Говорили также, что певец тихо ушел во время лечебного сна, который был ему противопоказан.

Обстоятельства, при которых Мария Ланца узнала о смерти сына, очень драматичны.

Она рассказывала:

- Мы с Антонио уже легли спать, и вдруг раздался поздний телефонный звонок. Трубку взял Терри в своей комнате. Я поднялась и услышала, что Робинсон, который разговаривал приглушенно, вдруг положил трубку и включил на полную громкость радио. Он даже не обратил внимание на ночное время... По радио пел мой Марио... Через минуту музыку прервали и диктор объявил, что „великий тенор

Марио Ланиа, чей голос мы только что слушали, скончался сегодня в Риме". Я потеряла сознание...

Через три дня, в субботу, была заупокойная служба в церкви Сан-Беллермино в римском районе Париоли. Катафалк медленно тащили лошади, запряженные цугом. Тысячи римлян вышли проводить своего любимца. Толпа на изгибах улиц сдавливалась, и раздавались истошные крики чуть ли не до смерти смятых людей.

Не счесть желающих попрощаться с Марио Ланца... Филадельфия буквально потребовала, чтобы тело Ланца привезли на родину. Хотели попрощаться его земляки. И опять тысячи и тысячи убитых горем людей. Похоронное бюро Леонетти было открыто весь вечер.

Потом Лос-Анджелес. От столь долгих переездов из Европы в Америку лицо Марио преобразилось до неузнаваемости. Родные и близкие Ланца возмущались тем, что люди, знавшие артиста красивым и улыбчивым, теперь видят чужое лицо, маску. Но желания у тысяч поклонников не отнять. Они имеют право на последний прощальный взгляд. Лицо Ланца воссоздали пластикой и гримом, и вновь прощания...

Бетти от горя в туманном бреду. Она не верит ни одной из версий о причине смерти мужа. Она сразу же решила сказать об этом Терри: „Я думаю, что в этом замешана мафия". Робинсон не склонен разделять это. Версия об убийстве Марио мафиози кажется ему слишком мелодраматичной. „Ну зачем, Бетти, мафии убивать великого певца?"

Но Бетти трудно отговорить. Она рассказала Терри о том злополучном концерте, про двух мужчин, которые приходили на виллу с угрозами. Да и самому Терри вспомнилось, как Ланца вышиб из дома этих двух бандитов - Лючезе и Ломбардо. Но ведь тогда их угрозы так и остались словами.

Бетти сказала другу семьи и о загадочной медсестре, которая сделала это внутривенное вливание. Где она теперь? Ее не может отыскать полиция. А шофер? Он тоже исчез. И никто не знает, где он...

Тайна остается тайной... Хотя версии и легенды не убывают. Но неопровержимо жесток и реалистичен один факт: тот, кого мы называли Марио Ланца, умер... И унес с собой тайну своей жизни и смерти.

21 октября, через две недели после кончины певца, с Марио Ланца попрощался Голливуд. Медный гроб, покрытый американским флагом, установлен в голливудской церкви Святых Даров. Живые звезды провожали в последний путь погасшую звезду. Голливуд может быть щедрым и может быть жестоким. В его золотые сети никогда больше не залетит золотой соловей. Всемогущие киномагнаты, поникшие и словно враз постаревшие перед гробом погибшего кумира, знали, что такое не повторится никогда.

Мелькали и трещали кинокамеры, мельтешили фотографы, рыдали обезумевшие от горя и бесконечно верные покинувшему их кумиру поклонницы, и пронзительный, раздирающий душу голос вился над этим пестрым скопищем людей. Отец Марио Ланца Антонио кричал, и бился, и требовал, и умолял: „Оставьте моего сына, заберите меня. Я старый. Оставьте моего сына!“

Ланца временно похоронили на кладбище Калвари. Позже его останки перенесли на кладбище Святого Креста.

Бетти ненадолго рассталась с Марио.

Когда в Риме на похоронах ее спросили, намерена ли она вернуться с детьми в Америку, Бетти ответила: „Я буду всегда там, где мой Марио...“

Только позднее стала ясна роковая суть этих слов. Бетти прожила еще пять месяцев, вернее, пять месяцев она пыталась вернуться к жизни ради своих детей. Но даже они не могли заменить ей того, кто был для нее самой большой радостью и самой большой болью... Был всем.

В тот день она долго не выходила из спальни. Вошедшие увидели Бетти, лежавшую навзничь... Возле нее были разбросаны пустые упаковки от таблеток снотворного.

Она ушла туда, где ее Марио, чтобы встретиться там, у Святого Креста.

... Я слушаю молитву „The Lord's Prayer" - последнюю запись его голоса. Теплые, чистые и трепещущие, словно догорающая свеча, звуки. Чарующий, дивный голос Ангела, покидающего земные пределы.

Это его голос. И вместе с тем это уже голос вечности. Каждую строфу венчает мягкий удар колокола. Мне уже кажется, что он отсчитывает последние такты жизни певца... Конец его счастливой и трагической повести. А прозрачные скрипки уносят в небеса голос, овеянный светлой мольбой.

Our Father who art in heaven,
 Hallowed be thy name.
 Thy Kingdom come; thy will
 be done on earth, as it is in heaven;
 Give us this day our daily bread,
 And forgive us our debts,
 as we forgive our debtors.
 And lead us not into temptation,
 but deliver us from evil.
 For thine is the Kingdom, and
 the power, and the glory, for ever.
 Amen.

Отче наш, сущий на небесах,
 да святится имя Твое.
 Да придет царствие Твое;
 да будет воля Твоя и на земле, как на небе;
 Хлеб наш насущный дай нам на сей день;
 И прости нам долги наши,
 как и мы прощаем должникам нашим;
 И не введи нас в искушение,
 но избавь нас от лукавого.
 Ибо Твое есть Царство и
 сила и слава вовеки.
 Аминь.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мир не забыл Марио Ланца. Почти все его записи воспроизведены на новейших лазерных дисках. Планету оглушают новомодные течения рока, heavy metall... Рождаются новые шоу-звезды - талантливые и не талантливые. А что дальше и кто следующий „властелин толпы" - никто не знает. И даже в этом хаосе голос легендарного тенора звучит, живет! И, видимо, будет жить всегда, пока еще существует на свете красота.

Пророческими стали слова Артуро Тосканини... Мы слышали многих прекрасных теноров, но голос Марио Ланца так и не нашел себе равных. Кто-то старается ему подражать... Это бессмысленно. Ланца пел не горлом - пел сердцем, а сердцу и душе подражать невозможно.

Самое дорогое наследие для детей Ланца - Коллин, Элисы, Дэймона и Марка - имя их великого отца. Они свято берегут это наследие и многое делают на благо памяти Ланца. По их инициативе сегодня работают семнадцать Обществ Марио Ланца, объединяющих огромное число его поклонников.

В Филадельфии находится Дом-музей Ланца. Почтить память своего замечательного предшественника приходят сюда выдающиеся певцы наших дней - Пласидо Доминго, Лючано Паваротти, Хосе Каррерас и многие другие.

Ежегодно в октябре, в день смерти великого певца Филадельфийское и Британское общества Ланца организуют траурные вечера, посвященные этой дате. В один из таких вечеров я с супругой Тамарой Синявской был в числе приглашенных. Терри Робинсон торжественно объявил о нашем присутствии и предстоящем выступлении. Многочисленные гости восприняли наше появление с

горячим энтузиазмом - впервые за 30 лет в таком вечере участвовали советские певцы.

Здесь мы познакомились с очаровательными, очень напоминающими отца, детьми Марио Ланца и с Терри Робинсоном, который после смерти друга воспитывал его двух дочерей и двух сыновей.

Что еще?

Создан Фонд Марио Ланца; он призван помогать начинающим молодым певцам. Ежегодно на таких вечерах памяти они делятся своими успехами.

В Нью-Джерси, в Музее Славы, в компании великих людей Соединенных Штатов - ученых, писателей, композиторов, президентов, общественных деятелей - стоит бюст Марио Ланца. Единственный певец США удостоен такой чести. Именем Ланца был назван пассажирский авиалайнер. В Филадельфии расположен Парк Ланца. В Голливудском музее возвышается восковая фигура Ланца в роли Герцога из „Риголетто“ (фильм „Великий Карузо“).

Но меня все же волнует другая память о Ланца. Его голос, чудесно воплотившийся почти в восьмистах произведениях и в семи фильмах. Столько он сделал за свои 14 лет творческой жизни!

Он каждый раз умирал в песне, арии или романсе, чтобы не умереть никогда.

Когда в цикле радиопередач о Марио Ланца я сказал о том, что собираюсь написать книгу, то сразу же получил предложения бескорыстной помощи от знакомых и не знакомых мне людей. Они предоставили мне документы, фотографии, которые хранили много лет как святую реликвию. Среди этих добрых моих соавторов — исследователи, музыканты и просто преданные поклонники красоты и совершенства.

Хотелось бы рассказать о них подробнее, так как знакомство с этими приятными сердечными людьми во многом обогатило мой мир... Но боюсь кого-то невольно выделить, умалив вклад другого в создание данной книги. И пусть простят меня мои друзья — я просто отмечу их имена в алфавитном порядке.

Но каждому я безмерно благодарен и преисполнен симпатии.

Итак, мои соавторы:
Владимир Атлантов
Винсент Де Финн
Любовь Евелева
Валентина Жилина
Алевтина Каверина
Терри Робинсон
Валентина Трофимова
Виктор Уланов
Олег Шишов
Спасибо вам, друзья!

Муслим Магомаев

СОДЕРЖАНИЕ

От автора

Пролог

Глава 1. "Малая Италия"

Глава 2. "Крепыш Фредди"

Глава 3. Маленький поклонник великого Карузо

Глава 4. "Я жду, чтобы меня кто-нибудь открыл"

Глава 5. Эта нелегкая профессия — певец

Глава 6. Рождение новой звезды

Глава 7. "Карузо Американских ВВС"

Глава 8. Вверх по лестнице, ведущей...

Глава 9. Марио и Бетти

Глава 10. Маэстро Розатти

Глава 11. Что было бы, если...

Глава 12. "Таков был Марио Ланца"

Глава 13. В созвездии "Бельканто"

Глава 14. "Коронация в голливудской чаше"

Глава 15. Под прожектором "МГМ"

Глава 16. В "Золотой клетке"

Глава 17. "Когда зацветут нарциссы"

Глава 18. Медные трубы славы

Глава 19. "Любимец Нового Орлеана"

Глава 20. "Великий Карузо", или Звездный час

Глава 21. "Король в заточении"

Глава 22. По воле контракта

Глава 23. Чудесная сказка Рафаэлы

Глава 24. Изгнание из Голливуда

Глава 25. Три года ночи

Глава 26. Возвращение в Голливуд

Глава 27. Опасный конфликт

Глава 28. Все дороги ведут в Рим

Глава 29. "Коронованная королева"

и некоронованный король»

Глава 30. "Гладь и ухабы" Европы

Глава 31. "Серенада большой любви"

Глава 32. "О, никогда я так не жаждал жизни"

Глава 33. "Последняя молитва"

Эпилог

Послесловие